

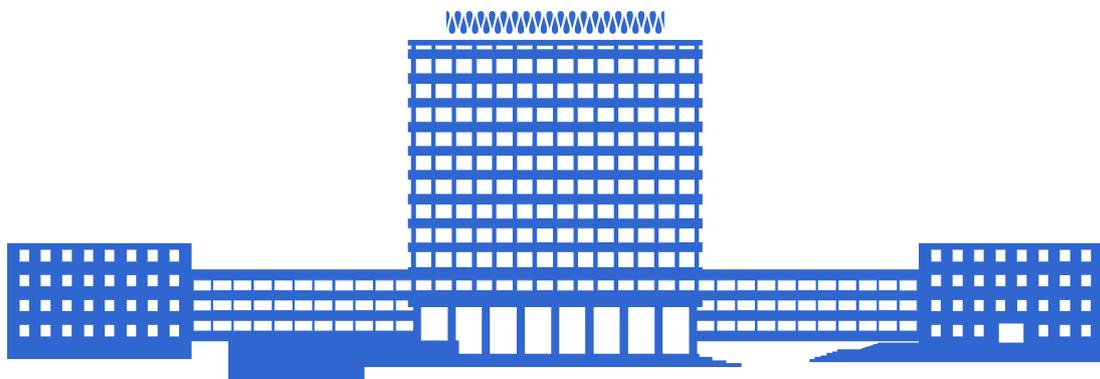
ISSN 2415-8720

ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**STUDIA
GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA**

Том 17 Выпуск 1 (51) 2021

ДОНЕЦК

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica: научный журнал / отв. ред.
В. Д. Калиущенко. – Донецк: ДонНУ, 2021. – Т. 17. – Вып. 1 (51). – 150 с.

*Печатается по решению Учёного совета
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 2 от 26 марта 2021 г.*

В журнале освещаются актуальные проблемы германистики, романистики, типологической и сопоставительной лингвистики, общей теории языка, теории перевода, методики преподавания иностранных языков в высшей школе.

Рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов высших учебных заведений.

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (приказ Министерства образования и науки ДНР № 1134 от 01.11.2016).

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Донецкой Народной Республики (свидетельство о регистрации средства массовой информации № 000072 от 22 ноября 2016 г., серия ААА).

Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ): лицензионный договор № 85-02/2016 от 24.02.2016 г.

Основатель и издатель: Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет».

Адрес редколлегии: 283001 Донецк, ул. Университетская, 24
тел.: +38 062 302 09 22

ISSN 2415-8720

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ**

STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Том 17 Выпуск 1 (51) 2021

Редакционная коллегия

д. филол. наук, проф. В. Д. Калиущенко (ответственный редактор);
д. филол. наук, проф. О. Л. Бессонова (зам. ответственного редактора);
к. филол. наук, доц. Н. Е. Гапотченко (ответственный секретарь);
д. филол. наук, проф. Ш. Р. Басыров; д. пед. наук, проф. О. Г. Каверина;
д. филол. наук, проф. С. Е. Кремзикова; д. филол. наук, проф. А. В. Ленец;
д. филол. наук, проф. С. Г. Николаев; д. филол. наук, проф. Т. Н. Никульшина;
д. филол. наук, проф. А. Д. Петренко; д. филол. наук, проф. А. В. Петров;
д. филол. наук, проф. М. В. Пименова; д. филол. наук, проф. В. И. Теркулов;
д. филол. наук, проф. З. А. Харитончик; д. филол. наук, проф. Л. Н. Ягупова

Донецк ДонНУ 2021

**STATE EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER PROFESSIONAL
EDUCATION «DONETSK NATIONAL UNIVERSITY»**

FACULTY OF FOREIGN LANGUAGES

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

LINGUISTIC JOURNAL

Published 4 times a year

Volume 17 Issue 1 (51) 2021

Editorial Board

Doctor of Philology, Prof. V. D. Kaliuščenko (editor-in-chief);

Doctor of Philology, Prof. O. L. Bessonova (vice-editor-in-chief);

Candidate of Philology, Associate Prof. N. Ye. Gapotchenko (executive secretary);

Doctor of Philology, Prof. Sh. R. Basyrov; Doctor of Pedagogy, Prof. O. G. Kaverina;

Doctor of Philology, Prof. S. E. Kremzikova; Doctor of Philology, Prof. A. V. Lenets;

Doctor of Philology, Prof. S. G. Nikolaev; Doctor of Philology, Prof. T. N. Nikulshina;

Doctor of Philology, Prof. A. D. Petrenko; Doctor of Philology, Prof. A. V. Petrov;

Doctor of Philology, Prof. M. V. Pimenova; Doctor of Philology, Prof. V. I. Terkulov;

Doctor of Philology, Prof. Z. A. Kharitonchik; Doctor of Philology, Prof. L. N. Yagupova

Donetsk DonNU 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Т. 17, Вып. 1 (51), 2021

Германские языки

<i>Голодов А. Г.</i> Политическая стигматизация как вербальная технология информационной войны (на материале немецкой массовой прессы).....	5
<i>Мохосоева М. Н.</i> Реализация густативной лексики в англоязычном газетном медиатексте	13
<i>Мухина Д. С.</i> Морфологические маркеры дискурсивных актов в современной драме....	23
<i>Леонтьева В. А.</i> Использование корпуса параллельных немецко-русских художественных текстов для изучения функционирования модальных глаголов в современном немецком языке.....	33
<i>Нефедова Л. А., Кустова А. М.</i> «Антислово» года как особый вид лингвистической рефлексии в Германии и Австрии.....	45
<i>Чечина И. В.</i> Женские имена со значением ‘красота’ в англоязычной ономастической картине мира.....	55

Типологические и сопоставительные исследования

<i>Basova T. A.</i> Variability of Japanese and English Phraseological Units with a Somatic Component.....	68
<i>Бекоева И. Д.</i> Метонимические связи в переводческой ономастике.....	78
<i>Войтенко Е. Ю.</i> Тематическая классификация компонентов в составе английских и русских фразеологических единиц, репрезентирующих природный код культуры....	88
<i>Джиоева В. П.</i> Общественно-политическая лексика, обозначающая наименования лиц и совокупностей лиц в осетинском и английском языках.....	101
<i>Квач Ю. А.</i> Структурные особенности строительных терминов в английском и русском языках.....	114

Методика преподавания иностранного языка

<i>Мерхелевич Г. В.</i> Виртуальный образ как инструмент адекватного содержательно-смыслового восприятия иноязычной информации на монолингвальной и билингвальной основах.....	126
--	-----

CONTENTS

Studia Germanica, Romanica et Comparatistica Vol. 17, Issue 1 (51), 2021

Studies in Germanic Languages

<i>Golodov A. G.</i> Political Stigmatization as Verbal Technology of Information War (Based on German Mass Media).....	5
<i>Mokhosoeva M. N.</i> Implementation of Gustatory Lexis in English-Language Newspaper Media Text.....	13
<i>Mukhina D. S.</i> Morphological Markers of Discourse Acts in Modern Drama.....	23
<i>Leonteva V. A.</i> Corpora of Parallel German-Russian Fiction Texts Used for Studying the Functioning of Modal Verbs in Modern German.....	33
<i>Nefedova L. A., Kustova A. M.</i> Un-Words of the Year as Special Type of Linguistic Self-Reflection in Germany and Austria	45
<i>Chechina I. V.</i> Female Personal Names with the Meaning ‘Beauty’ in English Onomastic World Picture.....	55

Typological and Contrastive Studies

<i>Basova T. A.</i> Variability of Japanese and English Phraseological Units with a Somatic Component.....	68
<i>Bekoeva I. D.</i> Metonymic Connections in Translation Onomastics.....	78
<i>Voitenko Ye. Yu.</i> Thematic Classification of Components in Phraseological Units Representing the Cultural Code «Nature» in English and Russian.....	88
<i>Dzhioeva V. P.</i> Socio-Political Vocabulary of Names of Persons and Aggregates of Persons in English and Ossetian	101
<i>Kvach Yu. A.</i> Structural Features of the Construction Terminology in English and Russian.....	114

Methods of Language Teaching

<i>Merkhelevich G. V.</i> Usage of Mental Images for Adequate Understanding of Foreign Information on the Monolingual and Bilingual Basis	126
---	-----

ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ

УДК 811.112(05)

© 2021 А. Г. Голодов

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СТИГМАТИЗАЦИЯ КАК ВЕРБАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЙ МАССОВОЙ ПРЕССЫ)

В статье предлагается анализ политической стигматизации как вида медийной вербальной технологии, которая представляет собой наиболее жёсткий вариант дискредитирующей лексики. Термин «политическая стигматизация» трактуется как «навешивание диффамирующего ярлыка на неудобного политика для создания негативного стереотипа в общественном сознании». При этом уровень доказательной базы или её полное отсутствие не играет решающей роли. Рассматривается эксплицитное и имплицитное применение диффамирующих ярлыков, основным из которых является антропоним «Гитлер».

Ключевые слова: *медийная вербальная технология, политическая стигматизация, дискредитирующая лексика, немецкая массовая пресса.*

© 2021 A. G. Golodov

POLITICAL STIGMATIZATION AS VERBAL TECHNOLOGY OF INFORMATION WAR (BASED ON GERMAN MASS MEDIA)

The article analyses political stigmatization as a kind of media verbal technology representing the strictest variant of discrediting vocabulary. The term «political stigmatization» is viewed as «application of a defamatory label to a political figure to create negative stereotype in the society». The level of true proofs or their absence is of no importance. We turn to explicit and implicit application of defamatory labels, the most important of them being anthroponym «Hitler».

Key words: *media verbal technology, political stigmatization, discrediting vocabulary, German mass media.*

Бои на информационном фронте не утихают, поскольку информационная война стала в последние годы, пожалуй, основным компонентом международных отношений. Затишья на этом фронте в ближайшие годы (а может быть и в отдалённые) не предвидится. Поэтому не следует питать никаких иллюзий, что всё образуется. Для этого нет никаких предпосылок, что наглядно продемонстрировало голосование в ООН по российской резолюции об отмене на период пандемии санкций по отношению к ряду стран.

Обслуживающие интересы евроатлантической элиты западные СМИ (в нашем случае немецкий популярный таблоид «БИЛЬД») намеренно наносят *точечный удар* по государству Россия, используя для этого антропоним «Путин» в качестве дискредитирующего ярлыка, т. е., употребляя антропоним «Путин», имеют в виду топоним «Россия».

Евроатлантическую элиту явно не устраивает Россия, которая медленно и постепенно выходит из-под западного влияния и не желает безоговорочно признавать пресловутые универсальные, т. е. «общечеловеческие» (имеются в виду диктуемые Западом) ценности, что доказывают и опросы российского общественного мнения.

Современная конфронтационная политика по отношению к России оценивается на Западе следующим образом: «Даже если у большей части российского общества она находит мало понимания, это критическое отношение является тем не менее важным вкладом в поддержку общества в странах-соседях России, которые видят угрозу в экспансивной политике Москвы под руководством президента Путина. Кроме того, она (такая политика Запада – А. Г.) ободряет остающиеся уже на протяжении долгого времени всё ещё слабыми либеральные демократические силы в самой России» [Jahn, 2019].

Последнее предложение раскрывает основной смысл всех санкционно-дискриминационных потуг Запада – усиление «либерально-демократических» сил (которые многие в России не без оснований называют «пятой колонной»).

При этом западные элиты хорошо понимают, что бить в одну точку (в данном случае – это президент России) гораздо эффективнее, чем распыляться на весь большой корпус (т. е. на державу Россия). Поэтому атака на Россию в целом осуществляется точно, через демонизацию президента Путина в соответствующих СМИ с использованием самых различных медийных вербальных технологий, к которым несомненно относится и *политическая стигматизация*.

Используемый в предлагаемой статье термин *политическая стигматизация* мы трактуем как «навешивание диффамирующего (дискредитирующего) ярлыка на неудобного политика для создания негативного стереотипа в общественном сознании. При этом уровень доказательной базы (или её полное отсутствие) не играет решающей роли».

Следует заметить, что в предлагаемой статье мы используем в качестве синонимов термины *диффамация* – «... опубликование в печати сведений (действительных или мнимых), позоривших кого-л.» и *дискредитация* – «лишение доверия, подрыв, умаление авторитета» [СИС, 1988].

Диффамация неудобных или неудобных для Запада политиков с помощью некорректных сравнений с самыми одиозными политиками в истории человечества, т. е. своего рода *антропонимическая демонизация* является одним из традиционных методов западной пропаганды.

Попытка диффамации неудобных политиков с помощью некорректного сравнения или

прямого навешивания своего рода «ярлыка» является апробированным приёмом информационной войны. При этом, используемые ярлыки можно подразделить на своего рода *узуальные*, т. е. используемые на протяжении многих лет в качестве диффамирующей лексики, и *оказиональные*. Последние появляются ситуативно, в зависимости от международной политической конъюнктуры. В качестве негативного ярлыка используются имена политиков, которые по каким-либо причинам рассматриваются евроатлантической элитой на определённом этапе развития международных отношений как враждебные и чужеродные, не вписывающиеся в представления «цивилизованного мира».

Традиционным и популярным «узуальным ярлыком» можно считать имя Гитлера, которое после 1945 года стало нарицательным и универсальным обозначением реальных злодеев высокого международного уровня или же тех, кто не соответствует критериям, изобретённым евроатлантическим сообществом.

В качестве оправдания для применения жёсткого политического узуального ярлыка «Гитлер» выискиваются различные исторические параллели, которые могут как угодно интерпретироваться и даже полностью исказиться для достижения поставленной цели. Это явление вполне можно назвать *антропонимической диффамацией* [Голодов, 2019: 15].

Следовательно, ярлык «Гитлер» можно рассматривать в качестве *исходного дискредитирующего*. С его помощью дискредитируется любой неугодный евроатлантической элите политик. При этом имя уже дискредитированного политика через некоторое время само становится «вторичным ярлыком», который может быть в свою очередь использован для дискредитации других неугодных и неудобных.

Параллельно этому процессу в современных западных СМИ набрал силу и другой процесс – дискредитация самой истории за счёт создания дискредитирующего ярлыка. Идёт всё более наглая попытка за счёт фальшивой интерпретации исторических событий создать второй *универсально-узуальный ярлык*, равный по уровню дискредитации ярлыку «Гитлер».

Попытка создать тождество ярлыков *Путин = Гитлер* приводит автоматически к постепенному отождествлению Третьего рейха (гитлеризма) и СССР (сталинизма) и соответственно уравнивания их вины в развязывании Второй мировой войны, что призвано скрыть вину практически всей Европы в развязывании Второй мировой войны и участие в ней (в прямой или косвенной форме). А кроме того, фактически происходит попытка полной нейтрализации решающей роли СССР в уничтожении мирового зла – фашизма.

Вследствие такого уравнивания двух понятий «гитлеризм» и «сталинизм» появились два узуальных ярлыка – «Гитлер» – узуальный *частотный* традиционный ярлык и «Сталин» – узуальный *нечастотный* традиционный ярлык. Однако частотность

применения последнего показывает тенденцию к увеличению, чему активно способствуют не только евроатлантические «партнёры», но и свои собственные либералы, которых не без основания некоторые называют «пятой колонной».

Естественно, если ярлык «Сталин» = ярлыку «Гитлер», то и Третий рейх = СССР. На это направлена и попытка «тотальной десталинизации» определёнными кругами в России, которые готовы признать «вину сталинского СССР» в развязывании Второй мировой войны. При этом ярлык «Сталин» пока ещё не очень часто используется для дискредитации любого авторитарного политика, начиная с российского президента.

Эта раскрученная евроатлантической элитой тенденция имеет и оборотную сторону – за счёт навешивания ярлыка «Гитлер» на явно не адекватных ему «по уровню негативизма» политиков (и соответственно государств) предпринимается интенсивная попытка обеления не только роли гитлеровской Германии, но и большинства государств «цивилизованной Европы», которые прямо или косвенно были на стороне немецкого нацистского режима. Таким образом должно утвердиться общественное мнение, что евро-нацистская система была не такой уж и жуткой, поскольку её противник (СССР) был не лучше.

Свидетельств раскручивания такой тенденции более чем достаточно. Один из примеров – 9 января 2020 года сейм Польши уравнивал ответственность Германии и СССР за начало войны: «Сейм Польши – нижняя палата парламента – принял в четверг резолюцию о том, что СССР наравне с гитлеровской Германией виноват в начале Второй мировой войны ...». Начало Второй мировой войны было вызвано двумя тоталитарными державами того времени: нацистской Германией и сталинским Советским Союзом, и после заключения печально известного пакта Риббентропа-Молотова 23 августа 1939 года первыми жертвами обоих тоталитарных режимов стали Польша и страны Центральной и Восточной Европы» ...» [IZ.RU, 2020].

Ещё раньше, 19 сентября 2019 года, Европейский парламент принял резолюцию, в которой советско-германский договор о ненападении 1939 года объявлен причиной Второй мировой войны.

Во многом такое наглое извращение исторических фактов стало возможным из-за более чем сдержанной по отношению к «братским социалистическим странам и союзникам» дипломатической риторики ещё во времена СССР. Имеется в виду замалчивание многих негативных фактов, которые могли бы как-то дискредитировать тогдашних «союзников». Кстати, то же самое можно говорить и о замалчивании многих «подвигов» украинских националистов во время Отечественной войны, о которых только теперь начали вспоминать.

Таким образом мы наблюдаем «обратную логику» – исходя из уравнивания вины России (как правопреемника СССР) и нацистской Германии создаётся диффамирующий ярлык *Путин*, который в различных вариантах сопоставляется с *Гитлером*.

Узуальный ярлык «Гитлер» может применяться как *эксплицитно*, так и *имплицитно*. В первом случае соответствующий политик непосредственно ассоциируется с Гитлером: *Путин = Гитлер*. Это очень жёсткий вариант, поскольку происходит прямое отождествление, т. е. неудобный политик просто называется Гитлером. Немецкая пресса (и не только массовая) до сих пор избегала прямого отождествления – *Путин = Гитлер*, поскольку это могло бы спровоцировать дипломатический скандал и международно-юридические последствия, так как в этом случае речь идёт о прямом оскорблении.

Имплицитный вариант: *Путин* как *Гитлер* (*Putin wie Hitler*). На прямое «присвоение» одиозного титула западные политики (да и СМИ) пока ещё (как долго?) не решаются. Они предпочитают несколько более «политкорректный вариант» – имплицитный. В этом случае речь идёт о сравнении, т. е. *Путин* поступает как *Гитлер* (*Putin wie Hitler*).

Этот вариант менее жёсткий по сравнению с эксплицитным, поскольку основан на ассоциации, а любое сравнение представляет собой ослабленный вариант «прямой стигматизации», своего рода «косвенный ярлык». Фактически, метод стигматизации в данном случае применяется в комплексе с использованием некорректных параллелей.

В качестве базиса для создания имплицитного ярлыка выступает какой-нибудь исторический факт, который у всех ассоциируется с преступлениями Гитлера и его режима, т. е. за основу берётся какое-либо негативное историческое событие, ассоциируемое с именем Гитлер (например, аннексия Судетской области или Австрии) и предпринимается попытка приравнять к данному деянию какой-либо внешнеполитический шаг Путина (например, воссоединение Крыма с Россией). Здесь речь идёт об уравнивании негативной роли в истории Гитлера и Сталина так же, как и в следующей статье: «Британский министр иностранных дел сравнивает Путина с Гитлером». Далее читаем: «... *Теперь сравнил британский министр иностранных дел Борис Джонсон российского президента Путина с Адольфом Гитлером. Джонсон сказал, что его тошнит при мысли о том, что Путин может использовать в качестве инструмента пропаганды Олимпийские игры в Москве 2018, как Гитлер использовал Олимпийские игры в Берлине в 1936*» (... Jetzt verglich der britische Außenminister Boris Jonson den russischen Präsidenten Putin mit Adolf Hitler. Jonson sagte, er müsse brechen bei dem Gedanken daran, dass Putin die Olympischen Spiele in Moskau 2018 als Propaganda-

Instrument nutzen könnte wie Hitler die Olympischen Spiele 1936 in Berlin) [BILD, 2018: 2].

В принципе, дело даже не в Путине, которого на сегодняшний день на Западе ассоциируют с Россией. Подобная вербальная атака с навешиванием ярлыка «Гитлер» могла быть предпринята по отношению к любому российскому президенту, независимо от его имени, если он позволил бы себе делать аналогичные попытки освободиться от евроатлантического влияния, под которое Россия попала в девяностые годы.

В 1999 году страны НАТО под предводительством США без решения Совета безопасности ООН начали бомбёжку независимого государства Сербия в центре Европы. Военная интервенция сопровождалась массивной пропагандистской атакой, активнейшее участие в которой приняли и СМИ ФРГ. При этом была сделана попытка с помощью пропаганды создать в массовом сознании картину «коллективного Гитлера».

«Британский премьер-министр Робин Кук употребил по отношению к Сербии самый известный эвфемизм Третьего рейха *Endlösung* (окончательное решение еврейского вопроса), который соответствует общепринятому в современном мире термину *холокост*. Британский премьер утверждал, что сербский президент Милошевич планировал *Endlösung* по отношению к косовским албанцам» [Ulfkotte, 2001: 211]. Вооруженные силы Германии (Bundeswehr) приняли тогда впервые после 1945 года непосредственное участие в агрессии за пределами своей страны, что противоречит основному закону страны (Grundgesetz). Для оправдания этого противозаконного шага в СМИ была развязана мощная пропагандистская кампания, переходившая временами в политическую истерию.

Вице-канцлер и министр иностранных дел Йозеф Фишер и министр обороны Рудольф Шарпинг не уставали проводить параллели между Сербией и Третьим рейхом, утверждая, что сербы организовали по образцу гитлеровского государства концлагеря и массовые убийства. Таким образом оправдывалось незаконное немецкое участие в бомбардировках суверенного государства. При этом было сделано официальное заявление, что Сербия осуществляет в Косово геноцид албанцев, своего рода ХОЛОКОСТ (*Holocaust*) и сравнение этого «с фашистским уничтожением евреев в Освенциме!» [Ulfkotte, 2001: 210].

«Известно, что у международного сообщества термин ХОЛОКОСТ (*Holocaust*) ассоциируется исключительно с нацистской Германией и Адольфом Гитлером. Косвенно «современным Гитлером» евроатлантическое сообщество назначило сербского президента С. Милошевича. Кроме того, за счёт использования данного термина по отношению к третьей стороне, как бы смягчается вина Третьего рейха за гигантское преступление –

ХОЛОКОСТ (более 6 миллионов жертв), поскольку другие страны (в данном случае Сербия) действуют так же, как и Третий рейх» [Голодов, 2019: 16].

Удо Ульфкотте – известный немецкий журналист, критически настроенный по отношению к официальным СМИ, писал по этому поводу в своей книге: «Газета БИЛЬД во время этих событий разыграла сценарий Второй мировой войны, а Германия оказалась на этот раз на правильной стороне (auf der richtigen Seite), в то время как сербам досталась роль гитлеровского рейха» [Ulfkotte, 2001: 210].

Выражение «на этот раз мы на правильной стороне» с готовностью подхватили и многие обыватели, которым неприятны воспоминания о многочисленных преступлениях гитлеровского рейха.

Позднее целый ряд политиков и некоторые СМИ (но не БИЛЬД) признали, что практически все эти «факты» не подтвердились (в частности в предвзятом Гаагском трибунале), но дело было уже сделано – Косово вырвали из состава Сербии. Никаких официальных опровержений в дальнейшем не последовало.

Очевидно, что стигматизация представляет собой наиболее жёсткий вариант дискредитирующей лексики. «Технология» применение ярлыка «Гитлер» не меняется с годами – любой приходящий евроатлантический политический деятель считает себя вправе навешивать этот ярлык на неугодного политика, даже если тот был союзником или партнёром, но вдруг стал неугодным в результате каких-либо событий в определённый период времени. При этом «морально-теоретическим базисом» для такого полит-лингвистического поведения служит постулат: «Запад всегда и во всём прав».

Кстати, возможен и следующий этап – использование уже самого антропонима *Путин* в качестве дискредитирующего ярлыка, заменяющего в отдельных ситуациях узуальный ярлык Гитлер, но это уже тема отдельного исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Голодов А. Г. Язык информационной войны. Рязань: РГУ, 2015. 195 с.
2. Голодов А. Г. Информационная война против России в немецкой массовой прессе. Рязань: РГУ, 2019. 195 с.
3. Голодов А. Г. Возможен ли язык дипломатии против языка информационной войны?» // Актуальные проблемы обеспечения национальной безопасности. Донецк, 2020. С. 35-44.
4. Голодов А. Г. Феномен «идеологической синонимии» как приём информационной войны (немецкая массовая пресса о «деле Скрипалей») // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. Донецк. 2019. Т. 15. Вып. 3 (45). С. 5-16.
5. Словарь иностранных слов. 16-е изд. Москва: Русский язык, 1988. 624 с. [СИС].
6. Jahn E. Politische Streitfragen. Wiesbaden: Springer VS, 2019. Доступ: https://doi.org/10.1007/978-3-658-26286-0_8. (дата обращения: 12.11.2020).

7. Ulfkotte U. So lügen Journalisten. Der Kampf um Quoten und Auflagen. München: Bertelsmann GmbH, 2001. 416 S.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Сейм Польши уравнил ответственность Германии и СССР за начало войны // Сетевое издание IZ.RU. 09.01.2020. Доступ: https://iz.ru/962595/2020-01-09/seim-polshi-uravnial-otvetstvennost-germanii-i-sssr-zanachalo-voiny?utm_source=smi2. (дата обращения: 12.11.2020).
2. BILD, 22.03.2018. S. 2.

REFERENCES

1. Golodov, A. G. (2015). *Yazyk informatsionnoy voyny (na materiale yazyka nemetskoj massovoy pressy)* [The Language of Information War (based on German Mass media)]. Ryazan. (In Russ.).
2. Golodov, A. G. (2019). *Informatsionnaya voyna protiv Rossii v nemetskoj massovoy presse* [Information War against Russia in the German Mass Media]. Ryazan. (In Russ.).
4. Golodov, A. G. (2019). Fenomen «ideologicheskoy sinonimii» kak priem informatsionnoy voyny (nemetskaya massovaya pressa o «dele Skripaley») [The phenomenon of «ideological synonymy» as a way of informational war (the German mass media on «Skripal case»)]. In *Studia Germanica, Romanica et Compararistica*. Donetsk. T. 15. Vyp. 3 (45). Pp. 5-16. (In Russ.).
5. *Slovar inostrannykh slov* [Vocabulary of foreign words]. 16-e izd. Moskva: Russkiy yazyk, 1988. (In Russ.).
6. Jahn, E. (2019). *Politische Streitfragen*. Wiesbaden: Springer VS. Available at: https://doi.org/10.1007/978-3-658-26286-0_8. (accessed: 12.11.2020).
7. Ulfkotte, U. (2001). *So lügen Journalisten. Der Kampf um Quoten und Auflagen*. München: Bertelsmann GmbH.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Seim Polshi uravnial otvetstvennost Germanii i SSSR za nachalo voyny [The Poland Sejm equated the responsibility of German and the USSR for war outbreak]. In *Setevoe izdanie IZ.RU*. 09.01.2020. Available at: https://iz.ru/962595/2020-01-09/seim-polshi-uravnial-otvetstvennost-germanii-i-sssr-zanachalo-voiny?utm_source=smi2. (accessed: 12.11.2020). (In Russ.).
2. BILD, 22.03.2018. S. 2.

Голодов Александр Георгиевич – доктор филологических наук, профессор кафедры германских языков и методики их преподавания, начальник Аналитического центра по исследованию технологий информационной войны и контрпропаганды (e-mail: a.golodoff@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина», 390000, Рязань, ул. Свободы, 46.

Golodov Aleksandr G. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Languages and Methods of Teaching Them Department, Head of Analytic Center for Research Technology of Information War and Counterpropaganda (e-mail: a.golodoff@mail.ru), Federal State Funded Educational Institution of Higher Professional Education «Ryazan State University named after S. Yesenin» 46 Svobody, Ryazan, 390000

Поступила в редакцию 12 января 2021 г.

УДК 811.111

© 2021 М. Н. Мохосоева

РЕАЛИЗАЦИЯ ГУСТАТИВНОЙ ЛЕКСИКИ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ГАЗЕТНОМ МЕДИАТЕКСТЕ

В статье анализируется роль перцептивной лексики вкуса в англоязычном газетном медиатексте. Определены основные функции густативных лексем в газетной прагматике – оценочная и экспрессивная. Лексемы со значением вкуса выступают прагматическим интенсификатором в газетной статье, образуя экспрессивные метафоры, аллюзии, иронию, оксюморон, входят в состав идиоматических выражений.

Ключевые слова: медиатекст, газетная статья, густативная лексика, прагматический интенсификатор, оценочные и выразительные средства, стилистические приемы.

© 2021 M. N. Mokhosoeva

IMPLEMENTATION OF GUSTATORY LEXIS IN ENGLISH-LANGUAGE NEWSPAPER MEDIA TEXT

The article provides the analysis of gustatory lexical units in the English-language newspaper media text. Gustatory lexemes in newspaper pragmatics fulfil mostly evaluative and expressive functions. Perceptual lexical units meaning taste are pragmatic intensifiers in newspaper media texts forming a range of expressive metaphors, allusions, irony, oxymoron, idiomatic expressions.

Key words: media text, newspaper article, gustatory lexical units, pragmatic intensifier, evaluative and expressive means, stylistic devices.

Цель статьи – изучение функционирования густативной лексики в современной англоязычной газете.

В настоящее время важной задачей языкознания считается изучение функционирования языка в коммуникации. Газета является отражением современного уровня развития языка.

Предметом исследования послужила перцептивная лексика вкуса в тексте британских газет «The Guardian», «The Times», «The Independent».

В XX в. все вопросы, связанные с языком СМИ, стали рассматриваться в рамках отдельной науки – медиалингвистики. Данный термин был введен Т. Г. Добросклонской, выделившей медиалингвистику в качестве отдельного научного направления. Медиалингвистика занимается исследованием языка СМИ, «предметом медиалингвистики является изучение функционирования языка в сфере массовой коммуникации» [Добросклонская, 2020: 34]. Как следует из самого термина, объединившего в себе два базовых компонента – «медиа» (массмедиа) и «лингвистика», предметом

медиалингвистики является изучение функционирования языка в сфере массовой коммуникации, иначе говоря, медиалингвистика занимается исследованием определённой сферы речеупотребления – массмедиа [Добросклонская, 2020: 14].

В центре изучения медиалингвистики находятся такие понятия, как «медиадискурс» и «медиатекст», являющиеся основными формами существования языка СМИ. Согласно Н. Д. Арутюновой, «дискурс – это речь, погруженная в жизнь» [Арутюнова, 1998: 136-137]. Г. Н. Манаенко рассматривает дискурс как «общепринятый тип речевого поведения субъекта в определенной сфере человеческой деятельности, предопределенный социально-историческими условиями и утвердившимися стереотипами организации и интерпретации текстов как компонентов, составляющих и отображающих его специфику» [Манаенко, 2003: 37].

Опираясь на многочисленные исследования дискурса (Н. Д. Арутюнова, М. Н. Володина, В. З. Демьянков, М. Р. Желтухина, Е. С. Кубрякова, В. И. Карасик, А. А. Романов, Н. К. Рябцева, Ю. А. Сорокин, Ю. С. Степанов, И. А. Стернин, В. И. Шаховский, Е. И. Шейгал и др.), определим медиадискурс как связный текст, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте.

Термин «медиатекст» получил распространение в 90-х гг. XX в. в англоязычной литературе (Теун ван Дейк, Мартин Монтгомери, Алан Белл, Норман Фейеркаф).

Медиатекст является базовой категорией медиалингвистики и представляет собой одну из наиболее часто употребляемых форм бытования языка. По мнению Добросклонской, текст – это сообщение, медиатекст – сообщение плюс канал, а медиадискурс – сообщение со всеми прочими компонентами коммуникации [Добросклонская, 2020: 7, 54].

На основе тематической доминанты медиатексты типологизируются соразмерно систематически освещаемым СМИ темам: политике, бизнесу, спорту, культуре, погоде, новостям международной и местной жизни и т. п.

В изучении медиатекста важная роль отведена оценочной и прагматической составляющим. Оценка реализуется в присвоении положительных или отрицательных свойств объекту. Прагматика – это исследование языка как инструмента действия для достижения различных целей [Searle, 1979: 6; Searle, Vanderveken, 1985: 9]. Прагматика, составляющая коммуникативной лингвистики, изучает живой язык в действии, «делает акцент на коммуникативных процессах» [Сусов, 2006: 12] и дает возможность выявить механизмы ее воздействия на адресатов медиатекста.

Оценочность – тот фундамент, на основе которого создается прагматический потенциал публицистических текстов. По словам Е. А. Покровской, «специфика газетной прагматики заключается в том, что прагматически ориентированные языковые средства, специальные стилистические приемы оказываются, как правило, средствами оценки, и сама прагматика языка газеты носит преимущественно оценочный характер» [Покровская, 2003: 14].

Прагматическое воздействие на реципиента в газетном медиатексте оказывают различные образные средства, из них самым сильным воздействием обладает метафора [Желтухина, 2003: 5-6].

В европейской культуре традиционно выделяются четыре основных вкуса: *сладкий, горький, кислый, соленый*. Проследим способы реализации густативных лексем с вышеуказанными свойствами в англоязычных газетных текстах. Исследование выявило такие лексические выразительные средства, как метафору, аллюзию, оксюморон, иронию, синонимический ряд.

Особенностью газетного текста на лексико-фразеологическом уровне являются культуроспецифичные (culture-specific) словосочетания, обозначающие предметы и явления, специфичные именно для данной культуры, для понимания которых требуется соответствующее фоновое знание или наличие определенных сведений экстралингвистического характера [Гюббенет, 1991: 11]. В информационно-аналитическом тексте культурно-обусловленная лексика выполняет экспрессивно-описательную функцию.

В медиа-политическом тексте газеты «The Guardian» применяется стилистический прием аллюзии, где происходит отсылка к персонифицированному образу Соединенных Штатов Америки *Uncle Sam (USA)* в сочетании с идиомой *Sugar Daddy* «богатый покровитель», досл. *сладкий папочка*: «*Mr. Johnson doesn't want Britons to rely on «Uncle Sugar the taxpayer» and get addicted to the sweet rush of a compassionate response. A key belief in free-market societies is that they reward the industrious and punish the idle*» [The Guardian: 07.12.20]. «*Господин Джонсон [Борис Джонсон] не хочет, чтобы британцы полагались на налогоплательщиков США (досл. Сладкого дядю) и пристрастились к сладкому порыву сострадательного отклика. Ключевое убеждение в обществах свободного рынка состоит в том, что нужно вознаграждать трудолюбивых и наказывать праздных*».

Прием аллюзии помогает проецировать «качества одного предмета на другой с целью добавления последнему ряда необходимых преимуществ» [Войченко, 2011: 121].

Аллюзия в форме парафраза *Uncle Sugar* «сладкий дядя» иронично именуется щедрость федерального правительства США в предоставлении денег, льгот, а также сладостей

гражданам, обозначает финансовую помощь, предоставляемую Соединенными Штатами.

Словосочетание *Sugar Daddy* можно отнести к культуроспецифичным словосочетаниям с компонентом социальной оценки, для понимания которых требуется соответствующее фоновое знание. Понимание этой части контекста газетной статьи осложняется тем, что «упоминание собственного имени, помимо объективно передаваемой информации, оказывается дополнительно нагруженным содержащимся в нем отношением» [Гюббенет, 1991: 11; Клушина, 2017: 28].

Наличие определенных фоновых знаний необходимо для понимания газетных статей на тему Брексита, являющегося аббревиатурой от «Britain Exit» и означающего выход Великобритании из ЕС. Для полного понимания нижеследующей информации нужно владеть знаниями, касающимися деталей выхода Великобритании из Европейского союза и связанных с этим процессом сделками, напр.: «*The Guardian view on a Brexit deal: relief that leaves a bitter taste. What can already be said with some certainty is that it prescribes an immediate downgrade for the UK economy*» [The Guardian: 24.12.20]. «Взгляд The Guardian на сделку Брексит: утешение, оставляющее горький вкус. Уже можно сказать с некоторой уверенностью, что она [сделка] обеспечивает немедленное понижение экономики Великобритании». Экспрессивность и оценочность высказывания *bitter taste of relief* достигается посредством метафоризации.

Анализ нескольких британских статей на эту тему позволяет сделать вывод о том, что Брексит всегда будет источником разногласий и разобщенности в Британии. Отрицательная коннотация, присущая теме Брексита, соотносится с компонентом значения «*неприятный осадок*» в словосочетании *bitter taste* «горькое послевкусие» и негативной оценкой густативной лексемы *bitter* в третьем словарном значении: *bitter*³ (usually before noun) ‘making you feel **unhappy**’ – «заставляющий чувствовать себя очень **несчастливым**»; ‘caused by great **unhappiness**’ – «вызванный великим **несчастьем**» [CALD, 2008: 137].

Густативная лексема *sweet* «сладкий» в составе идиоматического словосочетания «*short and sweet*» и лексема родового значения *flavour* «вкус» используются для описания коротких рассказов для чтения: «*Short and sweet: the best stories to read right now. Thought-provoking, intense and consumed in one sitting, do short stories make for a perfect reading experience? So did the lockdown represent the perfect moment for short stories: those small, sharp bursts of literary flavour? Those Skittles of the book world, as some seem to consider them*» [The Times: 18.07.20]. «**Коротко и ясно**: лучшие рассказы для чтения сегодня. Заставляющие думать, глубокие и поглощаемые за один присест, разве короткие рассказы – это не идеальный опыт чтения? Разве карантин не предоставил идеальный

момент для коротких рассказов: этих маленьких резких всплесков литературного вкуса? Этих Skittles книжного мира...».

Эффект воздействия на читателя достигается с помощью аллюзии к широко известному товару Skittles – ярких жевательных конфет. Удовольствие, полученное от вкусной сладкой конфеты, метафорически проецируется на удовольствие от прочтения рассказов. Метафорическое сближение происходит вследствие корреляции сем *сладкий* и *приятный*, что отображено в пятом словарном значении многозначной лексемы английского языка *sweet*: *sweet*⁵ ‘making you feel happy and/or satisfied’ – *сладкий*⁵ «приносящий счастье и / или удовольствие» [CALD, 2008: 1474].

Семы *unpleasant* «неприятный», *unhappy* «несчастный» входят в денотат лексемы, обозначающей горький вкус: *bitter*¹ (of arguments, disputes, etc.) ‘very fierce and **unpleasant**, with a lot of anger and hatred involved’ – (о споре, разногласиях) «очень **неприятный**, жестокий, с большим количеством гнева и ненависти»; *bitter*² (of people) ‘feeling angry and **unhappy** because you feel that you have been treated unfairly’ – (о людях) «чувствующий себя злым и **несчастливым** из-за несправедливого отношения» [CALD, 2008: 137]. При метафорическом переносе ощущение *горького вкуса* служит средством обозначения: 1) чего-либо неприятного, обидного: *bitter pill* «горькая пилюля»; 2) разочарования, сожаления, боли: *bitter regret* «горькое сожаление», при этом семы *unpleasant* и *unhappy* придают метафорам оценочность и газетную экспрессию, напр.: (1) «**Bitter pill**: Bavaria cancels Oktoberfest over fears of coronavirus spread» [The Guardian: 21.04.20]. «**Горькая пилюля**: Бавария отменяет Октоберфест из-за опасения распространения коронавируса»; (2) «Saddam's statue: the **bitter regrets** of Iraq's sledgehammer became famous when he took his hammer to the dictator's statue. Now he wishes he had never done it» [The Independent: 09.03.13]. «Статуя Саддама: **горькие сожаления** иракца, разгромившего памятник диктатора. Теперь он жалеет о содеянном».

Устойчивое переносное употребление прилагательного *sour* «кислый» передает тоскливое, унылое настроение, что реализуется в современных медийных метафорах *sour face* «кислая физиономия», *sour mood* «испортившееся настроение», напр.: (1) «I added a big **sour face**» [The Guardian: 12.01.14]. «Я скорчил кислую физиономию»; (2) «Face like thunder: how the **mood** turned **sour** at Trump's first G20» [The Guardian: 09.07.17]. «С лицом мрачнее тучи: как **портилось** (дословно: **становилось кислым**) **настроение** Трампа на форуме Большой двадцатки».

Кислый вкус лимона, от которого кривится лицо, уподобляется неприятным эмоциональным впечатлениям и переживаниям негативных эмоций, которые могут проявляться недовольным выражением лица. Мимическая реакция на резкий кислый вкус продукта (непроизвольно лицо кривится, уголки губ опускаются вниз, глаза прищуриваются) образно уподобляется гримасе недовольства, внешнему проявлению неудовлетворенности, разочарования, скуки [СРПМ, 2015: 135].

Перенос значения основан на наличии общей семы *unpleasant* «неприятный», что отражено в словарном значении густативной лексемы: *sour*¹ ‘having a bitter taste like the taste of a lemon or of fruit that is not ripe’; opposite *sweet* – ‘имеющий горький вкус лимона или неспелого фрукта’; противост. *сладкий*; *sour*² (especially of milk) ‘having an **unpleasant** taste or smell because it is not fresh’ – (особенно о молоке) ‘имеющее **неприятный** вкус или запах, потому что является несвежим’; *sour*³ (of people) ‘not cheerful; bad-tempered and **unpleasant**’ – (о человеке) ‘невеселый; с дурным характером, **неприятный**’ [CALD, 2008: 1344].

Кислый вкус, который приобретают продукты в результате процессов брожения, делает их непригодными для употребления в пищу. *Скиснуть* – измениться в худшую сторону, испортиться [СРПМ, 2015: 357], примером может служить заголовок в газете «The Times»: «*Judge in Malta orders seizure of Vatican assets after Budapest property deal goes sour*» [The Times: 02.01.2021]. «*Судья на Мальте распорядился арестовать активы Ватикана после того, как сделка с недвижимостью в Будапеште провалилась (досл. – **скисла**)*».

В заголовке «The Guardian» для выразительности речи используется оксюморон – соединение двух контрастных по значению слов *sweet* «сладкий» и *sour* «кислый»: «*Glam rock bottom: why did it go so sour for Sweet?*» [The Guardian: 23.09.10]. «*Суть глэм-рока: почему **скисли Sweet** [рок-группа, перев. Сладкий]?*». Применение семантически несочетаемых слов придает высказыванию оценочность и экспрессивность.

Сочетание противоположных по значению слов наблюдаем в противоречивом названии американского кулинарного шоу «*Ugly Delicious*» – «ужасно вкусный». Прием контраста в заглавии газетной статьи обусловлен стремлением журналиста соединить несоединимое и тем самым достичь эффекта иронии: «*Men vs food: «Ugly Delicious and the lad-driven foodie TV revolution*» [The Guardian: 8.03.2018]. «*Ужасно вкусный*» и революция гурманов [мужчин] на телевидении». Публикация посвящена новому формату кулинарного шоу, где относятся к фаст-фуду с почтением и дерзко атакуют популярные кулинарные шоу. Прием оксюморона ведет к нарушению литературно-языковых норм точно так же, как в данном шоу превозносятся не изысканные блюда, а обыкновенный фаст-фуд: «*But the message is reassuringly simple: the inelegant, ungainly and downright*

dangerously calorific is just as important as a three-Michelin-starred chef's latest dizzyingly complex concoction [The Guardian: 8.03.2018]. «Но идея обнадеживающе проста: незлегантный, нескладный и откровенно опасный калорийный продукт так же важен, как новейшая головокружительно сложная стряпня шеф-повара, отмеченного тремя звездами Мишлен».

Идиома английского языка *to take smth. with a pinch of salt* – «относиться к чему-л. скептически, с недоверием»; досл. «с щепоткой соли» используется в газетном заголовке с целью придания эмоциональности высказыванию: «*Why I'm taking the coronavirus hype with a pinch of salt*» [The Guardian: 06.03.2020]. «Почему я воспринимаю шумиху вокруг коронавируса с долей скепсиса». Происхождение идиомы связано с римским историком Плинием Старшим, который переводил рецепт противоядия словами «принимать быстро, с крупинкой соли» – «*with a grain of salt*». Римляне верили, что добавление соли защитит их от смертельного отравления.

Синонимический ряд *taste, flavor, smack*, объединенный архисемой родового значения «вкус» выступает средством прагматического воздействия на читателя в тексте газеты «The Guardian»: «*How I developed a taste for Flavor of Love [TV show]. Well, like the junkie that tracks smack for methadone, I have a new replacement – the far superior Flavor of Love*» [The Guardian: 24.11.2008]. «Как я пристрастился (досл. *развил вкус*) ко «**Вкусу любви**» [ТВ шоу]. Как наркоман, отслеживающий **вкус** метадона, я нашел замену, и она намного лучше «Вкуса любви». Синонимы несут оценочную и эмоциональную нагрузку, при этом «семантические различия слов, отмеченные в словарях, нейтрализуются в контексте или трансформируются в обобщенное значение, активизируется коннотация или оценочный элемент, заложенный в значении синонима» [Никитина, 2010: 6].

Выводы. Таким образом, можно утверждать, что лексемы со значением вкуса выполняют в англоязычном газетном медиатексте, главным образом, оценочную и экспрессивную функции. Оценочность, наряду с экспрессивностью, является основной характеристикой газетной прагматики.

Густативная лексика реализует оценочную функцию в тексте газеты посредством различных стилистических приемов – метафоры, аллюзии, оксюморона, иронии, входит в состав идиом. Анализ показал, что газетно-публицистическая метафора – это не столько изобразительное средство, сколько эмоционально-оценочное. Специфической особенностью газетной метафоры является оценочность, которая тесно взаимодействует с газетной экспрессией.

Много общего с метафорой имеет ирония, поскольку в ней совмещаются образность и оценочность. Ирония является одним из экспрессивных способов придать высказыванию дополнительный смысл, требующий расшифровки. Другими средствами прагматического воздействия на реципиента, использующимися для выразительности речи, являются оксюморон и синонимы.

Наличие в газетном медиатексте культуроспецифичных словосочетаний, аллюзий придает дополнительную нагрузку содержанию и также требует от читателя определенных фоновых знаний. В информационно-аналитических текстах культурно-обусловленная лексика может выступать в качестве основы аллюзии, выполняет экспрессивно-описательную функцию.

Созданию общей экспрессивно-оценочной тональности способствует употребление идиоматических словосочетаний, которые придают тексту образность и позволяют более точно выразить мнение автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Большая российская энциклопедия. Москва, 1998. С. 136-137.
2. Войченко А. А. Об использовании культурных и исторических аллюзий в рекламе // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2011. Вып. 4. С. 119-122.
3. Гюббенет И. В. Основы филологической интерпретации литературно-художественного текста. Москва: Изд-во МГУ, 1991. 205 с.
4. Добросклонская Т. Медиалингвистика: теория, методы, направления. Москва, 2020. 180 с.
5. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность массмедиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. Москва: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. 656 с.
6. Клушина Н. И. Гуманистическая концепция современных массмедиа // Актуальные проблемы стилистики. 2017. № 3. С. 26-29.
7. Никитина Е. В. Семантические и прагматические характеристики лексической синонимии в газетном дискурсе (на материале электронных версий англоязычных новостных сайтов): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Москва, 2010. 22 с.
8. Манаенко Г. Н. Дискурс в его отношении к речи, тексту и языку // Язык. Текст. Дискурс. Ставрополь: Пятигорский государственный лингвистический университет, 2003. С. 36-42.
9. Покровская Е. А. Понимание современного газетного текста (Прагматический аспект). Москва: Изд-во РУДН, 2003. 274 с.
10. Сусов И. П. Лингвистическая прагматика. Москва: Восток-Запад, 2006. 200 с.
11. Searle John R. Expression and meaning: Studies in the theory of speech acts. Cambridge, London, New York, Melbourne: Cambridge University Press, 1979. 187 p.
12. Searle John R., Vanderveken D. Foundations of illocutionary logic. Cambridge University Press, Cambridge etc. 1985. 227 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Словарь русской пищевой метафоры / под ред. Е. А. Юриной. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2015. Т. 1: Блюда и продукты питания. 428 с. [СРПМ]
2. Cambridge Advanced Learner's Dictionary / ed. by E. Walter. Third Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 1699 p. [CALD]

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. The Guardian. Available at: <https://www.theguardian.com/international>. (accessed: 24.12.2020).
2. The Times. Available at: <https://www.thetimes.co.uk>. (accessed: 02.01.2021).
3. The Independent. Available at: <https://www.independent.co.uk>. (accessed: 20.12.2020).

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1998). Diskurs [Discourse]. In *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya*. Moskva. Pp. 136-137. (In Russ.).
2. Voychenko, A. A. (2011). Ob ispolzovanii kulturnykh i istoricheskikh allyuziy v reklame [On the use of cultural and historical allusions in advertising]. In *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv*. Vyp. 4. Pp. 119-122. (In Russ.).
3. Gyubbenet, I. V. (1991). *Osnovy filologicheskoy interpretatsii literaturno-khudozhestvennogo teksta* [Fundamentals of philological interpretation of literary and artistic text]. Moskva: Izd-vo MGU. (In Russ.).
4. Dobrosklonskaya, T. (2020). *Medialingvistika: teoriya, metody, napravleniya* [Media linguistics: theory, methods, directions]. Moskva. (In Russ.).
5. Zheltukhina, M. R. (2003). *Tropologicheskaya suggestivnost massmedialnogo diskursa: o probleme rechevogo vozdeistviya tropov v yazyke SMI* [Tropological suggestiveness of mass media discourse: on the problem of speech influence of tropes in the language of mass media]. Moskva: In-t yazykoznaniya RAN; Volgograd: Izd-vo VF MUPK. (In Russ.).
6. Klushina, N. I. (2017). Gumanisticheskaya kontseptsiya sovremennykh massmedia [Humanistic concept of modern media]. In *Aktualnye problemy stilistiki*. No. 3. Pp. 26-29. (In Russ.).
7. Nikitina, E. V. (2010). *Semanticheskie i pragmaticheskie kharakteristiki leksicheskoy sinonimii v gazetnom diskurse (na materiale elektronnykh versiy angloyazychnykh novostnykh saytov)* [Semantic and pragmatic characteristics of lexical synonymy in newspaper discourse (based on the material of electronic versions of English-language news sites)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).
8. Manaenko, G. N. (2003). Diskurs v ego otnoshenii k rechi, tekstu i yazyku [Discourse in its relation to speech, text, and language]. In *Yazyk. Tekst. Diskurs*. Stavropol: Pyatigorskiy gosudarstvennyy lingvisticheskiy universitet. Pp. 36-42. (In Russ.).
9. Pokrovskaya, E. A. (2003). *Ponimanie sovremennogo gazetnogo teksta (Pragmaticheskiy aspekt)* [Understanding of the modern newspaper text (the Pragmatic aspect)]. Moskva: Izd-vo RUDN. (In Russ.).
10. Susov, I. P. (2006). *Lingvisticheskaya pragmatika* [Linguistic pragmatics]. Moskva: Vostok-Zapad. (In Russ.).
11. Searle, John R. (1979). *Expression and meaning: Studies in the theory of speech acts*. Cambridge, London, New York, Melbourne: Cambridge University Press.
12. Searle, John R., Vanderveken, D. (1985). *Foundations of illocutionary logic*. Cambridge University Press, Cambridge etc.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. *Slovar russkoy pishchevoy metafory* [Dictionary of Russian Food Metaphors]. In E. A. Yurina (ed.). Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2015. Vol. 1: Blyuda i produkty pitaniya. (In Russ.).

2. *Cambridge Advanced Learner's Dictionary*. Ed. by E. Walter. Third Edition. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *The Guardian*. Available at: <https://www.theguardian.com/international>. (accessed: 24.12.2020).
2. *The Times*. Available at: <https://www.thetimes.co.uk>. (accessed: 02.01.2021).
3. *The Independent*. Available at: <https://www.independent.co.uk>. (accessed: 20.12.2020).

Мохосоева Марина Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для экономических специальностей (e-mail: marinamohosoeva@gmail.com), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Mokhosoeva Marina N. – Candidate of Philology, Associate Professor of English Language for Economic Specialities Department (e-mail: marinamohosoeva@gmail.com), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24, Universitetskaya st., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 18 января 2021 г.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ДИСКУРСИВНЫХ АКТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ДРАМЕ

Статья посвящена изучению употребления морфологических единиц языка в разных типах дискурсивных актов современной русской и английской драмы. Рассматриваются способы взаимодействия данных единиц в речи, их функция в декодировании скрытой информации и роль смысловой нагрузки дискурсивного акта для адресата. Морфологические маркеры (глаголы и наречия), в частности, помогают идентифицировать дискурсивный акт как аккумулятивный и офферативный.

Ключевые слова: речевой акт, дискурсивный акт, дискурс, коммуникация, морфологический маркер.

MORPHOLOGICAL MARKERS OF DISCOURSE ACTS IN MODERN DRAMA

The paper deals with the study of morphological units in different types of discourse acts in modern Russian and English drama. The paper studies the methods of interaction of these units in speech, their function in decoding information and the semantic value of the discourse act for the addressee. Morphological markers (verbs and adverbs) in particular help to identify a discourse act as accusative or offerative.

Key words: speech act, discourse act, discourse, communication, morphological marker.

Взаимоотношения между языком и речью – важнейший вопрос лингвистики со времен Фердинанда де Соссюра: являются ли данные явления разными по своей специфике, что является порождением одного и другого, могут ли быть данные явления заменены друг другом, есть ли между ними схожие характеристики и те, которые их различают. Изучением данного понятия занимались многие ученые, среди которых В. фон Гумбольдт, И. А. Бодуэн де Куртенэ, Л. В. Щерба, Г. Гийом. Впервые на эту взаимосвязь между языком и речью указал швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр, о чём в своей работе «История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях» указывает В. А. Звегинцев: «Без сомнения, оба эти предмета тесно между собою связаны и друг друга взаимно предполагают: язык необходим, чтобы речь была понята и производила свое действие; речь же в свою очередь необходима для того, чтобы установился язык; исторически факт речи всегда предшествует языку» [Звегинцев, 1964: 368]. Таким образом, ученый не только указал на связь данных двух понятий, но также и одним из первых разграничил их.

Вопрос о том, как порождается речевая деятельность, изучали также такие учёные, как Л. В. Щерба, Дж. Сёрль, Дж. Остин, Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, А. А. Леонтьев,

Т. В. Рябова, И. А. Зимняя и другие. Следовательно, процесс говорения является не только актуальной исследуемой темой в лингвистике, но и неотъемлемой частью жизни человека, поскольку речь – ежедневный продукт языка и взаимодействия между собой языковых единиц, который образуется во время общения.

Говорение – это речемыслительное, сложное явление, имеющее разные стороны и аспекты: коммуникативный (касающийся общения), семиотический (касающийся использования существующей системы знаков), информационный (касающийся создания, передачи и обмена информацией) и, наконец, орудийный, технический, исполнительный, связанный с наличием у человека языковых способностей и особых механизмов речи [Дворник, 2003: 6-7].

Язык считается системой символов, с помощью которой мы можем передавать свои мысли и эмоции другим и в то же время понимать других. Таким образом, язык – это средство человеческого общения, общая семиотическая система человека.

Коммуникация – это всегда действие, направленное на передачу и получение информации, целью которого является общение двух взаимодействующих лиц и их влияние друг на друга, где предметом выступает мысль как отражение в сознании человека явлений реальности. В процессе общения человек использует комплекс единиц, **речевой акт** – элементарная единица речевой деятельности, провозглашающая цель высказывания в конкретной ситуации. Однако коммуникация состоит из набора речевых актов, которые в свою очередь формируют **дискурсивный акт** – единицу речевого действия, включенную в интеракцию и представляющую собой цепочку речевых актов, объединенных общей телеологической установкой в единый речевой блок, в котором сходятся, пересекаются и взаимодействуют разные иллокутивные силы с разными (первичными и вторичными) прагматическими значениями [Приходько, 2010: 103].

А. Н. Приходько выделяет следующие типы дискурсивных актов:

- 1) **офферативные** (просьба, требование, уговаривание, предложение);
- 2) **конформативные** и **нонконформативные** (согласие / несогласие, одобрение / неодобрение, похвала, отказ);
- 3) **аккузативные** (обвинение, осуждение, укор, претензия, возмущение);
- 4) **апологетные** (оправдание, извинение, покаяние, прощение);
- 5) **дидактические** (совет, поучение, намек).

Средствами процесса говорения выступают лексические единицы, выраженные различными частями речи, которые в свою очередь являются маркерами того или иного типа дискурсивного акта. Лексико-семантическое поле русского и английского языков

представлено большим количеством лексем *вербальной коммуникации*. Следовательно, из толкования понятия «**вербальная коммуникация**» (*verbal communication*) вытекает, что такая часть речи, как глагол (*Verb*) принимает активное участие в процессе общения и является главным маркером дискурса.

Особого внимания в роли маркирования дискурсивных актов заслуживают в частности глаголы, обозначающие непосредственно само речепроизводство (процесс говорения). С помощью данных единиц речи можно рассмотреть и изучить характеристику речевых актов, эмоциональное содержание высказывания, его цель и задачи, а также и характер самого говорящего. Литература, посвященная исследованию классификаций глаголов говорения, в последнее десятилетие пополняется новыми работами: Л. Ю. Стойкович «Фразеологические средства выражения и моделирования процесса говорения в английском языке» [Стойкович, 2013], «Лексико-семантическое поле английских глаголов речепроизводства» [Стойкович, 2007], И. В. Савиной «Синтагматические характеристики английских глаголов говорения» [Савина, 2001], О. Д. Дворника «К вопросу о классификации глаголов говорения в современном английском языке» [Дворник, 2001], «Функциональная категоризация глаголов говорения в современном английском языке» [Дворник, 2003], М. С. Гутовской «Лексико-фразеологическое поле «речь, говорение» в русском и английском языках» [Гутовская, 2009], Е. Б. Цыгановой «Метафорическая номинация речевой деятельности» [Цыганова, 2008], Л. М. Михайловой «Глагольные способы репрезентации концепта «Говорение» в современном английском языке» [Михайлова, 2009], М. И. Сазыкиной «Семантические особенности глаголов речи в современном английском языке» [Сазыкина, 2011].

В нашем понимании, именно глагол по сравнению с остальными самостоятельными частями речи в большей степени имеет способность в свернутом виде называть сложные структуры знания, обладающие множеством когнитивных характеристик. Иными словами, не что иное, как глагол, будучи лексической единицей, несущей индивидуальную коннотацию, передает и новую информацию, отражающую явления действительности, коммуникативные ситуации, и саму языковую картину мира.

Глаголы составляют многочисленную группу лексических единиц, выражающих действие по отношению к собеседнику, связь адресата с адресантом, связь речи и мышления как двух категорий психологии, передают мысль говорящего, помогают передать уже сказанные кем-то слова (т. е. косвенная речь). К тому же, глаголы говорения помогают наполнить речь человека различными оттенками, которые передают эмоции в момент говорения и само состояние говорящего, они раскрывают характер речевого высказывания, акцентируют внимание на событии и подчеркивают сам процесс речевого

акта. Так, например, в речи гостя на свадьбе, мы наблюдаем более пятидесяти вариантов таких слов, как «say» и «speak» [Wellman, 1992: 56]:

«Ladies and Gentlemen!

*I hope you will excuse me for butting into your conversations in this way. I know nobody likes being interrupted at such a time, but I have been **asked to** say a few words, make a speech if you like, on this extra-special occasion. And may I say first what a pleasure and honour it is to have the opportunity **to** address you like this, this afternoon.*

*You know, ever since you first hinted to me that something of this sort might be on the cards, I have been debating with myself constantly as to how I could best express **the** sentiments I want to convey to you, here, this afternoon. And then when you actually broke the news and announced a date, I began to consult friends and acquaintances who have been in this position, discussing the subject with them at length and in detail.*

*I can reveal today, however, that the problems of phrasing my message have not been solved. I suppose if I were an actor, I could recite a relevant speech of Shakespeare's. Were I a priest, I might preach to you, but I fear it would be a poor sermon. As a politician, I could read out a prepared statement and then go on repeating 'No comment'. If you were a class of students, I might give you a lecture. Were you secretaries, I could dictate what I have to **say**. If we had more time, we could chatter and gossip together for hours. But you and I are none of these things, so I shall have to put my message across in more ordinary **terms**. I suppose I could simply declare that this is one of the happiest days of my life and claim that I never thought I could be as happy as I am today. Or I could just **state** a few useless facts and figures and leave it at that. I could, on the other hand, refer to what great men – and women – have said or written on this theme, and just quote a few famous lines. I might also mention my own experience, **reminisce** a little, recount a few anecdotes, **tell** a few stories and make some significant comment on young people today.*

*Standing here, I can **assure** you, my main fear is not that I shall '**dry up**' – I have already **uttered** too many words on this **theme to be at a loss for words** now – but that I shall, in a rash moment, **blurt out** what I have to say, **gabble** away for a few seconds and **leave** too much **unsaid, unspoken**. Then again, while I stand here **thinking aloud, arguing** with myself, **contradicting** myself perhaps, you will no doubt be thinking, 'Why's the old man **rambling** on like this without **getting to the point?**' Why doesn't he just **come out with it?**' you'll be saying. '**Spit it out!**' I hear you cry.*

*Well, time marches on, and I can see that you have no need of **explanations** or **illustrations** from me; no **account** of my own life is required, no **descriptions** or*

recommendations. I shall not bother to sum up what I have said so far. All I should like to add on this – how shall I put it? – extra-special occasion is: I hope you'll both be very happy».

Глаголы речепроизводства (процесса говорения) многократно являлись объектом исследований не только в лингвистике, но и в других смежных науках. Сам процесс говорения и порождения речи как устной, так и письменной имеет большой интерес для ученых и исследователей языка, поскольку говорение – динамичная деятельность человека, в основе которой лежат лингвистические, психологические, социокультурные и психолингвистические аспекты. Несомненно, данный процесс зависит от множества факторов (например, коммуникативной ситуации, характера общения, информационного содержания сообщения и т. д.).

Лексико-семантическое поле глаголов речепроизводства в английском языке представлено большим количеством многозначных глаголов (рис.).

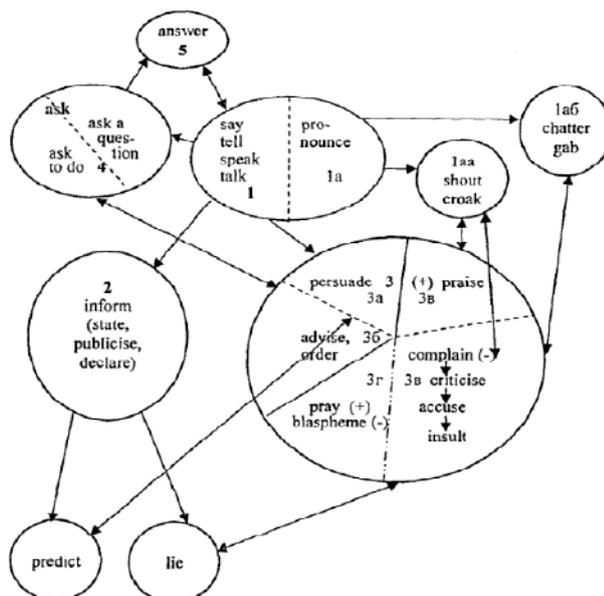

Рис. Лексико-семантическое поле глаголов речепроизводства

1 – ядро: глаголы общей коммуникативной семантики (*to say, to tell, to speak, to talk*); **1a** – глаголы артикуляции (*to pronounce*): **1aa** – глаголы акустики (*to shout, to croak*), **1ab** – глаголы темпа речи (*to chatter, to gab*); **2** – глаголы сообщения (*to state, to publicise, to declare*); **3** – глаголы речевого воздействия: **3a** – глаголы воздействия на мнение и побуждение к действию (*to persuade*), **3б** – глаголы рекомендации (*to advise, to order*), **3в** – глаголы воздействия на эмоции (*to praise, to complain, to criticize, to accuse, to insult*), **3г** – глаголы религиозного воздействия (*to pray, to blaspheme*); **4** – глаголы вопросительности (*to ask*); **5** – глаголы ответной реакции (*to answer*).

Основываясь на материале исследования М. С. Гутовской [Гутовская, 2009: 82], мы можем сказать, что наше языковое сознание при использовании глаголов говорения различает речевые акты согласно их целеполагания, выделяя следующие группы актов в

английском и русском языках, которые являются составляющими единицами дискурсивного акта (табл.):

Таблица. *Глаголы речевых актов согласно их целеполагания в английском и русском языках*

Тип речевого акта	Английский язык	Русский язык
Информативный	<i>inform, confess, report, communicate, tell, instruct</i>	<i>извещать, предупреждать, сознаваться, объяснять</i>
Акт-побуждение	<i>advise, suggest, recommend, plead, forbid</i>	<i>жаловаться, просить, умолять, уговаривать, советовать, угрожать, запрещать, выпытывать</i>
Экспрессив	<i>censure, thank</i>	<i>петь дифирамбы, осуждать, порицать, высмеивать, благодарить</i>
Акт принятия обязательств	<i>give one's word</i>	<i>обещать</i>
Акт установления	<i>declare, proclaim, propose</i>	<i>объявлять</i>
Высказывания, рассчитанные на эстетический эффект	<i>make puns, orate, perorate</i>	<i>острословить, играть словами, ораторствовать</i>
Фатические речевые акты	<i>chat, gossip, blab, beat one's gums, prattle, palaver, gab, yak</i>	<i>болтать, молоть языком, говорить о пустяках, об общеизвестных вещах</i>

Таким образом, данная группа широко представлена в русском и английском языках, так как именно глаголы отражают важнейшую потребность человека – общение и, соответственно, обогащают речь человека многозначными лексемами, целью которых является замена слова-синонима, дабы избежать тавтологии и нагромождения речевого высказывания.

Проведенный анализ англоязычных (Р. Keiller «A pony for Sean»; А. Lowe «The Rehearsal Room») и русскоязычных (Е. Исаева «Третьеклассник Алёша», «Двор как уходящая натура») драм XXI века позволяет рассматривать такие знаменательные части речи, как глагол и наречие в качестве морфологических маркеров определенных типов дискурсивных актов, при этом именно *глагол* является первоочередной единицей образования дискурсивного акта, состоящего из комплекса речевых актов; например:

1) **АЛЁША.** *Я же сказал – осторожней.* Не брыкайся, а то кости себе переломаешь раньше времени.

ОЛЯ. Куда меня привезли?

АЛЁША. Куда надо. *Иди не разговаривай* [Исаева, 2007].

В данном примере глаголы «сказал» (прошедшее время, 1 л., ед. ч.) и «не разговаривай» (повелительное наклонение, ед. ч.) являются морфологическими маркерами аккузативного дискурсивного акта, выражающего угрозу и возмущение.

2) *Margret*. «Are we all here yet?»

Gladys. (From the kitchen) «Janet's never been all here!» (She laughs, no one else does).

George. «Only a few missing and it's not 7-30 yet».

Margret. «**How many times do I have to say it, we START at 7-30 we don't ARRIVE at 7-30!**» [Lowe, 2012: 16].

Речевое высказывание «*How many times do I have to say it, we START at 7-30 we don't ARRIVE at 7-30!*» является аккузативом, передающим возмущение говорящего. Данный тип дискурсивного акта выражен посредством восклицательного предложения, в состав которого входит глагол-маркер «*to say*» (infinitive). Глагол «*have to*» в данном случае выполняет эмоциональную функцию – усиление возмущения.

Наречия, будучи признаками действия или состояния, также составляют многочисленную группу маркеров. Зачастую они используются в структуре «**глагол + наречие**»:

1) **НАДЬКА**. Ладно, давай на спор! Если ты куда-нибудь далеко уедешь и проживёшь там не меньше пяти лет, то ты мне должен ... Ты мне должен будешь. ...

САШКА. Что?

НАДЬКА. Ты мне должен – вернуться и ... меня туда свозить! Вот. Билет, всё такое ...

САШКА. *Хорошо*.

НАДЬКА. Клянись здоровьем мамы!

САШКА. Клянусь.

НАДЬКА. Ну, *ладно*. Тогда замётано [Исаева, 2018].

Маркерами в данном отрывке выступают наречия «*хорошо*» и «*ладно*», которые входят в состав конформативного дискурсивного акта и выражают согласие с предыдущим речевым высказыванием собеседника.

2) SEAN KEENAN: I told you Mam, nothing's happened. Now can you stop going on about it?

ANN KEENAN: Sean, why don't you tell me ...

SEAN KEENAN: (SHOUTING) That's it I've had *enough!* I'm going out!

(SEAN GETS UP AND LEAVES THE ROOM, SLAMMING THE DOOR BEHIND HIM) [Keiller, 2011: 34].

Наречие «*enough*» является маркером аккузативного дискурсивного акта, выражающего возмущение. Ремарка автора, в свою очередь, усиливает эмоциональное состояние адресанта.

Таким образом, проанализировав использование маркеров в дискурсивных актах русских и английских драм, можно сделать вывод, что глаголы составляют наиболее широкую группу морфологических единиц дискурсивных актов, поскольку данная часть речи является образующим центром речевого высказывания и присутствует в каждом речевом и дискурсивном акте.

Кроме того, драматическое произведение вбирает в себя целый комплекс, систему речевых и дискурсивных актов, выраженных перформативами, вердиктивами, экзерситивами, комиссивами, бехабитивами, экспозитивами, а также офферативными, конформативными и нонконформативными, аккузативными, апологетными и дидактическими дискурсивными актами, которые образуются с помощью определенного набора морфологических маркеров, позволяющих правильно понять коммуникативную направленность речевого высказывания драматического произведения и его главное назначение – прагматическую функцию, где каждое слово, входящее в речевой или дискурсивный акт, многослойно и многофункционально.

Однако проведенное исследование не исчерпывает всех аспектов обозначенной проблемы. Перспективы дальнейшего исследования заключаются в изучении употребления морфологических маркеров высказываний разных типов, выраженных другими частями речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гутовская М. С. Лексико-фразеологическое поле «речь, говорение» в русском и английском языках // Вестник Белорусского государственного университета. 2009. № 2. С. 79-84.
2. Дворник О. Д. К вопросу о классификации глаголов говорения в современном английском языке // Единство системного и функционального анализа языковых единиц. Белгород, 2001. № 5. С. 66-68.
3. Дворник О. Д. Функциональная категоризация глаголов говорения в современном английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Белгород, 2003. 24 с. Доступ: <http://cheloveknauka.com/v/93860/a#?page=1>. (дата обращения: 18.10.2020).
4. Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях: в 2-х ч. Москва: Просвещение, 1964. Ч. 1. 466 с.
5. Михайлова Л. М. Глагольные способы репрезентации концепта «Говорение» в современном английском языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Ростов-на-Дону. 2009. 23 с. Доступ: <http://cheloveknauka.com/v/304656/a#?page=1>. (дата обращения 18.10.2020).
6. Приходько А. Н. Дискурсивные акты: прагмасемантика и прагматипология // Когниция, коммуникация, дикурс. 2010. № 1. С. 101-122.
7. Савина И. В. Синтагматические характеристики английских глаголов говорения // Прагматика форм речевого общения. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2001. С. 144-149.

8. Сазыкина М. И. Семантические особенности глаголов речи в современном английском языке. 2011. Доступ: http://www.rusnauka.com/20_PNR_2011/Philologia/3_90385.doc.htm. (дата обращения 18.10.2020).

9. Стойкович Л. Ю. Лексико-семантическое поле английских глаголов речепроизводства (лингвокогнитивный подход): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Самара. 2007. 23 с. Доступ: <http://cheloveknauka.com/v/203638/a#?page=1>. (дата обращения 18.10.2020).

10. Стойкович Л. Ю. Фразеологические средства выражения и моделирования процесса говорения в английском языке // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2013. № 7 (14). Ч. 4. С. 43-45.

11. Цыганова Е. Б. Метафорическая номинация речевой деятельности (на материале глаголов русского и английского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Казань, 2008. 20 с. Доступ: <http://cheloveknauka.com/v/238258/a#?page=1>. (дата обращения 18.10.2020).

12. Wellman G. The Heinemann English Wordbuilder. Avon: The Bath Press, 1992. 266 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Исаева Е. Двор как уходящая натура. 2018. Доступ: <http://www.isaeva.ru/plays/dvor.html>. (дата обращения 18.10.2020).

2. Исаева Е. Третьеклассник Алёша. 2007. Доступ: <http://www.isaeva.ru/plays/alex.html>. (дата обращения: 18.10.2020).

3. Keiller P. A pony for Sean. 2011. 41 p. Available at: <https://www.simplyscripts.net/cgi-bin/Blah/Blah.pl?m-1317594091>. (accessed: 18.10.2020).

4. Lowe A. The Rehearsal Room. 2012. 65 p. Available at: <https://www.simplyscripts.com/scripts/RehearsalRoom.pdf>. (accessed: 18.10.2020).

REFERENCES

1. Gutovskaya, M. S. (2009). Leksiko-frazeologicheskoe pole «rech, govorenije» v russkom i angliyskom yazykakh [Lexico-phraseological field «speech, speaking» in Russian and English languages]. In *Vestnik Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 2. Pp. 79-84. (In Russ.).

2. Dvornik, O. D. (2001). K voprosu o klassifikatsii glagolov govoreniya v sovremennom angliyskom yazyke [Towards the question of the classification of speech verbs in the modern English language]. In *Edinstvo sistemnogo i funktsionalnogo analiza yazykovykh edinit*. Belgorod. No. 5. Pp. 66-68. (In Russ.).

3. Dvornik, O. D. (2003). *Funktsionalnaya kategorizatsiya glagolov govoreniya v sovremennom angliyskom yazyke* [Functional categorization of speech verbs in the modern English language]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Belgorod. Available at: <http://cheloveknauka.com/v/93860/a#?page=1>. (accessed: 18.10.2020). (In Russ.).

4. Zvegintsev, V. A. (1964). *Istoriya yazykoznanija XIX i XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [History of linguistics of the 19th and 20th centuries in essays and extracts]: v 2-kh ch. Moskva: Prosveshhenie. Ch. 1. (In Russ.).

5. Mikhaylova, L. M. (2009). *Glagolnye sposoby reprezentatsii kontsepta «Govorenije» v sovremennom angliyskom yazyke* [Verbal ways of representation of the «Speaking» concept in the modern English language]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Rostov-na-Donu. Available at: <http://cheloveknauka.com/v/304656/a#?page=1>. (accessed: 18.10.2020). (In Russ.).

6. Prikhodko, A. N. (2010). Diskursivnye akty: pragmasemantika i pragmatipologiya [Discursive Acts: Pragmasemantics and Pragmatypology]. In *Kognitsiya, kommunikatsiya, dikurs*. No. 1. Pp. 101-122. (In Russ.).

7. Savina, I. V. (2001). Sintagmaticeskije kharakteristiki anglijskikh glagolov govoreniya [Syntagmatic characteristics of English verbs of speaking]. In *Pragmatika form rechevogo obshcheniya*. Samara: Izd-vo «SamarSKIY universitet. Pp. 144-149. (In Russ.).

8. Sazykina, M. I. (2011). *Semanticheskie osobennosti glagolov rechi v sovremennom anglijskom yazyke* [Semantic features of speech verbs in the modern English language]. Available at: http://www.rusnauka.com/20_PNR_2011/Philologia/3_90385.doc.htm. (accessed: 18.10.2020). (In Russ.).

9. Stoykovich, L. Yu. (2007). *Leksiko-semanticheskoe pole anglijskikh glagolov recheproizvodstva (lingvokognitivnyy podkhod)* [Lexico-semantic field of English verbs of speech production (linguo-cognitive approach)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.04. Samara. Available at: <http://cheloveknauka.com/v/203638/a#?page=1>. (accessed: 18.10.2020). (In Russ.).

10. Stoykovich, L. Yu. (2013). Frazеологические средства выражения и моделирования процесса говорения в английском языке [Phraseological means of expression and modeling of the speaking process in the English language]. In *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. Ekaterinburg. No. 7 (14). Ch. 4. Pp. 43-45. (In Russ.).

11. Tsyganova, E. B. (2008). *Metaforicheskaya nominatsiya rechevoy deyatel'nosti (na materiale glagolov russkogo i anglijskogo yazykov)* [Metaphorical nomination of speech activity (on the basis of the verbs in Russian and English languages)]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Kazan. Available at: <http://cheloveknauka.com/v/238258/a#?page=1>. (accessed: 18.10.2020). (In Russ.).

12. Wellman, G. (1992). *The Heinemann English Wordbuilder*. Avon: The Bath Press.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Isaeva, E. (2018). *Dvor kak ukhodyashchaya natura* [Yard as retreating nature]. Available at: <http://www.isaeva.ru/plays/dvor.html>. (accessed: 18.10.2020). (In Russ.).

2. Isaeva, E. (2007). *Tretyeklassnik Alyosha* [Alyosha, the 3rd grade student]. Available at: <http://www.isaeva.ru/plays/alex.html>. (accessed: 18.10.2020). (In Russ.).

3. Keiller, P. (2011). *A pony for Sean*. Available at: <https://www.simplyscripts.net/cgi-bin/Blah/Blah.pl?m-1317594091>. (accessed: 18.10.2020).

4. Lowe, A. (2012). *The Rehearsal Room*. Available at: <https://www.simplyscripts.com/scripts/RehearsalRoom.pdf>. (accessed: 18.10.2020).

Мухина Дарья Сергеевна – аспирант кафедры
общего языкознания и славянских языков
(e-mail: dasha.mukhina.94@mail.ru),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Горловский институт иностранных языков»
284626, Горловка, ул. Рудакова, 25

Mukhina Daria S. – Post-Graduate Student
of General Linguistics and Slavic Languages
Department (e-mail: dasha.mukhina.94@mail.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Gorlovka Institute for
Foreign Languages»
25 Rudakova Street, Gorlovka, 284626

Поступила в редакцию 06 ноября 2020 г.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОРПУСА ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ НЕМЕЦКО-РУССКИХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МОДАЛЬНЫХ ГЛАГОЛОВ В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Статья посвящена использованию языковых корпусов в лингвистических исследованиях, в частности, параллельного немецко-русского корпуса в исследовании особенностей употребления модальных глаголов в современном немецкоязычном художественном дискурсе. В статье идёт речь о необходимых параметрах корпуса, о доступных функциях и сервисах корпуса, о подкорпусах в составе основного корпуса и о процессе отбора языкового материала.

Ключевые слова: лингвистический корпус, параллельный корпус, корпусная лингвистика, модальные глаголы, художественный дискурс.

© 2021 V. A. Leonteva

CORPORA OF PARALLEL GERMAN-RUSSIAN FICTION TEXTS USED FOR STUDYING THE FUNCTIONING OF MODAL VERBS IN MODERN GERMAN

The article addresses to the use of language corpora in linguistic research, in particular, the parallel German-Russian corpus in the study of the peculiarities of the modal verbs usage in modern German-language artistic discourse. The article deals with the necessary parameters of the corpus, the available functions and services of the corpus, the subcorpora in the main corpus and the process of selecting the language material.

Key words: linguistic corpora, parallel corpora, corpus linguistics, modal verbs, fiction discourse.

Цель данной статьи – показать на практике использование корпусной лингвистики для проведения лингвистических исследований на примере нашей работы с конкретным модальным глаголом. В связи с этим нашими задачами будут следующие:

- осветить в целом эту активно развивающуюся область современного языкознания;
- показать основные методы использования параллельных текстов при анализе контекстной семантики языковой единицы;
- отметить их достоинства и недостатки.

В основе корпусной лингвистики лежит работа с большими массивами текстов на определенном языке, либо на нескольких языках, с целью исследования родного или иностранного языка, проведения синхронических, диахронических, сравнительных, сопоставительных лингвистических исследований. Кроме того, корпус используется также с целью обучения родному или иностранному языку: не только современные

словари, но и некоторые современные учебные пособия и программы ориентированы на лингвистические корпуса; в корпусе любой пользователь может на реальных аутентичных примерах увидеть особенности употребления слова или его формы. Достижения корпусной лингвистики имеют значение не только для исследователей языка, но и для историков, литературоведов и специалистов в других гуманитарных областях.

Активное развитие и популярность корпусной лингвистики среди современных специалистов объясняется двумя причинами: многократным увеличением обрабатываемого материала (например, в Национальном корпусе русского языка есть возможность осуществлять автоматизированный поиск сразу среди 76882 текстов) и многократным снижением временных затрат, необходимых на проведение этого поиска, так как сам поиск подходящих контекстов осуществляется не вручную, а автоматически. Кроме того, корпус предоставляет доступ к текстам разного типа – аудиозаписям звучащей речи, публицистическим текстам и т. д., что бывает затруднительно при классических способах отбора материала. Это даёт возможность увидеть новые закономерности и статистически подтвердить научные гипотезы.

В настоящий момент мы работаем над диссертационным исследованием, посвященным изучению особенностей функционирования немецких модальных глаголов в художественном дискурсе. Модальность (от лат. *modus* – мера, способ) – одна из наиболее устоявшихся языковых категорий. При этом модальность также является и одним из наиболее спорных понятий в современной лингвистике [Зеленецкий, 2003: 73], поскольку не только передаёт отношение высказывания к действительности, но и отражает «субъективную квалификацию» сообщаемого [Языкознание. БЭС, 1998: 112] и прочно связана с говорящим. Следовательно, она «должна быть особенно чувствительна к тем изменениям, которые происходят в человеке, в его исторически меняющемся сознании» [Милосердова, 1991: 35]. Основной практический материал составляют данные параллельного немецко-русского корпуса – подкорпуса Национального корпуса русского языка. Цель диссертационного исследования – выявить и обосновать явление изоморфизма, или «структурного сходства, однотипности способов выражения разных оттенков модальности высказывания» [Горбачевская, 2012: 303], свойственное немецким модальным глаголам. Особенно интересно и разнообразно этот феномен проявляется в художественном дискурсе. Теория изоморфизма сейчас активно разрабатывается в сравнительном языкознании и переводоведении. Унифицированная дефиниция этого лингвистического термина, заимствованного из естественнонаучных дисциплин [Аракин, 2005: 23], пока отсутствует. Так, например, в словаре О. С. Ахмановой

есть статья о теории изоморфизма (уровней языка), где под этим понимается «отсутствие качественного различия между разными уровнями (ярусами) языка» и требующей «поэтому применения к их исследованию и описанию одних и тех же методов и принципов» [Ахманова, 2004: 473]. В «Толковом переводческом словаре» Л. Л. Нелюбина под изоморфизмом понимается: «1. Сходные черты в нескольких языках. 2. Взаимно однозначное соответствие. 3. Соответствие между структурами объектов» [Нелюбин, 2003: 59]. Автор отмечает, что изоморфизм «широко учитывается при моделировании процессов перевода» [Там же].

Кратко корпус определяется как «вся сумма (совокупность) произведений речи, созданных коллективом носителей данного языка» [Ахманова, 2004: 498]. На сайте Национального корпуса русского языка даётся такое объяснение: «Корпус – это информационно-справочная система, основанная на собрании текстов на некотором языке в электронной форме. Национальный корпус представляет данный язык на определенном этапе (или этапах) его существования и во всём многообразии жанров, стилей, территориальных и социальных вариантов и т. п.» [НКРЯ].

Первая важная характеристика лингвистического корпуса – наличие в нём разнообразных типов текстов – письменных, устных и смешанных, а также разнообразных жанров. Насколько это возможно, составители корпуса стараются придерживаться пропорций присутствия этих типов и жанров текстов в языке нужного периода. Вторая важная характеристика корпуса – наличие разметки, то есть дополнительной информации о текстах в составе корпуса. Отсутствие такой разметки превратит корпус в простую библиотеку текстов, гораздо менее пригодную для научного использования, так как она будет ориентирована в основном на содержание, а не на языковые характеристики текстов.

Разметка может проводиться в корпусе по разным категориям – метаразметка (герменевтическая информация о тексте), морфологическая (словоизменительная), синтаксическая, словообразовательная, акцентная, семантическая разметка и другие. Чем больше типов разметки использованы в корпусе и чем качественнее они выстроены, тем удобнее проводить в нём поиск и тем выше его исследовательская ценность.

Грамотное осуществление поиска необходимо для качественного исследования с применением лингвистического корпуса, потому что исследователю, скорее всего, в соответствии с его направлением деятельности, наиболее интересен конкретный подмассив текстов, а не весь корпус. При этом можно каждый раз задавать рамки необходимой выборки, а можно, как, например, в Национальном корпусе русского языка, выделить нужные тексты в кластер «Мой корпус» и дальше работать именно с ними.

Метатекстовый поиск осуществляется, например, по следующим категориям: автор текста, его пол и примерный возраст; название текста; период создания и примерный объём текста; жанр, тип и хронотоп текста. Другие параметры, размечаемые для нехудожественных текстов – сфера функционирования и тематика текста.

Использование корпусных данных для научных исследований соответствует правовой основе использования корпуса – некоммерческое использование в научно-исследовательских и учебных целях. Контексты, включенные в корпус, можно использовать как источник цитат для иллюстрации языкового явления с обязательной ссылкой на корпус и с указанием авторов и названия текста, откуда взят пример.

Лингвистический корпус может иметь разные подкорпусы: основной корпус – туда входят прозаические и драматургические литературные произведения; синтаксический корпус – в нём каждому предложению соответствует схема его синтаксической структуры; газетный корпус; корпус диалектных текстов – в таком подкорпусе может быть даже продуман специфический поиск с учётом диалектных особенностей морфологии; корпус поэтических текстов – в котором поиск также может быть особенным и проводится не только по языковым критериям, но и по размеру стихотворения, по особенностям рифмы и т. д.; обучающий корпус родного языка, составленный в соответствии со школьной программой; корпус устной речи; акцентологический корпус; мультимедийный корпус, где проводить поиск можно даже по наличию в отрывке определённого жеста.

Особый вид подкорпусов – параллельные корпусы, где текстам на одном языке сопоставлены их переводы на другие языки. В корпусах такого вида необходимо проведение выравнивания – соотнесения соответствующих друг другу единиц текста, обычно в этой роли выступают предложения. Научное применение параллельных корпусов находит место не только в сфере переводоведения, но и, как, например, в нашем случае, в исследованиях по семантике, теоретической грамматике и лексикографии.

В ходе работы мы с помощью сервисов, предоставляемых корпусом, отбираем подходящие контексты и проводим в первую очередь их семантический анализ, то есть выясняем, в каком значении там употреблён модальный глагол, а затем проводим грамматический, лексический и синтаксический анализ контекста – это позволяет нам сделать предположения о причинах употребления модального глагола в том или ином значении. Затем на большом количестве релевантных примеров мы можем проверить наши предположения и выделить закономерности влияния ситуативного и языкового контекста на употребление модальных глаголов (рис. 1).

Параллельный корпус (немецкий)

[инструкция](#) [здать подкорпус](#)

Поиск точных форм ?

Слово или фраза

Лексико-грамматический поиск ?

Лексема ? <input type="text" value="A B В"/>	Грамм. признаки ? выбрать	Семант. признаки ? выбрать
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Словоформа ?	Доп. признаки и языки ? выбрать	
<input type="text"/>	<input type="text"/>	

Расстояние: от до ?

Лексема ? <input type="text" value="A B В"/>	Грамм. признаки ? выбрать	Семант. признаки ? выбрать
<input type="text"/>	<input type="text"/>	<input type="text"/>
Словоформа ?	Доп. признаки и языки ? выбрать	
<input type="text"/>	<input type="text"/>	

Рис. 1. Ячейки поиска на сайте немецко-русского параллельного корпуса НКРЯ

Таким образом, мы можем при семантическом анализе контекста опираться не только на собственную интерпретацию, но и на переводчика, поскольку перевод – это, в первую очередь, интерпретация [Якобсон, 1978]. Перевод становится дополнительным средством и методом верификации наших гипотез, так как при работе над текстом переводчик погружается в иноязычный контекст, старается полностью прожить и прочувствовать ситуацию, чтобы как можно точнее передать то же самое средствами родного языка. С точки зрения лингвокультурологии, сам язык – не только отражение реальности, но и её интерпретация; язык создаёт реальность, в которой существует человек [Маслова, 1997: 5].

Приведём примеры того, как осуществляется анализ отобранных контекстов. На первом этапе мы производим поиск и отбор материала. В качестве предмета исследования возьмём глагол *können*.

Обобщая дефиниции современных значений модальных глаголов, которые даются в словарях и учебниках немецкого языка, можно дать следующую характеристику глагола *können*: он означает ‘быть в состоянии, уметь, иметь возможность, право, способность, позволение что-то сделать’. Эти значения вытекают из этимологических особенностей этого глагола, который относится к так называемой группе Präterito-Präsentia. Данные

глаголы названы так, потому что они «потеряли» свои презентные формы, так что носители языка стали вместо них использовать формы претерита. В истории немецкого языка нет единого объяснения причин этой ситуации, но есть факт, что изначально они были знаменательными и входили в семантическую группу глаголов «душевного состояния» и обладали синонимичными признаками [Жирмунский, 1976: 58-59]. Возможно, его модальная семантика связана с заменой презенса на претерит – результат действия в прошлом стал состоянием в настоящем. Так, например, исконное значение глагола *können* было «знать, понимать» [Маковский, 2004: 356, 679].

В выделенном нами подкорпусе художественных текстов через строку поиска вводим лексику *können* и берём для анализа один из появившихся контекстов (рис. 2):

1. Friedrich Dürrenmatt. Der Verdacht (1951-1952) | Фридрих Дюрренматт. Подозрение (Н. Савинков, 1968) [омонимия не снята] [Все примеры](#)

de » Das wäre ein Alibi«, sagte Bärlach und faltete den Anzeiger zusammen. » **Du kannst mir die Zeitschriften dalassen.** «Als Hungertobel um zehn zur ordentlichen Arztvisite zurückkam, lag der Alte, eifrig in den Zeitschriften lesend, in seinem Bett. [Friedrich Dürrenmatt. Der Verdacht (1951-1952) | Фридрих Дюрренматт. Подозрение (Н. Савинков, 1968)] [омонимия не снята] ←...→

ru – Да, это было бы алиби, – сказал Берлах и свернул объявления. – Оставь мне эти газеты. Когда Хунгертобель в десять часов пришел к нему с обходом, старик лежал в постели, с интересом читая газеты. [Фридрих Дюрренматт. Подозрение (Н. Савинков, 1968)] [омонимия не снята] ←...→

Рис. 2. Контекст с лексемой *können* из НКРЯ

Это отрывок из произведения Фридриха Дюрренматта «Der Verdacht» и его перевода на русский язык. Здесь же мы сразу видим фамилию переводчика и годы, когда было опубликовано произведение и выполнен перевод.

Нажимая на стрелочки после текста, мы можем расширить контекст (рис. 3):

Friedrich Dürrenmatt. Der Verdacht (1951-1952) | Фридрих Дюрренматт. Подозрение (Н. Савинков, 1968)

de Ich schwöre dir, mich nie mehr als Kriminalist zu versuchen. Der Mann auf dem Bild kann nicht Emmenberger sein, oder die Fotografie ist gefälscht. «» Das wäre ein Alibi«, sagte Bärlach und faltete den Anzeiger zusammen. » **Du kannst mir die Zeitschriften dalassen.** «Als Hungertobel um zehn zur ordentlichen Arztvisite zurückkam, lag der Alte, eifrig in den Zeitschriften lesend, in seinem Bett. Ihn scheine auf einmal die Medizin doch zu interessieren, sagte der Arzt verwundert. Hungertobel habe recht, meinte der Kommissär, die Artikel kämen aus Chile. [Friedrich Dürrenmatt. Der Verdacht (1951-1952) | Фридрих Дюрренматт. Подозрение (Н. Савинков, 1968)] [омонимия не снята]

ru Заклинаю тебя в будущем не испытывать меня в качестве криминалиста. Мужчина на фотографии не может быть Эменбергером, или это подделка. – Да, это было бы алиби, – сказал Берлах и свернул объявления. – Оставь мне эти газеты. Когда Хунгертобель в десять часов пришел к нему с обходом, старик лежал в постели, с интересом читая газеты. – Кажется, я заинтересовал тебя медициной, – сказал удивленно врач, нащупывая пульс Берлаха. – Хунгертобель, ты прав, – сказал комиссар, – статьи поступили из Чили. [Фридрих Дюрренматт. Подозрение (Н. Савинков, 1968)] [омонимия не снята]

Рис. 3. Расширенный контекст для определения контекстной семантики глагола *können*

Теперь, имея параллельный двуязычный контекст, мы можем проанализировать ситуативный контекст, опираясь на собственную интерпретацию и на интерпретацию переводчика, и выделить значение, в котором употреблён модальный глагол.

Анализируя собранные в корпусе контексты с глаголом *können*, мы находим довольно много случаев нетипичного использования этого глагола. Согласно лексикографическим источникам, учебным пособиям и научным исследованиям, основные значения *können* следующие: выражение потенциальной модальности, то есть 'быть в состоянии, уметь, иметь возможность, право, способность, позволение что-то сделать'.

В толковом словаре немецкого языка Duden даны следующие пять основных значений этого глагола: быть в состоянии что-то сделать (*Sie kann gut turnen* 'Она хорошо занимается спортом'); иметь возможность что-то сделать на основе определённых обстоятельств (*Das Flugzeug kann bis zu 300 Passagiere aufnehmen* 'Самолёт может вместить до 300 пассажиров'); в определённых условиях иметь предпосылки для поведения или действия (*In diesem Kontext kann man beide Wörter gebrauchen* 'В этом контексте можно использовать оба слова'); иметь позволение, менее интенсивный синоним *dürfen* (*Kann ich jetzt gehen?* 'Могу ли я сейчас уйти?'); быть возможным, в некоторой степени вероятным (*Der Arzt kann jeden Augenblick kommen.* 'Врач может прийти в любой момент') [Duden, 2001: 936].

В электронном словаре немецкого языка Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache отмечаются такие значения *können*, как: иметь способность, уметь что-то делать в психическом или физическом плане (*Sie kann noch nicht lesen, schreiben* 'Она ещё не умеет хорошо читать, писать'); быть в состоянии воспроизвести выученное (*Die zweite Strophe kann ich nicht* 'Вторую строфу я не знаю'); выражает, что указанное в основном смысловом глаголе состояние или процесс является возможным на основе определённых условий (*Ich kann mich vor Schmerzen nicht bücken* 'Не могу наклониться от боли'); быть в состоянии / не в состоянии из-за внешних обстоятельств (*Es war zu laut, ich konnte nicht schlafen* 'Было слишком громко, я не мог спать'); на основе согласия кого-то другого иметь позволение что-то сделать, синоним *dürfen* (*Ich wollte Sie fragen, wann ich Sie einmal sprechen kann* 'Я хотел Вас спросить, когда с вами будет можно поговорить'); на основе нравов и обычаев иметь возможность что-то сделать (*So kannst du nicht auf die Straße gehen* 'Так ты не можешь выйти на улицу'); на основе субъективного мнения говорящего иметь возможность что-то сделать (*Darin kann ich dir nur zustimmen* 'В этом я не могу согласиться с тобой'); на основе определённых обстоятельств иметь право что-то сделать (*Du kannst ohne Sorge sein* 'Можешь не волноваться'); выражает, что есть предпосылки для действия (*Du kannst ihn stundenlang ansehen, er merkt nichts* 'Можешь хоть часами смотреть на него, он ничего не замечает'); кто-то имеет потенциал и способность к действию (*Sie kann sehr freundlich sein* 'Она может быть очень дружелюбной');

выражает логическую возможность (*Es kann sein, dass er schon heute kommt* ‘Может быть, он сегодня придёт’) [DWDS].

В «Справочнике по грамматике немецкого языка как иностранного» Г. Хельбига и Й. Буша выделяются три основных варианта значения глагола *können* и даётся комментарий по поводу его семантики – выражение возможности, способности и разрешения. Приводятся такие примеры: *Wir können heute baden gehen, es ist warm genug* ‘Сегодня мы можем искупаться, довольно тепло’; *Die Großmutter kann den Brief nicht lesen, sie sieht schlecht* ‘Бабушка не может прочесть письмо, она плохо видит’; *Wer mit dem Sprachtest fertig ist, kann nach Hause gehen* ‘Кто закончил тест, может идти домой’ [Helbig, Buscha, 2001: 121].

В Универсальном словаре немецкого языка Duden Deutsches Universalwörterbuch подчеркивается, что основное значение *können* «быть в состоянии что-то сделать» обусловлено этимологически, поскольку он исконно обозначал понятия «знать, понимать, иметь умственные способности» [Duden, 2001: 936].

Хотя *können* обычно описывают как семантически однородный глагол, выражающий оттенки потенциальной модальности, структура значений этого глагола в реальном употреблении в речи не является однородной, а включает в себя случаи его нетипичного, изоморфного употребления, которые мы также обнаружили при работе с корпусом текстов. При определенном лексическом, грамматическом и синтаксическом контексте рассматриваемый глагол передаёт другие типы модальных отношений, отличные от своего основного. А. В. Аверина отмечает, что «семантика модальных глаголов сильно зависит от контекстуального окружения» [Аверина, 2010: 303].

В грамматике Мангеймского Института немецкого языка также говорится, что *können* – один из глаголов с самым широким спектром употребления, в справочнике есть несколько примеров его употребления для выражения не только его основного модального значения, но и в особых эпистемических, обстоятельственных, телеологических контекстах [IDS-Grammatik, 1997: 1267].

На первом этапе исследования модального глагола *können* мы рассмотрели его словарные статьи и то, как этот глагол описан в грамматических справочниках. Далее мы обратились к корпусу текстов, чтобы изучить конкретные примеры употребления этого глагола носителями современного немецкого языка. Мы осуществляли поиск по лексической единице «können», получали выборку отобранных из корпуса контекстов с разными словоформами этого глагола, с помощью собственной интерпретации и интерпретации переводчика определяли контекстное значение модального глагола и проводили анализ

контекста – синтаксического, то есть структуры высказывания; семантического, то есть ситуативного; грамматического, то есть форм лексических единиц.

В своём основном значении глагол *können* употребляется в большинстве ситуаций – это около 560 из 987 контекстов, например, в таком контексте:

(1) *Sie können die Geburt der Venus von Botticelli haben.* ‘Вы можете заказать «Рождение Венеры» Боттичелли»¹.

Следующие примеры иллюстрируют как раз те ситуации, когда глагол *können* употреблён не в основном модальном значении:

(2) *Man kann doch nicht auf eine [...] Photographie hin einen Menschen [...] verdächtigen.* ‘Нельзя же из-за одной фотографии сразу заподозрить человека’¹.

Пример (2) демонстрирует, что в подобном контексте глагол *können* выражает не своё основное значение потенциальной модальности – физическую возможность, а скорее напротив – предостережение, можно сказать, запрет, то есть употребляется в значении глагола *dürfen*.

(3) *Die englischen Zeitschriften brauche ich nicht, aber die schweizerischen Nummern kannst du mir lassen.* ‘Английские газеты мне не нужны, а швейцарские оставь’¹.

В примере (3) глагол *können* также реализует не своё основное значение возможности, а, напротив, это предложение имеет императивный подтекст, обычно характерный для глагола *sollen*, только выраженный в более вежливой и мягкой форме. Как правило, окружающий контекст глагола в данном случае – прямая речь с императивной семантикой. То есть, анализ корпусного материала дает возможность достаточно объективно определить и маркеры разного типа, сигнализирующие об изоморфизме употребления того или иного модального глагола.

Таким образом, благодаря репрезентативной выборке из корпуса текстов нам удалось выявить следующие контекстные значения глагола *können*:

- предостережение, запрет, то есть употребление, близкое по значению к глаголу *dürfen*;
- императивное значение, обычно характерное для глагола *sollen*, но выраженное в более вежливой и мягкой форме;
- оттенок желательности, близкой к оптативной модальности глаголов *wollen* и *mögen*;
- значение неизбежной необходимости, характерное для глагола *müssen*.

То есть, используя корпус текстов как инструмент нашего исследования, мы можем провести анализ современного употребления глагола и доказать либо опровергнуть свою

¹ Примеры из произведения Friedrich Dürrenmatt. *Der Verdacht* (1953) / Фридрих Дюрренматт. Подозрение [Савинков, 1990].

гипотезу о феномене изоморфизма этого глагола в художественном дискурсе.

Но в работе с корпусом есть не только плюсы, но и некоторые неудобства, о которых нельзя не упомянуть. Например, иногда исследователю недостаточно представленного в корпусе контекста, и его необходимо расширять, и даже расширенного контекста в корпусе может оказаться мало. При этом прочитать произведение полностью в рамках корпуса, как правило, нет возможности, потому что корпус функционирует только в режиме поиска конкретных словоупотреблений. Тогда исследователь вынужден обращаться к сторонним ресурсам – например, к электронным библиотекам. Однако, по нашему опыту, это довольно редкие случаи, и они компенсируются теми преимуществами, которые получает пользователь корпуса для своего исследования. Кроме того, не так быстро в корпусе появляется литература двадцать первого века, а это тоже могло бы быть важным для изучения функционирования модальных глаголов в современном немецком языке.

Итак, на материале модальных глаголов мы привели только один пример из широкого спектра возможного применения такого прогрессивного и удобного инструмента современных лингвистических исследований, как языковой корпус.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверина А. В. Стилистический аспект функционально-семантического поля: на примере поля эпистемической модальности немецкого языка: дисс ... д-ра филол. наук: 10.02.04. Москва, 2010. 447 с.
2. Аракин В. Д. Сравнительная типология английского и русского языков. 3-е изд. Москва: ФИЗМАТЛИТ, 2005. 232 с.
3. Горбачевская С. И. Изоморфизм средств выражения субъективной модальности как переводческая проблема // Преподаватель XXI век. Общероссийский журнал о мире образования. 3/ 2012. Ч. 2. С. 302-306.
4. Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Ленинград: Наука, 1976. 698 с.
5. Зеленецкий А. Л., Новожилова О. В. Теория немецкого языкознания. Москва: Академия, 2003. 395 с.
6. Маслова В. А. Введение в лингвокультурологию. Москва: Наследие, 1997. 208 с.
7. Милосердова Е. В. Семантика и прагматика модальности (на материале простого предложения современного немецкого языка). Воронеж: ВГУ, 1991. 196 с.
8. Национальный корпус русского языка, немецко-русский корпус параллельных текстов. Доступ: <http://www.ruscorpora.ru/search-para-de.html>. (дата обращения: 28.12.2020). [НКРЯ].
9. Языкознание // Большой энциклопедический словарь. Москва: Большая Российская энциклопедия, 1998. 683 с. [БЭС].
10. Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. Москва, 1978. С. 16-24. Доступ: <http://www.philology.ru/linguistics1/jakobson-78.htm>. (дата обращения: 28.12.2020)

11. Helbig G., Buscha J. *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Langenscheidt: Berlin / Wien / Zürich / New York, 2001. 654 S.
12. IDS-Grammatik: Grammatik der deutschen Sprache. Gisela Zifonun, Ludger Hoffmann, Bruno Strecker (Hgg). Walter de Gruyter: Berlin / New York, 1997. Bd. II. S. 953-1680.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стереотипное. Москва: Едиториал УРСС. 2004. 576 с.
2. Маковский М. М. Этимологический словарь современного немецкого языка. Слово в зеркале человеческой культуры. Москва: Азбуковник. 2004. 630 с.
3. Нелюбин Л. Л. Толковый переводоведческий словарь. 3-е изд., перераб. Москва: Флинта: Наука, 2003. 320 с.
4. Duden Deutsches Universalwörterbuch. 4., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Hrsg. von der Dudenredaktion. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverl., 2001. 1892 S.
5. Das Duden-Onlinewörterbuch. Доступ: <https://www.duden.de>. (дата обращения: 28.12.2020).
6. DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Доступ: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 28.12.2020).

REFERENCES

1. Averina, A. V. (2010). *Stilisticheskiy aspekt funkcionalno-semanticheskogo polya: na primere polya epistemicheskoy modalnosti nemetskogo yazyka* [The stylistic aspect of the functional-semantic field: on the example of the field of epistemic modality of the German language]: diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.04. Moskva. (In Russ.).
2. Arakin, V. D. (2005). *Sravnitel'naya tipologiya angliyskogo i russkogo yazykov* [Comparative typology of English and Russian languages]. Moskva: FIZMATLIT. (In Russ.).
3. Gorbachevskaya, S. I. (2012). *Izomorfizm sredstv vyrazheniya subektivnoy modalnosti kak perevodcheskaya problema* [Isomorphism of means of expressing subjective modality as a translation problem]. In *Prepodavatel XXI vek. Obshcherossiyskiy zhurnal o mire obrazovaniya*. 3/2012, Ch. 2. Pp. 302-306. (In Russ.).
4. Zhirmunskiy, V. M. (1976). *Obshchee i germanskoe yazykoznanie* [General and Germanic linguistics]. Leningrad: Nauka. (In Russ.).
5. Zelenetskiy, A. L. Novozhilova, O. V. (2003). *Teoriya nemetskogo yazykoznaniya* [The theory of German linguistics]. Moskva: Akademiya. (In Russ.).
6. Maslova, V. A. (1997). *Vvedeniye v lingvokulturologiyu* [Introduction to cultural linguistics]. Moskva: Nasledie. (In Russ.).
7. Miloserdova, E. V. (1991). *Semantika i pragmatika modalnosti (na materiale prostogo predlozheniya sovremennogo nemetskogo yazyka)* [Semantics and pragmatics of modality (based on a simple sentence of the modern German language)]. Voronezh: WGU. (In Russ.).
8. *Natsionalnyy korpus russkogo yazyka, nemetsko-russkiy korpus parallelnykh tekstov* [National corpus of the Russian language, German-Russian corpus of parallel texts]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru/search-para-de.html>. (accessed: 28.12.2020). (In Russ.).
9. *Yazykoznanie* [Linguistics]. In *Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar*. Moskva: Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya, 1998. (In Russ.).
10. Yakobson, R. *O lingvisticheskikh aspektakh perevoda. Voprosy teorii perevoda v zarubezhnoy lingvistike* [On the linguistic aspects of translation. Questions of the theory of translation studies in foreign linguistics]. Available at: <http://www.philology.ru/linguistics1/yakobson-78.htm>. (accessed: 28.12.2020). (In Russ.).
11. Helbig, G., Buscha, J. (2001). *Deutsche Grammatik. Ein Handbuch für den Ausländerunterricht*. Langenscheidt: Berlin / Wien / Zürich / New York.

12. *IDS-Grammatik: Grammatik der deutschen Sprache*. Gisela Zifonun, Ludger Hoffmann, Bruno Strecker (Hgg). Walter de Gruyter: Berlin / New York, 1997. Bd. II. S. 953-1680.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Akhmanova, O. S. (2004). *Slovar lingvističeskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moskva: Editorial URSS. (In Russ.).

2. Makovskiy, M. M. (2004). *Etimologičeskij slovar sovremennogo nemetskogo yazyka. Slovo v zerkale čelovečeskoj kultury* [Etymological Dictionary of Modern German. The word in the mirror of human culture] Moskva: Azbukovnik. (In Russ.).

3. Nelyubin, L. L. (2003). *Tolkovyy perevodovedčeskij slovar* [Explanatory translation dictionary]. Moskva: Flinta. (In Russ.).

4. *Duden Deutsches Universalwörterbuch*. 4., neu bearbeitete und erweiterte Auflage. Hrsg. von der Dudenredaktion. Mannheim; Wien; Zürich: Dudenverl, 2001.

5. *Das Duden-Onlinewörterbuch*. Available at: <https://www.duden.de>. (accessed: 28.12.2020).

6. *DWDS – Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache*. Available at: <https://www.dwds.de>. (accessed: 28.12.2020).

Леонтьева Варвара Андреевна –
аспирант факультета иностранных языков
и регионоведения
(e-mail: varvara.leonteva.94@mail.ru),
Федеральное государственное образовательное
учреждения высшего профессионального
образования «Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова»
119991, Россия, Москва, ул. Ленинские горы, 1

Leonteva Varvara A. – Post-Graduation Student
of the Faculty of Foreign Languages and Area
Studies (email: varvara.leonteva.94@mail.ru),
Federal State-Funded Educational Institution of
Higher Professional Education «Moscow State
University named after M. V. Lomonosov»
1 Leninskie gory, Russia, Moscow, 119991

Поступила в редакцию 11 января 2021 г.

УДК 81'373/81'374

© 2021 Л. А. Нефедова, А. М. Кустова

«АНТИСЛОВО» ГОДА КАК ОСОБЫЙ ВИД ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ РЕФЛЕКСИИ В ГЕРМАНИИ И АВСТРИИ

Статья посвящена тематическому, структурно-функциональному и социолингвистическому анализу «антислов» года Германии и Австрии. В результате проведенного исследования выявлены различия тематики отбираемых единиц в этих странах, описаны структурные и функциональные особенности «антислов», а также их социолингвистическая специфика.

Ключевые слова: «антислово» года, тематический, структурно-функциональный и социолингвистический анализ, языковая критика.

© 2021 L. A. Nefedova, A. M. Kustova

UN-WORDS OF THE YEAR AS SPECIAL TYPE OF LINGUISTIC SELF-REFLECTION IN GERMANY AND AUSTRIA

The article focuses on the thematic, structural-functional and sociolinguistic analysis of the un-words of the year in Germany and Austria. As a result of the study, the differences in the subjects of the selected units in these countries have been revealed, the structural and functional features of un-words, as well as their sociolinguistic specificity, have been described.

Key words: un-word of the year, thematic, structural-functional and sociolinguistic analysis, linguistic criticism.

Критика языка является важным элементом формирования языковой хроники общества. К одной из форм выражения данного явления относятся лингвистические акции, в рамках которых выбираются значимые слова для граждан той или иной страны («Слово и «антислово» года», «фраза и «антифраза» года). Выбор ключевых лексических единиц, выражающих негативные, по мнению преобладающего большинства, явления, может восприниматься как один из видов рефлексии на текущие социальные события, а также на развитие языка в целом [Greule, 2017: 279].

Целью работы является тематический, структурно-функциональный и социолингвистический анализ «антислов» года Германии и Австрии, который позволяет выявить словообразовательные тенденции в современном немецком языке и экстралингвистические факторы, имеющие решающее влияние при отборе номинантов. Одной из задач исследования является установить общие закономерности и отличительные характеристики при отборе ключевых слов в Германии и Австрии, попытаться выявить универсальное и национально-специфическое в рассматриваемой лексике. Материалом исследования послужили «антислова» 2014-2019 гг., выбранные в указанных странах. Особое внимание уделяется анализу ключевых областей, нашедших

отражение в данной лексике, путей становления «антислов». В исследовании выделяются семантические и стилистические особенности номинантов на «антислова» года, способы образования и контекст их употребления. При этом акцент делается на выявлении причин того, какие лексемы и на основании каких критериев становятся «антисловами». Согласно официальному заявлению Общества немецкого языка, «антисловом» может быть любая лексическая единица, обозначающая понятие из различных сфер общественной жизни в рамках публичной коммуникации, противоречащая основным гуманистическим принципам / дискредитирующая одну из социальных групп общества / используемая эвфемистически, завуалированно либо своим использованием вводящая окружающих в заблуждение [Offizielle Seite der Aktion «Unwort des Jahres»]. На данный момент акция «Антислово» года» (нем. *Unwort des Jahres*) является наиболее актуальным и всеобъемлющим выражением языковой критики в Германии, цель которой состоит в бережном обращении с языком и привлечении внимания к употреблению актуальной лексики [Greule, 2000: 10]. Процесс выбора слова и «антислова» года происходит в несколько этапов: на основе народного голосования и с помощью авторитетного мнения жюри, что позволяет увидеть картину «целиком» [Schlosser, 2001: 73]. Отечественные ученые отмечают, что с помощью подобного анализа «языковой жизни социума» возможно уловить вектор наиболее приоритетных направлений развития общества за прошедший год [Сапожникова, 2014: 74].

Один из инициаторов данной акции Х. Д. Шлоссер в своей работе «Lexikon der Unwörter» пытается систематизировать «антислова» по следующим темам:

- политика (разделение и воссоединение Германии);
 - бюрократические процессы;
 - военные события;
 - расизм;
 - дискриминация различных групп населения (прежде всего, возрастных групп)
- [Schlosser, 2000: 52].

Исследователь также выделяет ключевые пути становления «антислов», обозначающих неприятные для немецкого общества события и понятия:

- слова, изначально предлагаемые журналистами в своих статьях в качестве «антислов»;
- слова, используемые СМИ в переносном значении («в кавычках»);
- слова, обсуждаемые в СМИ и интернет-блогах как неприятные с точки зрения их

семантического и коннотативного значений;

- слова, предлагаемые онлайн-изданиями в качестве «антислов» в рамках опроса;
- слова, некорректно используемые политиками, медийными и известными личностями, вызывающие неприятие общественности [Schlosser, 2007: 288].

Главная задача языковой критики состоит в том, чтобы повлиять на использование языка во всех типах коммуникации. Немецкий исследователь А. Гройле выделяет два вида языковой критики: журналистскую и лингвистическую. При этом «антислова» года относятся ко второму виду, так как «главной целью лингвистической критики языка является содействие осознанному использованию языка у всех коммуникантов» [Wimmer, 1994: 259]. Важным фактором является достаточная обоснованность рассмотрения слов с точки зрения лингвистического типа критики, в то время как журналистская языковая критика остается субъективным феноменом [Greule, 1986: 292]. Однако границы между двумя видами языковой критики со временем размываются: случайное употребление того или иного слова в публицистике способно привести к всплеску общественной активности, вторичному употреблению (при этом контекст может изменяться, а слово «обрастать» коннотациями) и детальному рассмотрению исследователями [Greule, 1986: 207]. Показателем развития языковой критики является способность и готовность коммуникантов к обсуждению неосторожного использования языка в конфликтных ситуациях. При этом важным является то, что выбор слов не всегда может казаться объективным, так как он происходит в результате творческого процесса с учетом личных предпочтений отдельных языковых личностей [Пфандль, 2015: 225].

В структурном отношении большинство рассматриваемых нами «антислов» представляют собой субстантивные композиты, состоящие из двух и более корней: *Lügenpresse* (2014), *Negerkonglomerat* (2014), *Volksverräter* (2016), *Klimahysterie* (2019), *Ethikmauer* (2019). Подавляющая их часть имеет лексикографическую фиксацию и является уже существующими в обществе понятиями (в т. ч. историческими и социокультурными реалиями) Германии. В то же время редкие лексические единицы являются неологизмами или относятся к пласту разговорной речи, такие, как *Öxit* (2016) и «*b' soffene G'schicht*» (2019).

Рассмотрим слова-реалии, существующие в языке с начала XX в., частично переосмысленные к текущему моменту. Существительное *Lügenpresse*, выбранное «антисловом» 2014 г. в Германии, может переводиться на русский язык конструкцией 'лживая пресса', имеет словарную помету «abwertend». Данная лексическая единица является национал-социалистическим термином, который в настоящее время

целенаправленно используется правопопулистскими движениями и политическими партиями – так, *Lügenpresse* выбрана одним из основных лозунгов членами движения «ПЕГИДА». При этом изначально само семантическое ядро не несло в себе отрицательных коннотаций, а приобрело их в историческом контексте. Слово начинает употребляться в эпоху Первой мировой войны, а его наибольшая частотность употребления приходится на время становления нацистского режима. Ныне же использование данной лексической единицы является попыткой манипулирования прошлым страны, так как вызывает у граждан Германии негативные ассоциации; её употребление ограничивает свободу прессы, важную для демократии, и способствует развитию экстремизма: «медиа-язык нуждается в критическом осмыслении, и, разумеется, далеко не все, что публикуется в прессе, однозначно и не вызывает сомнений. Но с выражением «лживая пресса» СМИ становятся источниками диффамации» [Offizielle Seite der Aktion «Unwort des Jahres»]. Так, в электронном издании «Zeit» шовинистские взгляды сторонников правых выражены в одной фразе: «СМИ – лживая пресса, «Зеленые» – приспешники «ПЕГИДЫ», а мигранты, скорее всего, – все преступники» [Die Zeit Online].

Еще одной исторической реалией Германии, активно реализующейся в языке в данный момент, является «антислово» 2016 г. *Volksverräter* ('предатель народа'). Оно является «наследием диктатуры», «подавляет серьезный разговор и необходимые в обществе дискуссии для развития демократии», по мнению Нины Яних, одного из членов жюри Общества немецкого языка [Der Spiegel]. Номинация 'предатель народа', как указывает лингвист, связана с националистическим прошлым Германии и ныне используется бессистемно: участниками движения «ПЕГИДА», сторонниками политической партии «Альтернатива для Германии» и иными «правыми инициативами» [Janich, 2019: 431]. Стоит отметить, что композит обладает стилистической пометой в словаре DUDEN («besonders nationalsozialistisch» – «используется национал-социалистами»), а также имеет предостережение, что в речи следует избегать употребления лексических единиц 'предатель народа', 'предательница народа' (нем. *Volksverräter*, *Volksverräterin*), ибо они связаны с национал-социалистической пропагандой [Duden]. Важно учесть, что составители словаря указывают на то, что предателем народа является лицо, которое предает 'собственный народ' (нем. *das eigene Volk*), в то время как Нина Яних говорит лишь об определенной части народа ФРГ: слово употребляется в «фашистском и ксенофобском контексте», дискредитируя «... не государственный народ в целом, а этническую категорию, исключаящую часть

населения (т. е. коренных немцев). Таким образом, выражение также антидемократично, потому что оно отрицает легитимность основных прав для всех людей на территории Федеративной Республики» [Janich, 2013: 358]. Также отметим, что выражение ‘предатель народа’ на данный момент используется скорее в устной, чем в письменной речи – преимущественно правыми демонстрантами на несанкционированных акциях. Например, в августе 2016 г. в г. Зальцгиттер члены движения «ПЕГИДА» обвинили в грубой форме действующего на тот момент вице-канцлера Германии Зигмара Габриэля в предательстве народа из-за директивы, направленной на поддержку мигрантов.

В то время как лингвисты Германии обращают внимание на уже устоявшиеся термины, связанные с историческим прошлым страны и находящиеся в стадии вербального переосмысления, Австрийский исследовательский центр австрийского варианта немецкого языка делает выбор в пользу авторских неологизмов (как в 2014, так и в 2016 гг.). Так, «антисловом» Австрии 2014 г. стал двухкомпонентный композит *Negerkonglomerat* (‘конгломерат негров’) с дискриминирующим этнонимом *Neger*. Семантика лексической единицы является отражением социополитической ситуации в стране: австрийский публицист и действующий в 2014 г. член Европарламента Андреас Мельцер с помощью данной лексемы выразил свое отношение к напряжению в Европе, связанному с притоком мигрантов: «Мы или станем конгломератом негров, где – и я осознанно говорю, избегая политической корректности, – где распространяется хаос» [Der Standard].

Неологизм *Öxit* образован по аналогии со словом *Brexit* и означает возможный выход Австрии из Европейского Союза. Он был впервые использован в речи Г. П. Хазельштейном в рамках кампании президентских выборов в Австрии 2016 г. Данное новообразование, вербализованное в речи отдельных членов языкового сообщества, неактивно используется в языке, не имеет нормативного статуса, а скорее носит окказиональный характер и не имеет дальнейшей лексикографической фиксации. Такой неологизм, образованный путем слияния двух слов *Österreich* и *exit*, не только вызывает негативные ассоциации у граждан (Хазельштейн утверждал, что выход Австрии из Евросоюза допустим в случае принятия Турции в Европейский Союз), выполняет сатирико-ироническую и аттрактивную функции, но и отражает закон языковой экономики, один из универсальных законов динамики языка. Слово также показывает искусственную попытку создания реалий путем частого повторения, чтобы впоследствии использовать его в политических целях [Das Forschungszentrum Österreichisches Deutsch].

Интересным с лингвистической точки зрения является рассмотрение номинантов на «антислово» 2019 года. Если ранее к их числу относились преимущественно сложные

слова, как имеющие лексикографическую фиксацию, так и реализованные в языке впервые, то последние тенденции показывают, что «антисловом» может стать словосочетание, относящееся к пласту разговорной речи (чего не было ранее). Такое решение обусловлено экстралингвистическими факторами и представляет собой нестандартный подход языковедов Австрии. Данным словосочетанием является атрибутивная конструкция *b' soffene G'schicht*.

Стоит отметить, что как слово и «антислово» года, так и фраза и «антифраза» года, выбранные Австрийским исследовательским центром австрийского варианта немецкого языка в 2019 г., относятся к скандалу Ибица-гейт (нем. *Ibiza-Affäre*), который привел к роспуску политической коалиции, правительственному кризису и досрочным выборам. После публикации видео, послужившего основой для скандала, действующий на тот момент вице-канцлер Австрии Хайнц-Кристиан Штрахе пытался скрыть скандал, утверждая, что был просто пьян (букв. 'это была пьяная история'), а не планировал целенаправленно «... скрыть и задекларировать меньшие, чем они есть на самом деле, партийные пожертвования и потенциально незаконные сделки» [Tagesspiegel].

Языковеды Германии подходят к рассмотрению номинантов на «антислова» года более традиционно: в 2019 г. ими стали лексические единицы *Klimahysterie* букв. 'климатическая истерия', то есть 'истерия, вызванная изменениями климата', *Ethikmauer* 'стена этики'. Оба слова имеют лексикографическую фиксацию: согласно словарю Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (DWDS), слово *Klimahysterie* стало использоваться ещё с середины 1990 гг., а особую распространенность получило в 2019 г. как ключевое слово в дебатах и дискуссиях относительно влияния человеческой деятельности на изменения климата во всем мире [DWDS]. Так, правая националистическая партия Финляндии «Истинные финны» (фин. *Perussuomalaiset*) использовала данную лексему в предвыборной кампании парламентских выборов в 2019 г. в качестве одного из заглавных слов своей программы [The New York Times]. После этого слово получило распространение в немецкоязычной прессе: в июле Й. Мюллер отметил в статье FAZ, что «... текущая жара разгорелась из-за дискуссии об истерии, вызванной изменениями климата [...]». Она вряд ли может быть нелепее, чем сейчас». Другой журналист, Ф. Альт, раскритиковал дебаты в издании «Телеполис» и сетевых журналистов, спекулирующих на данной теме, так как «глобальное потепление уже сегодня сделало жизнь во многих регионах нашей планеты невозможной» [Telepolis]. Данная лексическая единица нашла выражение в обоих видах языковой критики: журналистской и лингвистической.

Композит *Ethikmauer* стал показательной номинацией для выражения дискредитации использования любых морально-этических аргументов по отношению к современным технологиям и общественному прогрессу. Слово фигурировало в статье «Welt» от 01.08.2019, которая была посвящена японским исследованиям по искусственному размножению человеческих органов у домашнего скота в терапевтических целях. Выступая против критиков данного метода, автор отмечает: «В этом исследовании, направленном на благо человека, нельзя просто спрятаться за стеной этики» [Welt]. Выбор слов для выражения своей позиции отражает процессы, происходящие в обществе и волнующие его граждан, – этический уровень развития общества показывает, в каких выражениях обсуждаются принципиальные вопросы будущего.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы о специфике «антислов» года в Германии и Австрии как языковой категории. В качестве неязыковых особенностей можно выделить разброс тематики отбираемых лексических единиц: «антислова» года Германии связаны с историческим прошлым страны, а также указывают на негативные процессы, происходящие в мировом сообществе (глобальное потепление, научные исследования в других странах), в то время как для австрийских лингвистов большую роль играют внутривнутриполитические события. Данное исследование помогает определить ключевые экстралингвистические факторы, имеющие решающее влияние на выбор «антислов» года. С точки зрения временной дифференциации лексики, к «антисловам» относятся как слова, активно используемые в языке, имеющие нормативный статус, а также представляющие устойчивые реалии (характерно для Германии), так и неологизмы (преимущественно в Австрии). В структурном плане отмечается частотное использование композитов. Исследование семантических и функциональных особенностей рассматриваемой языковой категории позволяет выявить их социолингвистическую специфику. Так, можно отметить вариантность выбора лексем в системе языка (в номинации попадает литературная лексика в Германии, разговорная и сниженная (с намеренными отклонениями от нормы) в Австрии). Большинство языковых единиц возникает в повседневной речи, при этом они могут использоваться как систематически с идеологическим подтекстом, так и носить окказиональный характер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Пфандль Х. Слова года: между лингвистикой и искусством (немецкие и русские слова года 2013 и 2014 гг.) // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: в 15-ти т. Санкт-Петербург: МАПРЯЛ, 2015. Т. 11. С. 220-225.
2. Сапожникова Л. М. «Слова года» в немецкоязычных европейских странах: этнопсихолингвистические и политические аспекты // Слово и текст:

психолингвистический подход. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. С.74-78.

3. Greule A. Besseres Deutsch – größere Chancen. Die Sprachförderung Erwachsener als Aufgabe der Germanistik // Muttersprache. 1986. № 9. S. 202-214.

4. Greule A. Das Unwort des Jahres. Eine neue Form der Sprachkritik in Deutschland // Sbornik Praci Filozofické Fakulty Brněnské Univerzity. Brunensis, 2000. #5. S. 7-17.

5. Greule A. Theorie und Praxis der germanistischen Sprachpflege // Muttersprache. 1986. #92. S. 265-296.

6. Greule A. Wörter des Jahres, Jugendwörter, Unwörter und kein Ende. Kritische Einschätzung der Wort-/Unwort-Aktionen im deutschen Sprachraum // *Tekst i diskurs – Text und Diskurs*. 2017. Nr. 10. S. 277-286.

7. Janich N. Sprache und Moral // *Handbuch Sprache im Urteil der Öffentlichkeit / Antos, Gerd / Niehr, Thomas / Spitzmüller, Jürgen (Hrsg.)*. Boston / Berlin: de Gruyter (Handbücher Sprachwissen 10), 2019. S. 424-446.

8. Janich N. Sprachreflexion als Mittel der Aufklärung und Sprachkultivierung: von der Sprachkritik zur Sprecherkritik // *Mitteilungen des Deutschen Germanistenverbandes 60.4. Special Issue «Sprachkritik» / hrsg. von Jörg Kilian, Thomas Niehr und Jürgen Schiewe*. 2013. S. 356-373.

9. Schlosser H. D. *Lexikon der Unwörter*. Bertelsmann-Lexikon-Verlag, Gütersloh 2000. 125 S.

10. Schlosser H. D. Sprachkritik per Volksabstimmung? Erfahrungen mit zwölf Jahren «Unwort des Jahres» // *Von «aufmüpfig» bis «Teuro»*. Die Wörter der Jahre 1971-2002 / J. A. Bär (Hrsg.). Mannheim / Leipzig / Zürich, 2001. S. 69-79.

11. Schlosser H. D. Unwörter des Jahres – Sprachkritik zwischen Linguistik und Politik // *Wissenschaften in Kontakt. Kooperationsfelder der Deutschen Sprachwissenschaft / S. Reimann, K. Kessel (Hrsg.)*. Tübingen, 2007. S. 288-297.

12. Wimmer R. *Sprachkritik und Sprachkultur // Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache / Hans-Jürgen Heringer (Hrsg.)*. Tübingen, 1994. S. 253-264.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Das Forschungszentrum Österreichisches Deutsch. Доступ: <https://oewort.at/wort-des-jahres/2016/>. (дата обращения: 24.10.2020).

2. Der Spiegel: Online-Nachrichten. Доступ: <https://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/unwort-des-jahres-2016-volksverraeter-a-1129297.html>. (дата обращения: 23.10.2020).

3. Der Standard. Доступ: <https://www.derstandard.at/story/1395363004736/deutschmoelzer-soll-kandidatur-zurueckziehen>. (дата обращения: 24.10.2020).

4. Die Zeit Online: Aktuelle Nachrichten, Kommentare, Analysen und Hintergrundberichte aus Politik, Wirtschaft, Gesellschaft, Wissen, Kultur und Sport. Доступ: <https://www.zeit.de/2017/47/pegida-gruender-lutz-bachmann-kathrin-oertel>. (дата обращения: 24.10.2020).

5. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache: der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute. Доступ: <https://www.dwds.de>. (дата обращения: 23.10.2020). [DWDS]

6. Duden. Online-Wörterbuch. Доступ: <http://duden.de>. (дата обращения: 23.10.2020).

7. Offizielle Seite der Aktion «Unwort des Jahres». Доступ: <http://www.unwortdesjahres.net>. (дата обращения: 18.10.2019).

8. Tagesspiegel: Kommentare, Hintergründe und Interviews aus Politik, Wirtschaft und Kultur. Доступ: <https://www.tagesspiegel.de/themen/reportage/strache-comeback-nach-ibiza-affaere-oesterreichs-ex-vize-kanzler-ist-wieder-da-fast/26249998.html>. (дата обращения: 23.10.2020).

9. Telepolis: Online magazin für Politik & Medien im digitalen Zeitalter. Доступ: <https://www.heise.de/tp/features/Klima-Hysterie-4480583.html>. (дата обращения: 23.10.2020).
10. The New York Times. Доступ: <https://www.nytimes.com/2019/04/12/world/europe/finland-populism-immigration-climate-change.html>. (дата обращения: 23.10.2020).
11. Welt: Nachrichten, Hintergründe, News & Videos. Доступ: <https://www.welt.de/newsticker/news1/article205002426/Sprache-Klimahysterie-ist-Unwort-des-Jahres-2019.html>. (дата обращения: 23.10.2020).

REFERENCES

1. Pfandl, H. Slova goda: mezhdu lingvistikoy i iskusstvom (nemetskie i russkie slova goda 2013 i 2014 gg.) [Un-words: between linguistic and art (German and Russian un-words of 2013 and 2014)]. In *Russkiy yazyk i literatura v prostranstve mirovoy kultury: v 15-ti t.* Sankt-Peterburg: MAPRYAL, 2015. T. 11. Pp. 220-225. (In Russ.).
2. Sapozhnikova, L. M. «Slova goda» v nemetskoyazychnykh evropeyskikh stranakh: etnopsiholingvisticheskie i politicheskie aspekty [Un-words in German-language European contries: ethnopsycholinguistical and political aspects]. In *Slovo i tekst: psiholingvisticheskiy podkhod*. Tver: Tver. gos. un-t, 2014. Pp. 74-78. (In Russ.).
3. Greule, A. Besseres Deutsch – größere Chancen. Die Sprachförderung Erwachsener als Aufgabe der Germanistik. In: *Muttersprache*. 1986. No. 9. S. 202-214.
4. Greule, A. Das Unwort des Jahres. Eine neue Form der Sprachkritik in Deutschland. In *Sbronik Praci Filozofické Fakulty Brněnské Univerzity*. Brunensis, 2000. #5. S. 7-17.
5. Greule, A. *Theorie und Praxis der germanistischen Sprachpflege*. Muttersprache, 1986. #92. S. 265-296.
6. Greule, A. Wörter des Jahres, Jugendwörter, Unwörter und kein Ende. Kritische Einschätzung der Wort-/Unwort-Aktionen im deutschen Sprachraum. In *Tekst i diskurs – Text und Diskurs*. 2017. Nr. 10. S. 277-286.
7. Janich, N. Sprache und Moral. In *Antos, Gerd / Niehr, Thomas / Spitzmüller, Jürgen (Hrsg.): Handbuch Sprache im Urteil der Öffentlichkeit*. Boston / Berlin: de Gruyter (Handbücher Sprachwissen 10), 2019. S. 424-446.
8. Janich, N. Sprachreflexion als Mittel der Aufklärung und Sprachkultivierung: von der Sprachkritik zur Sprecherkritik. In *Mitteilungen des Deutschen Germanistenverbandes 60.4. Special Issue «Sprachkritik», hrsg. von Jörg Kilian, Thomas Niehr und Jürgen Schiewe*. 2013. S. 356-373.
9. Schlosser, H. D. *Lexikon der Unwörter*. Bertelsmann-Lexikon-Verlag, Gütersloh, 2000.
10. Schlosser, H. D. *Sprachkritik per Volksabstimmung? Erfahrungen mit zwölf Jahren «Unwort des Jahres»*. In *J. A. Bär (Hrsg.): Von «aufmüpfig» bis «Teuro»*. Die Wörter der Jahre 1971-2002. Mannheim / Leipzig / Zürich, 2001. S. 69-79.
11. Schlosser, H. D. Unwörter des Jahres – Sprachkritik zwischen Linguistik und Politik. In *S. Reimann, K. Kessel (Hrsg.): Wissenschaften in Kontakt. Kooperationsfelder der Deutschen Sprachwissenschaft*. Tübingen, 2007. S. 288-297.
12. Wimmer, R. Sprachkritik und Sprachkultur. In *Hans-Jürgen Heringer (Hrsg.): Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache*. Tübingen, 1994. S. 253-264.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. *Das Forschungszentrum Österreichisches Deutsch*. Available at: <https://oewort.at/wort-des-jahres/2016/>. (accessed: 24.10.2020).
2. *Der Spiegel: Online-Nachrichten*. Available at: <https://www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/unwort-des-jahres-2016-volksverraeter-a-1129297.html>. (accessed: 23.10.2020).
3. *Der Standard*. Available at: <https://www.derstandard.at/story/1395363004736/deutsch-moelzer-soll-kandidatur-zurueckziehen>. (accessed: 24.10.2020).

4. *Die Zeit Online: Aktuelle Nachrichten, Kommentare, Analysen und Hintergrundberichte aus Politik, Wirtschaft, Gesellschaft, Wissen, Kultur und Sport.* Available at: <https://www.zeit.de/2017/47/pegida-gruender-lutz-bachmann-kathrin-oertel>. (accessed: 24.10.2020).

5. *Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache: der deutsche Wortschatz von 1600 bis heute.* Available at: <http://www.dwds.de>. (accessed: 23.10.2020).

6. *Duden. Online-Wörterbuch.* Available at: <http://duden.de>. (accessed: 23.10.2020).

7. *Offizielle Seite der Aktion «Unwort des Jahres».* Available at: <http://www.unwortdesjahres.net>. (accessed: 18.10.2019).

8. *Tagesspiegel: Kommentare, Hintergründe und Interviews aus Politik, Wirtschaft und Kultur.* Available at: <https://www.tagesspiegel.de/themen/reportage/strache-comeback-nach-ibiza-affaere-oesterreichs-ex-vize-kanzler-ist-wieder-da-fast/26249998.html>. (accessed: 23.10.2020).

9. *Telepolis: Onlinemagazin für Politik & Medien im digitalen Zeitalter.* Available at: <https://www.heise.de/tp/features/Klima-Hysterie-4480583.html>. (accessed: 23.10.2020).

10. *The New York Times.* Available at: <https://www.nytimes.com/2019/04/12/world/europe/finland-populism-immigration-climate-change.html>. (accessed: 23.10.2020).

11. *Welt: Nachrichten, Hintergründe, News & Videos.* Available at: <https://www.welt.de/newsticker/news1/article205002426/Sprache-Klimahysterie-ist-Unwort-des-Jahres-2019.html>. (accessed: 23.10.2020).

Нефедова Любовь Аркадьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой немецкого языка (e-mail: nefedovalub@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет» 119435, Москва, Малая Пироговская, 1/1

Nefedova Lubov A. – Doctor of Philology, Professor, Head of German Language Department (e-mail: nefedovalub@mail.ru), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Moscow State Pedagogical University» 1/1 M. Pirogovskaya Str., Moscow, 119435

Кустова Анастасия Михайловна – магистрант кафедры немецкого языка (e-mail: kustova.anastasia97@mail.ru), Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский педагогический государственный университет» 119435, Москва, Малая Пироговская, 1/1

Kustova Anastasia M. – Undergraduate Student of German Language Department (e-mail: kustova.anastasia97@mail.ru), Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education «Moscow State Pedagogical University» 1/1 M. Pirogovskaya Str., Moscow, 119435

Поступила в редакцию 12 ноября 2020 г.

ЖЕНСКИЕ ИМЕНА СО ЗНАЧЕНИЕМ 'КРАСОТА' В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ОНОМАСТИЧЕСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

В данной статье рассматриваются женские личные имена со значением 'красота'. Установлен семантический объем понятия «красота»/«beauty», его ядерные и периферийные признаки. Выделяются дополнительные семантические признаки в значениях имен, ассоциирующихся с понятием «красота».

Ключевые слова: ономастическая картина мира, антропоним, личное имя, сема, этимология, классификация.

© 2021 I. V. Chechina

FEMALE PERSONAL NAMES WITH THE MEANING 'BEAUTY' IN ENGLISH ONOMASTIC WORLD PICTURE

The article deals with the study of female personal names with the meaning 'beauty'. The semantic volume of the notion «beauty», its nuclear and peripheral semantic characteristics are specified. Additional semantic characteristics in the names' meaning are identified.

Key words: onomastic world picture, anthroponym, personal name, seme, etymology, classification.

1. Вводные положения

Данная статья посвящена рассмотрению особенностей женских антропонимов со значением «красота» в англоязычной ономастической картине мира, то есть таких единиц как:

- *Violet* (от английского слова *violet* для обозначения сиреневого цветка, которое происходит от латинского *viola*. Имя широко использовалось в Шотландии с XVI в., и вошло в общее использование как английское личное имя в течение XIX в.) [Behind the Name];

- *Iris* ([ˈaɪrɪs] ж Айрис, традиц. Ирида /лат. < др.-греч. *Iris, Iridos*/. Ирида – в античной мифологии богиня радуги, вестница Юноны, покровительницы женщин и брака) [Рыбакин, 2000];

- *Silver* (от названия драгоценного металла (др.-англ. *siolfor*), иногда дается детям с очень светлыми серебристо-белыми волосами) [Hanks, Hodges, 2006].

Антропонимы являются важной частью лексической системы английского языка. Они аккумулируют и передают многовековой исторический опыт, ценности и традиции этнокультурного сообщества. Англоязычное антропонимическое пространство охватывает разнородный по составу лингвистический материал. В него включаются не только личные

имена, фамилии и прозвища, но также прецедентные имена и поэтонимы. Различные разряды имен собственных (далее – ИС) неоднократно были в центре внимания лингвистов. Однако в ономастической науке все еще существуют «белые» пятна, что подтверждает перспективность изучения ономастических единиц.

Исследования в русле ономастики, в частности антропонимики, носят систематический характер. Труды А. В. Суперанской [Суперанская, 2012] и Д. И. Ермоловича [Ермолович, 2001] создают теоретическую основу для проведения ономастических исследований. Большое значение для лингвистов имеют работы О. А. Леоновича [Леонович, 2002], О. В. Кисель [Кисель, 2009], которые содержат сведения о развитии и особенностях антропонимики и антропонимического пространства в целом. Исследования В. Э. Сталтмане [Сталтмане, 1991], М. С. Ковалевой [Ковалева, 2014], Р. Р. К. Хартманна и Дж. Джеймса [Hartmann, James, 1998] посвящены изучению ономастической лексикографии, в частности особенностям трактовки антропонимических единиц в словарях разных типов. Научные исследования последних лет характеризуются междисциплинарным подходом к изучению ономастического материала. Этот факт подтверждается расширяющимся интересом к проблемам антропонимики в области фразеологии [Бессонова, Резникова, 2018] и лингвокультурологии [Ермолович, 2001; Кропачева, 2015; Сысоева, 2016]. В наименьшей степени ономастические исследования представлены в гендерной лингвистике [Плотникова, 2013; Чечина, 2019].

Актуальность предлагаемого исследования обусловлена лингвокультурологическим подходом к изучению гендерных особенностей антропонимической лексики английского языка. **Цель данной статьи** заключается в установлении и описании структурных, семантических и этимологических особенностей английских женских личных имен со значением 'красота'. **Объектом** исследования данной работы выступают английские женские личные имена со значением 'красота'. **Предметом** исследования являются структурные, семантические и этимологические особенности английских женских личных имен со значением 'красота'.

2. Определение ключевых понятий исследования

Понятие картины мира было введено в философию на рубеже XIX-XX веков Л. Витгенштейном. Развитие языкознания в 60-х годах XX века побудило исследователей обратить внимание на проблему картины мира в лингвистике. Представленные в знаковой форме и зафиксированные в языке представления об окружающем мире и жизни человека формируют языковую картину мира (далее – ЯКМ). ЯКМ позволяет осуществлять связь языка с мышлением, культурными и этническими явлениями. Таким образом, язык

представляется системой миропонимания народа, таким целостным видением мира, который появился в результате духовной деятельности человека.

Согласно А. С. Щербак [Щербак, 2012], ономастическая картина мира (далее – ОКМ) представляет собой совокупность знаний человека о мире, которые вербализованы онимами. ОКМ является неотъемлемым элементом ЯКМ и отличается характером языковых ресурсов и концептуальным содержанием, которое передается этими ресурсами.

Являясь неотъемлемой частью истории этноса, отражая культуру, быт, обычаи, исторические условия, личные именованья людей (имена, фамилии и прозвища) составляют важную часть при изучении английской ОКМ. Имена собственные, в частности антропонимы, служат отражением явлений ОКМ и аккумулируют информацию о формировании, осмыслении и отражении в культурной памяти человека или коллектива значений лексем и их особого онимного статуса. Согласно Д. И. Ермоловичу [Ермолович, 2001], антропоним – это собственное имя (или набор ИС), официально присвоенное отдельному человеку как его опознавательный знак. Под личным именем, вслед за Н. В. Подольской [Подольская, 1988], мы понимаем вид индивидуального антропонима; официальное имя, данное человеку при рождении, или (редко) выбранное для себя взрослым человеком. Личные имена выступают носителями информации, используемой при выявлении особых черт языкового и культурного пространства англичан. Результаты исследований имен свидетельствуют о том, что каждая историческая эпоха накладывает отпечаток на особенности жизни, профессиональные сферы людей, их мировосприятие и национальные ценности.

Материал нашего исследования ограничивается английскими женскими личными именами, что предполагает дифференциацию лексических единиц по гендерному признаку. Отметим, что лингвистические определения термина *гендер* исключают природный биологический детерминизм. Вслед за О. Л. Бессоновой [Бессонова, 2020], гендер рассматривается как параметр человеческой личности, который включает в себя пол как часть биологической природы, а также как мыслительное понятие, обусловленное культурными особенностями.

Семантика антропонимических единиц осложнена наличием ассоциативных компонентов, которые помогают раскрыть значение антропонимов. Интегральной семой в анализируемых женских личных именах является «красота», роль которой раскрывается при осмыслении словарных дефиниций и значений антропонимов.

3. Результаты исследования

3.1. Семантический объем понятия «красота» / «beauty». Интерес к описанию красоты зародился в античности, когда философами были предприняты первые попытки осмысления прекрасного. Тогда термины «прекрасное» и «красота» не разграничивались и использовались как синонимы. Несмотря на это, понятие красоты чаще использовалось для обозначения совершенства мира и его составляющих, в то время как «прекрасное» являлось общей оценочной категорией. В разные времена осуществлялись попытки выделить и описать каноны красоты. Среди основных положений наиболее часто встречались такие характеристики, как гармония, совершенство, мера / соразмерность, порядок, симметрия, пропорция, число, ритм, а также блеск, сияние, свет, цвет, музыкальное созвучие [Лексикон].

Количество и качество референций не поддается единому описанию, что подтверждается сложностью формулировки единого определения, соответствующего принципам как естественных, точных, так и гуманитарных наук. Для установления семантического объема понятия красоты в английском языке были привлечены такие авторитетные словари, как The Shorter Oxford English Dictionary [SOED, 2007], Oxford Advanced Learner's Dictionary [OALD, 2010] и Longman Dictionary of Contemporary English [LDCE, 2012]. Наибольшее количество значений понятия «beauty» представлено в SOED [SOED, 2007] – 5 значений:

1) that quality or combination of qualities which delights the senses or mental faculties; esp. that combination of shape, colour, and proportion which is pleasing to the eye (такое качество или сочетание качеств, которые доставляют удовольствие органам чувств или ментальным способностям; в особенности такое сочетание формы, цвета и пропорций, которые приятны глазу);

2) a beautiful feature, a charm, an embellishment; a particular point giving pleasure or satisfaction (красивая черта, шарм, украшение; особенный момент, который доставляет удовольствие или удовлетворение);

3) a beautiful person, esp. a beautiful woman (красивый человек, в особенности красивая женщина);

4) a beautiful thing; a particularly good specimen of something (красивая вещь; особенно хороший образец чего-либо);

5) *Particle Physics*. A quark flavour associated with a charge of $-1/3$. Also called *bottom*. (Symbol *b*.) (*Физика элементарных частиц*. Аромат кварка, который ассоциируется с зарядом в $1/3$).

В OALD [OALD, 2010] зафиксировано 4 значения понятия «*beauty*»:

- 1) the quality of giving pleasure to the senses or to the mind (качество представления удовольствия органам чувств или мышления);
- 2) a person or thing that is beautiful (человек или вещь, которые красивы);
- 3) an excellent example of its type (прекрасный пример в своем роде);
- 4) an attractive feature (красивая черта).

Составители LDCE [LDCE, 2012] фиксируют также 4 значения понятия «*beauty*»:

- 1) a quality that people, places, or things have that makes them very attractive to look at her beauty and grace an area of outstanding (качество, которым обладают люди, места или вещи и которое делает их привлекательными, посмотрев на их красоту или грацию в области превосходства);
- 2) a woman who is very beautiful (очень красивая женщина);
- 3) a quality that something such as a poem, song, emotion etc. has that gives you pleasure or joy (качество, которое есть у чего-либо, например, у стихотворения, песни, эмоции и т. д., которое доставляет удовольствие или радость);
- 4) *spoken* a very good, large etc. example of something (*разг.* очень хороший крупный пример чего-либо).

Анализ семантического объема понятия «*beauty*» позволяет сделать вывод о том, что ядерными узуральными значениями понятия «*beauty*» являются «*smth that gives pleasure*», «*attractive feature*», «*good thing, excellent example / specimen*», «*beautiful person*». В толковых словарях также зафиксированы дополнительные (периферийные) значения: «*quality (combination of qualities) which delights the senses or mental faculties*», «*charm, embellishment*», «*A quark flavour associated with a charge of $- 1/3$* », «*a quality that people, places, or things have that makes them very attractive to look at her beauty and grace an area of outstanding*», «*a woman who is very beautiful*» и «*a quality that sth such as a poem, song, emotion etc. has that gives you pleasure or joy*».

3.2. Характеристика материала исследования. Исследование семантики английских личных имен позволило установить, что значение 'красота' фиксируется только в женских антропонимах. Мужские имена в основном ассоциируются с силой, мужеством и стойкостью их носителей.

Материалом исследования послужили 878 полных женских личных имен, отобранных из авторитетных словарей английских личных имен: «*A Dictionary of First Names*» [Hanks, Hodges, 2006] и «*Словаря английских личных имен*» [Рыбакин, 2000]. Были исследованы полные формы имен, ввиду их объективно выраженного

представления. Семантика гипокористических имен и сокращенных форм усложнена наличием ласкательного компонента или значение раскрывается в недостаточной мере.

Анализ корпуса исследования показал, что достаточно большое количество женских личных имен выражают красоту. Значение 'красота' зафиксировано в семантике 151 женского антропонима, что составляет 17,2% от общего количества женских имен.

Отметим, что абсолютное большинство анализируемых женских имен (89%) являются односоставными антропонимами (134 ИС), в то время как двусоставные женские имена насчитывают всего 17 единиц (11%). Например, женскими личными именами группы односоставных единиц являются *Bonita* (от лат. *bonus* 'хороший'), *Daisy* (от др.-англ. *dægeseage* 'дневной глаз (маргаритка)'), *Opal* (от санскр. *upala* 'драгоценность'). К двусоставным именам принадлежат *Marigold* (от египетск. *mry* 'любимый' и англ. *gold* 'золото'), *Isidora* (от египетск. *ist* 'трон' и др.-гр. *doron* 'дар').

Мотивированность семантики антропонимов основывается на сочетании прямых и переносных значений компонентов. Семантика одноосновных имен мотивирована метафорическим значением апеллятива. Семантика двухосновных имен мотивируется значением одного или нескольких компонентов.

3.3. Особенности семантики женских личных имен с семой 'красота'. Значение ИС включает как узуальные, так и дополнительные признаки единицы. Согласно мнению И. А. Стернина [Стернин, 1985], в словарных дефинициях представлены только денотативные семы, которые отражают действительность и релевантное отношение имядателя к именуемому. Некоторые семантические признаки не фиксируются в словарях, однако передают дополнительные оттенки значения через периферийные компоненты, семантические ассоциации, что позволяет говорить о психолингвистическом значении единицы (термин И. А. Стернина [Стернин, 1985]). Это такое сочетание семантических компонентов, при котором семантический объем понятия реализуется в единстве всех семантических признаков – как узуальных, так и закрепленных в сознании носителей. Психолингвистическое значение слова является интерпретацией анализируемого материала, которая отражает закрепленные в языковом сознании представления [Стернин, 1985].

Женские личные имена со значением 'красота', с одной стороны, реализуют узуальные семы 'качество человека / вещи, которое доставляет удовольствие', 'красивая черта', 'красивая вещь, прекрасный пример'. С другой стороны, данные имена содержат дополнительные дифференциальные семы 'цветение', 'чувства', 'драгоценность',

‘поведение’, ‘отношение’ и ‘способности к музыке’ (см. табл. 1), зафиксированные в ходе анализа исследуемого корпуса.

Таблица 1. Семантические характеристики женских личных имен со значением ‘красота’ в английском языке

Дифференциальные семы	Семантические признаки	Кол-во	%	Примеры
1. Цветение	Цветок	53	35,1	<i>Fleur</i> (фр. <i>Fleur</i> ‘цветок’), <i>Rosalie</i> (лат. <i>Rose</i> ‘роза’), <i>Violet</i> (лат. <i>Viola</i> ‘фиалка’), <i>Jasmine</i> (персидс. <i>Yasamin</i> ‘жасмин’), <i>Cherry</i> (лат. <i>Cherry</i> ‘вишня’)
	Расцвет природы			
	Роза			
	Фиалка			
	Жасмин			
	Фрукт, плод			
2. Чувства	Радость	37	24,5	<i>Sharman</i> (санскр. <i>Sharman</i> ‘радость’), <i>Desiree</i> (лат. <i>Desideratum</i> ‘желанный’)
	Желание			
3. Драгоценность	Драгоценность	26	17,2	<i>Topaz</i> (др.-гр. <i>Topazos</i> ‘топаз’), <i>Jewel</i> (ст.-фр. <i>Joule</i> ‘драгоценность’), <i>Silver</i> (др.-англ. <i>seolfor</i> ‘серебро’)
	Драгоценный камень			
	Драгоценный материал			
4. Поведение	Грация	19	12,6	<i>Grace</i> (лат. <i>Gratia</i> ‘грация’), <i>Malvina</i> (гэльск. <i>Smooth brow</i> ‘гладкая бровь (изящность)’)
	Изящество			
5. Отношение	Помощь, благосклонность	12	7,9	<i>Sherry</i> (фр. <i>Chérie</i> ‘дорогой (человек)’), <i>Eulalia</i> (др.-гр. <i>Eulalos</i> ‘сладкоговорящий’), <i>Star</i> (др.-англ. <i>steorra</i> ‘звезда’)
	Восхищение			
6. Способности к музыке		4	2,7	<i>Melody</i> (др.-гр. <i>Melos</i> и <i>aiedo</i> ‘петь песню’), <i>Lark</i> (англ. <i>lark</i> ‘жаворонок’)
Всего		151	100	

Анализ женских личных имен со значением ‘красота’ показал, что наиболее частотными являются женские имена с дифференциальной семой ‘цветение’ (53 ИС; 35,1%). Данная дифференциальная сема реализуется с помощью таких периферийных семантических признаков, как:

- 1) ‘цветок’, e.g. *Fleur* (от фр. *fleur* ‘цветок’), *Jasmine* (от персидс. *yasamin* ‘жасмин’);
- 2) ‘расцвет природы’, e.g. *Blossom* (от др.-англ. *blóstm* ‘цвести’), *Thalia* (от др.-гр. *thallo* ‘цвести’);
- 3) ‘роза’, e.g. *Rosalie* (от лат. *rose* ‘роза’), *Rosamund* (от лат. *rosa munda* ‘чистая роза’);
- 4) ‘фиалка’, e.g. *Violet* (от лат. *viola* ‘фиалка’), *Iole* (от др.-гр. *violeta* ‘фиалка’);
- 5) ‘фрукты, плоды’, e.g. *Cherry* (от лат. *cherry* ‘вишня’), *Prunella* (от лат. *prunum* ‘слива’).

В женских личных именах со значением 'красота' часто наблюдается дифференциальная сема 'чувства' (37 ИС; 24,5%), которая реализуется посредством следующих периферийных семантических признаков:

- 1) 'радость', e.g. *Sharman* (от санскр. *sharman* 'радость'), *Eudora* (от др.-греч. *eudoron* 'хороший дар');
- 2) 'желание', e.g. *Desiree* (от лат. *desideratum* 'желанный'), *Miranda* (от лат. *mirandus* 'очаровательный');

Исследование также показало, что 26 женских антропонимов со значением 'красота' (17,2%) содержат частотную дифференциальную сему 'драгоценность', которая реализуется через периферийные семантические признаки:

- 1) 'драгоценность', e.g. *Lucretia* (от лат. *lucrum* 'прибыль'), *Jewel* (от ст.-фр. *joule* 'драгоценность');
- 2) 'камни', e.g. *Topaz* (от др.-гр. *topazos* 'топаз'), *Opal* (от санскр. *upala* 'драгоценность');
- 3) 'драгоценный материал', e.g. *Silver* (от др.-англ. *seolfor* 'серебро'), *Coralie* (от др.-гр. *korallion* 'коралл');

В семантике женских личных имен со значением 'красота' зафиксирована редкая дифференциальная сема 'поведение' (19 ИС; 12,6%), которая объективируется с помощью периферийных семантических признаков:

- 1) 'грация', e.g. *Grace* (от лат. *gratia* 'грация');
- 2) 'изящество', e.g. *Malvina* (от гэльск. *smooth brow* 'гладкая бровь (изящность)');
- 3) 'звезда', e.g. *Star* (от др.-англ. *steorra* 'звезда');

Некоторое количество женских имен со значением 'красота' включает дифференциальную сему 'отношение' (12 ИС; 7,9%), которая актуализируется с помощью таких периферийных семантических признаков, как:

- 1) 'помощь, благосклонность', e.g. *Star* (от др.-англ. *steorra* 'звезда');
- 2) 'восхищение', e.g. *Sherry* (от фр. *chérie* 'дорогой (человек)').

Наименьшее количество женских имен со значением 'красота' (4 ИС; 2,7%) содержит дифференциальную сему 'способности к музыке', зафиксированную в следующих именах: *Lark* (от англ. *lark* 'жаворонок'), *Melody* (от др.-гр. *melos* + *aeido* 'петь песню');

Анализ английских женских личных имен со значением 'красота' показал, что в англоязычной ОКМ мотивационной основой семантики понятия красоты является ассоциация между женщиной и цветком (роза, фиалка), птицами (жаворонок), чувствами (радость, желание), драгоценными материалами и изделиями. Представители

англоговорящего сообщества восхищаются женщиной, ее грациозностью и изяществом, приписывают ей талант и музыкальные способности. Узуальные толкования понятия «beauty» являются объективно выраженными характеристиками, присущими общенациональной ОКМ. В антропонимах англоязычной ОКМ фиксируются также психолингвистические значения, которые обусловлены национально-культурными особенностями и менталитетом нации, прежде всего, это представления о женщине как красивом, талантливом, нежном и грациозном человеке. Таким образом, женские имена со значением ‘красота’ показывают основные черты, присущие английской женщине по имени *Grace*, или *Rosamund*, или *Melody* и др., – это нежность, утонченность, грация, женщина ассоциируется с драгоценностью, цветами и птицами.

3.4. Особенности происхождения женских личных имен со значением ‘красота’.

С точки зрения этимологии достаточно большое количество женских личных имен со значением ‘красота’ являются антропонимами латинского (45 ИС; 30%) и древнегреческого (39 ИС; 26%) происхождения, например: *Florence* (< лат. *florens* ‘цветущий’), *Grace* (< лат. *gratia* ‘грация’), *Emerald* (< др.-гр. *smaragdos* ‘изумруд’), *Coralie* (< др.-гр. *korallion* ‘коралл’).

Периферийные разряды составляют женские имена германского происхождения (29 ИС; 19%): *Avila* (< нем. *avi* ‘желанный’), *Star* (< др.-англ. *steorra* ‘звезда’), *Silver* (< др.-англ. *seolfor* ‘серебро’).

Наименьшее количество женских личных имен со значением ‘красота’ восходят к древнееврейскому и французскому (по 4%), гэльскому и бретонскому (по 3%), датскому (1%) языкам, например: *Marianne* (< др.-евр. *maria* ‘горесть’ + *chanan* ‘благодать’), *Jewel* (< ст.-фр. *joule* ‘драгоценность’), *Malvina* (< гэльск. *smooth brow* ‘гладкая бровь’), *Alanna* (< бретон. *Alans* ‘красивый’), *Daffodil* (< датск. *deaffodil* ‘нарцисс’). Единичными примерами также представлены женские личные имена, которые произошли из санскрита (3%), персидского (3%) и арабского (1%) языков. Так, например: *Jasmine* (< перс. *yasamin* ‘жасмин’), *Zara* (< арабск. *zahrah* ‘цветущий цветок’), *Sharman* (< санскр. *sharman* ‘отрада’).

Результаты анализа происхождения отобранных английских женских имен со значением ‘красота’ свидетельствует о том, что исконные англосаксонские имена постепенно вытеснялись из использования вследствие расширения нормандского, французского влияния на Британских островах. Некоторые из них смогли сохранить свою значимость, претерпев изменения в структуре. Понятие «красота» также реализуется в тех женских именах, происхождение которых связано с историческими походами, кругосветными путешествиями, интересом к культуре других стран и народностей, ввиду

чего в английском именнике присутствуют антропонимы, восходящие к древнееврейскому, французскому языку и языкам стран Азии.

4. Выводы

Антропонимы формируют значительный коммуникативный пласт и являются важной частью ОКМ. Имена собственные служат основным средством сохранения особенностей мировосприятия и культурно-исторической жизни народа. Семантика антропонимов осложнена социокультурным фоном, что позволяет более детально раскрыть специфические черты англоязычной ОКМ.

1. Понятие «красота» является одной из лингвокультурных универсалий, которые фиксируются в семантике женских личных имен. Собственные имена аккумулируют и выражают представления людей, особенности их мировосприятия.

2. Анализ словарных толкований английского понятия «beauty» свидетельствует о том, что представления о красоте неразрывно связаны с описанием качеств и характеристик, которые приносят удовольствие, красивых внешних черт человека или вещи. Узуальными ядерными признаками понятия «beauty», актуализирующими общепринятые стереотипные представления и суждения англоязычного лингвокультурного сообщества о красоте, являются: «качество человека / вещи, которое доставляет удовольствие», «красивая черта», «красивая вещь, прекрасный пример» и «красивый человек». Зафиксированные признаки обуславливают широкий спектр значений исследуемого понятия, большинство из которых относятся к описанию внешности человека, его внутренних качеств, а также описанию вещи.

3. Исследование показало, что значение 'красота' фиксируется только в женских именах. Большинство представленных женских антропонимов являются односоставными. Аппеллятив в их структуре содержит семантический признак, указывающий на значение 'красота'. В двусоставных женских именах понятие красоты реализуется в одной из аппеллятивных основ, однако, чаще всего, семантика определяется совокупностью значений компонентов.

4. Семантический анализ женских личных имен указывает на то, что в англоязычной ОКМ реализуются такие признаки понятия «красота», как 'цветение', 'чувства', 'драгоценность', 'поведение', 'отношение' и 'способности к музыке'. Актуализаторами красоты выступают семантические признаки, которые позволяют расширить семантический объем понятия красоты за счет ассоциаций, которые служат мотивационной основой личных имен. Анализ эмпирического материала, в частности антропонимических единиц, позволяет говорить о расширении в ОКМ семантического

объема понятия «красота» за счет дополнительных семантических признаков, которые фиксируются в семантике антропооснов.

5. Анализ происхождения женских личных имен со значением 'красота' показал, что имена происходят из самых разных языков. Основными источниками апеллятивов исследуемых имен выступают латинский, греческий и германские языки. Наименьшее количество имен в анализируемом корпусе восходит к древнееврейскому, гэльскому, бретонскому, персидскому языкам и санскриту.

Методика, использованная для анализа данной группы имен, может быть применена к исследованию семантических особенностей женских и мужских имен других групп как в английском антропонимиконе, так и в других языках, а также в сопоставительном аспекте. Перспективным в нашей работе представляется исследование групп женских имен со значениями 'величие', 'чистота', 'сила', 'любовь', 'божественность'.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бессонова О. Л. Отражение представлений о социальных ролях в картине мира носителей неблизкородственных языков // Педагогика: история, перспективы. 2020. Т. 3. № 4. С. 71-83.
2. Бессонова О. Л., Резникова А. Р. Отражение культурных кодов во фразеологических единицах с именем собственным в английском, французском и русском языках // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. 2018. Т. 14. Вып. 4 (42). С. 85-94.
3. Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. Москва: Р. Валент, 2001. 200 с.
4. Кисель О. В. Коннотативные аспекты семантики личных имен: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Челябинск, 2009. 12 с.
5. Ковалева М. С. Отражение семантики имен собственных в английских антропонимических словарях // Альманах современной науки и образования. 2014. № 1 (80). С. 56-59.
6. Кропачева К. И. Антропонимы в языковой картине мира (на материале английского языка) // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии. 2015. № 9 (52). С. 19-27.
7. Лексикон нонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века / под ред. В. В. Бычкова. Москва: РОССПЭН, 2003. 607 с. [Лексикон].
8. Леонович О. А. В мире английских имен. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Астрель, 2002. 160 с.
9. Плотникова Л. И. Имя личное: гендерный подход (на материале русского и китайского языков) // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке. 2013. № 4-1. С. 220-233.
10. Сталтмане В. Э. Ономастическая лексикография. Москва: Наука, 1991. 116 с.
11. Стернин И. А. Ядро и периферия в лексическом значении слова // Семантические категории языка и методы их изучения. Уфа, 1985. Ч. 2. С. 81-83.
12. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. Москва: Либроком, 2012. 368 с.
13. Сысоева Е. С. Оценочные антропонимы в английском языке и культуре. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2016. 206 с.

14. Чечина И. В. Английские литературные антропонимы: гендерный аспект // Лингвистика XXI века: Традиции и инновации: сборник научных статей к 30-летию Санкт-Петербургского Института иностранных языков. 2019. С. 155-161.

15. Щербак А. С. Картина мира – языковая картина мира – региональная ономастическая картина // Когнитивные основы региональной ономастики. Тамбов, 2012. С. 67-71.

16. Hartmann R. R. K., James G. Dictionary of lexicography. London, N.Y.: Routledge, 1998. 176 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб и доп. Москва: Наука, 1988. 192 с.

2. Рыбакин А. И. Словарь английских личных имен. 3-е изд., испр. Москва: Астрель, АСТ, 2000. 224 с.

3. Behind the Name: the etymology and history of first names / M. Campbell, T. Campbell. Available at: <http://www.behindthename.com> (accessed: 29.01.2021).

4. Hanks P., Hodges F. A Dictionary of First Names. Oxford, N. Y.: OUP, 2006. 443 p.

5. Longman Dictionary of Contemporary English. 6th ed. Harlow (Essex): Pearson Education Limited, 2012. 2081 p. [LDCE].

6. Oxford Advanced Learner's Dictionary / ed. by A. S. Hornby. 8th ed. Oxford: OUP, 2010. 1952 p. [OALD].

7. Shorter Oxford English Dictionary / ed. By A. Stevenson. 6th ed. Oxford: OUP, 2007. 3472 p. [SOED].

REFERENCES

1. Byessonova, O. L. (2020). Otrazhenie predstavleniy o sotsialnykh rolyakh v kartine mira nositeley neblizkorodstvennykh yazykov [Social Roles as Viewed by Speakers of Non-Cognate Languages]. In *Pedagogika: istoriya, pespektivy*. T. 3. No. 4. Pp. 71-83. (In Russ.).

2. Bessonova, O. L., Reznikova, A. R. (2018). Otrazhenie kulturnykh kodov vo frazeologicheskikh edinitsakh s imenem sobstvennym v angliyskom, frantsuzskom i russkom yazykakh [Reflection of cultural codes in phraseological units with proper names in English, French, and Russian]. In *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica*. T. 14. Vyp. 4 (42). Pp. 85-94. (In Russ.).

3. Ermolovich, D. I. (2001). *Imena sobstvennye na styke yazykov i kultur* [Proper names across languages and cultures]. Moskva: R. Valent. (In Russ.).

4. Kisel, O. V. (2009). *Konnotativnye aspekty semantiki lichnykh imen* [Connotative aspects of proper names' semantics]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.19. Chelyabinsk. (In Russ.).

5. Kovaleva, M. S. (2014). Otrazhenie semantiki imen sobstvennykh v angliyskikh antroponimicheskikh slovaryakh [Reflection of personal names semantics in anthroponymic dictionaries]. In *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya*. No. 1 (80). Pp. 56-59. (In Russ.).

6. Kropacheva, K. I. (2015). Antroponimy v yazykovoy kartine mira (na materiale angliyskogo yazyka) [Anthroponyms in language world picture (based on the English language)]. In *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kulturologii*. No. 9 (52). Pp. 19-27. (In Russ.).

7. *Leksikon nonklassiki. Khudozhestvenno-esteticheskaya kultura XX veka* [Lexicon of non-classics. Artistic-aesthetic culture of XX century]. Moskva: ROSSPEN, 2003. (In Russ.).

8. Leonovich, O. A. (2002). *V mire angliyskikh imen* [In the world of English names]. 2-e izd., ispr. idop. Moskva: Astrel. (In Russ.).

9. Plotnikova, L. I. (2013). Imya lichnoe: gendernyy podkhod [Personal name: gender aspect (based on Russian and Chinese)]. In *Problema sootnosheniya estessvennogo i socialnogo v obshchestve i cheloveke*. No. 4-1. Pp. 220-233. (In Russ.).
10. Staltmane, V. Ye. (1991). *Onomasticheskaya leksikografiya* [Onomastic lexicography]. Moskva. (In Russ.).
11. Sternin, A. I. (1985). Yadro i peripheriya v leksicheskom znachenii slova [Nuclear and periphery in lexical meaning of the word]. In *Semanticheskiye kategorii yazyka i metody ikh izucheniya*. Ufa. Ch. 2. Pp. 81-83.
12. Superanskaya, A. V. (2012). *Obshhaya teoriya imeni sobstvennogo* [General theory of the proper name]. Moskva. (In Russ.).
13. Sysoieva, Ye. S. (2016). *Otsenochnye antroponimy v angliyskom yazyke i kulture* [Evaluative anthroponyms in the English language and culture]. Rostov-on-Don: Publ. house SFU. (In Russ.).
14. Chechina, I. V. (2019). Angliyskie literaturnye antroponimy: gendernyy aspect [English literary anthroponyms: gender aspect]. In *Lingvistika XXI veka: Traditsii i innovatsii: sbornik nauchnykh statei k 30-letnemu yubileyu Sankt-Peterburgskogo Instituta inostrannykh yazykov*. Pp. 155-161. (In Russ.).
15. Shcherbak, A. S. (2012). Kartina mira – yazykovaja kartina mira – regional'naja onomasticheskaya kartina [World picture – language world picture – regional onomastic picture]. In *Cognitivnye osnovy regionalnoy onomastiki*. Pp. 67-71. (In Russ.).
16. Hartmann, R. R. K., James, G. (1998). *Dictionary of lexicography*. London, N.Y.: Routledge.

LEXICOGRAPHIC REFERENCES

1. Podolskaya, N. V. (1988). *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of the Russian onomastic terminology]. 2-e izd., pererab i dop. Moskva: Nauka. (In Russ.).
2. Rybakin, A. I. (2000). *Slovar angliyskikh lichnykh imen* [The dictionary of English personal names]. 3-e izd., ispr. Moskva: Astrel, AST. (In Russ.).
3. *Behind the Name: the etymology and history of first names* / M. Campbell, T. Campbell. Available at: <http://www.behindthename.com>. (accessed: 29.01.2021).
4. Hanks, P., Hodges, F. (2006). *A Dictionary of First Names*. Oxford, N. Y.: OUP.
5. *Longman Dictionary of Contemporary English*. 6th ed. Harlow (Essex): Pearson Education Limited, 2012.
6. *Oxford Advanced Learner's Dictionary* / Ed. by A. S. Hornby. 8th ed. Oxford: OUP, 2010.
7. *Shorter Oxford English Dictionary* / Ed. By A. Stevenson. 6th ed. Oxford: OUP, 2007.

Чечина Ирина Васильевна – аспирант
кафедры английской филологии
(e-mail: i.chechina@donnu.ru),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Chechina Irina V. – Post-Graduate Student
of English Philology Department
(e-mail: i.chechina@donnu.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya str., Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 31 января 2021 г.

ТИПОЛОГИЧЕСКИЕ И СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 811.111: 811.521

© 2021 T. A. Basova

VARIABILITY OF JAPANESE AND ENGLISH PHRASEOLOGICAL UNITS WITH A SOMATIC COMPONENT

The article presents a comparative analysis of the types of phraseological variability found in the phraseological fund of English and Japanese based on the study of units with a somatic component. The paper discusses a variety of Russian, European and Japanese linguists' approaches to stability, variability and flexibility of phraseological units that served as a scientific basis for this research. In the article the main types of phraseological variability are listed. Special attention is drawn to such lexicalized variants of phraseological units as compound words and phraseological abbreviation. As a result we find out which types of variability work in both languages and which ones can be found only in one of them.

Key words: *phraseological units, variability, stability, flexibility, comparative analysis, phraseological abbreviation.*

© 2021 Т. А. Басова

ВАРИАТИВНОСТЬ АНГЛИЙСКИХ И ЯПОНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С СОМАТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ

Статья посвящена видам вариативности фразеологических единиц, присущих английскому и японскому языкам, на примере фразеологизмов с соматическим компонентом. В статье приводятся взгляды российских, европейских и японских лингвистов на проблему устойчивости, вариативности и гибкости фразеологических единиц, которые послужили научной базой для исследования. В статье перечисляются основные виды вариантов, а также особое внимание уделяется лексикализированным вариантам фразеологизмов: составным словам и фразеологической аббревиации. В процессе сопоставительного анализа выясняется, какие из видов вариативности присущи обоим языкам, а какие характерны только для одного из них.

Ключевые слова: *фразеологические единицы, вариативность, устойчивость, гибкость, сопоставительный анализ, фразеологическая аббревиация.*

1. Introduction

The issue of stability vs. variation of phraseological units (PUs) has been the focus of attention of linguists for many decades due to the fact that this is one of the most basic dialectical features of PUs. According to A. V. Kunin, phraseological stability is the main criterion of categorizing phraseological units as language units and not mere figures of speech [Кунин, 1996]. Many linguists have described phraseological units as units having inherent lexical and grammatical stability, or fixedness, meaning that their lexical components cannot be substituted with random ones – they are either completely irreplaceable or partially replaceable within certain boundaries set by phraseological variability. The same can be applied to their

grammatical characteristics. Stability affects not only the structure of a PU, but is inherent in phraseological meaning as well. T. N. Fedulenkova states that semantic stability is connected with full or partial semantic transformation of the initial meaning of the free word combination that served as the basis of a PU; semantic stability can be identified by comparing the metaphorical meaning with the literal meaning of a PU's components [Федуленкова, 2012: 23]. A. V. Kunin labels five aspects of invariability or micro-stability of PUs: stability of use, structural-semantic stability, semantic stability, lexical stability and syntactic stability [Кунин, 1972: 6-8]. However, these aspects do not entail that PUs are totally invariable or set in stone, for they exist within living and everchanging language: «it has been observed that one of the most productive ways to updating the phraseological fund of the language is development of variability in phraseological units (PUs)» [Fedulenkova, 2018: 56], which makes variant a tool of language development and phraseological diversification. The principle of variability of PUs does not imply drastic changes to the structure of a PU, allowing only slight lexical, grammatical, qualitative and other types of change that do not break the original identity of a phraseological unit. Changes outside of variation boundaries may lead either to the destruction of a PU's integrity or, as A. Naciscione argues, open endless opportunities for instantial use of phraseological units, by which she understands «a particular instance of a unique stylistic application of a phraseological unit in discourse resulting in significant changes in its form and meaning determined by the thought and the context» [Naciscione, 2010: 8-9]. She proves that even stylistically transformed, phraseological units still retain a certain level of stability. Her innovative approach opposes the prevailing ideas of «fixedness», «frozenness» or «dead metaphors» in phraseology; flexibility of PUs in discourse is described as a completely normal phenomenon that does not contradict their stability, but rather complements it, adding a new and rich facet to phraseological units per se. Regarding «classical» phraseological variation, not altered by stylistic patterns, A. V. Kunin introduced five types of structural phraseological variants in English:

1. Lexical variants.
2. Morphological variants.
3. Syntactic variants.
4. Positional variants.
5. Quantitative variants.

Comparing Swedish, German and English phraseology, T. N. Fedulenkova suggests the following types of variants [Федуленкова, 2012: 50-57]:

1. Lexical variants.
2. Grammatical variants that encompass morphology, syntax and a mixture of both.

3. Quantitative variants.

4. Complex variants (the cases when a few types of variation are possible at the same time).

The Japanese approach to the fixed form of PUs mostly falls into the same paradigm. Japanese linguists, when describing phraseological stability, traditionally prefer the term «frozenness» (固定性 – *koteisei*, or ‘fixed character’). Following Y. Miyaji’s ideas, P. Ishida describes idioms having three types of frozenness: formal frozenness (integrity of internal structure and constituents), syntactic frozenness (resistance to grammatical operations) and semantic frozenness (the meaning of a PU is not the sum of the meanings of its elements), the degree of which can be measured objectively with the help of syntactic operations «to classify idioms into a number of categories ranging from ‘prototypical’ to ‘borderline’» [Ishida, 2004].

A number of linguists, such as T. Kunihiro (1985), Sh. Muraki (1991) and M. Itō (1997), described phraseological units as units resistant to the replacement, addition, and deletion of lexical elements, while others pointed out certain types of variants (変異形 – *hen’ikei*).

Y. Miyaji (1982) and Y. Morita (1985, 1994) explore transitive and intransitive variants in their work (lexical-syntactic aspect), e.g., *hara wo tateru* (lit. to raise [one’s] belly) vs. *hara ga tatsu* (lit. belly rises) ‘to get angry’, as well as synonymous and antonymous variants (lexical-semantic aspect). Some of P. Ishida’s articles also explore synonymous and antonymous variants and the way they are reflected in dictionaries. The difference from A. V. Kunin’s approach here is that he never considered antonymous PUs to be “variants” of each other, e.g., *a heart of gold* – *a heart of stone*, and simply called them phraseological antonyms with a few common lexical constituents and common stylistic features [КуНИН, 1996: 156-157], since the drastic difference in meaning eliminates the possibility of them being used in the same context; they are not similar meaning-wise, while true phraseological variants have to be.

Y. Miyaji’s research also reveals that Japanese phraseological units can have lexicalized variants – compound words (複合語 – *fukugōgo*) with the same idiomatic meaning, e.g., *hara ga tatsu* (lit. belly rises) ‘to get angry’ → *haradatsu* (v.). A detailed analysis of Japanese compound verbs, including phraseological compounds, can be found in A. A. Pashkovski’s lexically-oriented work *Word in the Japanese Language* [Пашковский, 2006].

Having based her research on the studies by R. Moon (1998), G. Philip (2008) and M. Itō (1990), P. Ishida states that some idioms are frozen while others allow variation, making such units only relatively stable. She points out only two types of variation in Japanese: the structural type (構造的变化 – *kōzōteki henka*), into which she includes quantitative changes (truncations / expansions), changes in the internal structure and grammatical function of PUs, and the lexical type (語彙的变化 – *goiteki henka*), or lexical alteration of a constituent [Ishida, 1998]. S. Satō

and P. Ishida note that Japanese dictionaries present idioms as stable, fully fixed expressions and do not reflect possible variants well enough [Ishida, 2014; Satō, 2007]. P. Ishida suggests using language corpus data to extract more information about variants and thus improve their content.

Another debatable issue is which variant is the ‘canonical’ form of a PU and which is a deviation. P. Ishida states that this question is usually resolved «on the basis of frequency, derivational relationships, or provenance. However, in some cases multiple forms of an idiom are used frequently, and language users may judge multiple forms to be ‘standard’ in spite of differences in frequency» [Ishida, 2015: 83].

Interestingly, P. Ishida also mentions «ad hoc variants» found in Japanese corpora that are created «for the purpose of emphasis and / or stylistic effect» and are «low-frequency and context-bound» elements [Ishida, 2015: 85]. Such creative modifications are basically the phenomenon that A. Naciscione explores in her work under the term *instantiated stylistic use*. P. Ishida, however, prefers to limit the scope of her study to institutionalized variants in her article.

This work pursues the aim of comparing different variation types in English and Japanese and finding out which types can be applied to both languages and can be called universal and which are found only in one of the chosen languages due to its typological peculiarities such as specific morphological, syntactic and other structural properties. For that purpose a variety of Japanese and English phraseological units with a somatic component (身体語彙 – *shintai goi*) have been chosen. Phraseological compounds (e.g. *haradatsu*), however, will not be categorized as structural variants of PUs (e.g., *hara ga tatsu*) in the present article, like P. Ishida suggests [Ishida, 1998]. The term “phraseological lexicalizations” is preferred due to the fact that it is lexical units that work as variants of PUs, but not phraseological ones. Following A. V. Kunin and T. N. Fedulenkova’s ideas [Федуленкова, 2019], “antonymous variants” (e.g., *kuchi ga omoi* lit. heavy mouth ‘incommunicative’ – *kuchi ga karui* lit. light mouth ‘talkative’) will not be included into the lexical type of variability because of the lack of common semantics. Most Japanese idioms were extracted from S. A. Bykova’s *Russian-Japanese Phraseological Dictionary* [Быкова, 2007].

2. Variation types

There are two kinds of variation in English and Japanese that are explored in the article: phraseological variants of PUs (lexical, grammatical, quantitative and graphical) and lexicalized variants of PUs (phraseological compounds and phraseological abbreviations). Similarly to the aforementioned Japanese linguists, lexicalized variants are presented as proper variants of PUs, as they still retain the original metaphorical image and meaning and are built of the same constituents, albeit in a conjoint/abbreviated form. In many cases they are easily interchangeable with the initial phraseological units.

2.1. Lexical variants

This is probably the most common way of forming variants in both English and Japanese, reported by all linguists who addressed the issue of phraseological variability in these languages.

As the following examples prove, any constituent may be subject to alternation in PUs.

– Noun: *to cross somebody's hand / to cross somebody's palm, mimi ni hasamu / komimi ni hasamu* (lit. to put in one's ears / small-ears – 'to happen to hear').

– Verb: *give a hand / bear a hand, me ni tatsu / me ni tsuku / me ni tomaru* (lit. to stand before one's eyes / to be attached to one's eyes / to stop before one's eyes – 'to be conspicuous').

– Adjective: *to rule with a heavy hand / iron hand, ukanu kao / shizunda kao* (lit. drowned face – 'a sad look').

– Preposition: *to have a millstone about/round/around somebody's neck.*

2.2. Grammatical variants (morphology & syntax)

Grammatical variants manifest themselves in both English and Japanese, but in different ways:

– Singular vs. plural: *incline one's ear / incline one's ears.*

– The expression of the genitive case: *[to be] clay in somebody hands / in the hands of somebody.*

– Skipping the subject particle *ga*: *hanamochi ga naranai / hanamochi naranai* (lit. the nose cannot stand it – 'stinking, disgusting').

– Obsolete verb endings vs. modern ones: *hanamochi ga naranai / hanamochi ga naranu.* Compare: *pride goes before a fall / pride goeth before a fall.*

– Changes in the syntactic structure that go along with the lexical change of a transitive verb to intransitive or vice versa. *Kaioiro ga kawaru / kaioiro wo kaeru* (lit. the color of the face changes / to change the color of the face – 'one's face falls').

2.3. Quantitative variants

Quantitative variants imply changes in the number of a PU's components, e.g., *to see eye to eye with somebody / to see eye to eye* or *me to hana no saki / hana no saki* (lit. at the tip of one's nose and eyes / at the tip of one's nose – 'just nearby').

Some Japanese idioms have both quantitative and lexical variants at the same time:

1. *Hana de warau* (lit. to laugh with one's nose). The idiom's meaning is 'to snort, to laugh scornfully'.

2. *Hanasaki de warau* (lit. to laugh with one's «nose-tip»). «Nose-tip» is a compound word that stands in place of «nose», which is the alteration in the lexical constituents of the idiom.

3. *Hana no saki de warau* (lit. to laugh with the tip of the nose). The particle *no* creates a genitive-case-like relationship between the words «nose» and «tip», making them two separate

words, so technically the quantity of constituents changes compared to *to laugh with one's nose*.

2.4. Graphical variants

Naturally, such variants are obvious in written language only. While in English graphical (orthographical) variants depend on the type and dialect of English (AmE, BrE, etc.), e.g., *the color drained from somebody's face / the colour drained from somebody's face*, in Japanese they depend solely on the author's personal choice. Some words in Japanese can be written with a few different characters not affecting the meaning of a PU; Japanese dictionaries usually reflect possible character options. As regards *Se ni hara wa kaerarenai* (lit. The belly cannot take the place of the back, 'protecting something important is worth sacrificing something else'), we find four graphical versions in common use, three of which contain different characters for 'kaerarenai' and one has the same constituent written in hiragana (one of the two Japanese syllabic alphabets): 背に腹は変えられない, 背に腹は替えられない, 背に腹は代えられない, 背に腹はかえられない.

2.5. Phraseological lexicalizations: compounds

Phraseological compounds are quite widespread in Japanese, and their status of phraseological variants has been discussed since the 80s. Some of them remain within the same part of speech (e.g., verbal idioms turn into compound verbs) while others turn into another part of speech (e.g., verbal idioms turn into compound adjectives or nouns, predicative PUs turn into verbs). Apart from that, they are completely interchangeable, can be combined with the same words, are isomorphic semantically and stylistically and consist of the same notional components, conjoined in lexicalized variants.

– *Me wo samasu* (lit. to open the eyes of – 'to evoke, arouse') → *mezamasu* 'to evoke, arouse' [memories, feelings] (lit. to open the eyes of [memories, feelings]).

– *Me ni tatsu* (lit. to stand before one's eyes – 'to be conspicuous') → *medatsu* 'to be conspicuous'.

– *Kuchi wo dasu* (lit. to show the mouth – 'to interfere, to interrupt') → *kuchidashi* (n.) 'interference'.

– *Me ga sameru* (lit. one's eyes open – 'to realize') → *mezameru* 'to realize'.

At first sight there are no such variants in English, but let us take a closer look.

Compare the idiom *to open one's / somebody's eyes [to]* ('to realize something / make someone realize something'). Unlike Japanese, there is no lexicalized version of it («to eye-open») in English that could be fully interchangeable with the phraseological unit, but nevertheless there are two lexical units that sprung from the idiom: the adjective *eye-opening* ('englightening') and the noun *eye-opener* ('something that provides a sudden insight').

Let us analyze another idiom: *to give a side-eye* ('to give a sideways glance expressing a

negative emotion or suspicion’) and the verb *to side-eye*. The lexicalized version is almost the same apart from the omission of the word *to give*. However, the idiom describes a short single action while the verb can describe a prolonged one. Japanese compounds manifest no semantic differences and no omissions of notional constituents.

Now, compare the idioms [*to have*] *an eagle eye* vs. the compound adjective *eagle-eyed* that clearly sprung from it and [*to have*] *a keen / quick eye* vs. the adjectives *keen-eyed*, *quick-eyed*. The meaning and the metaphorical image are exactly the same, as well as their stylistic connotations; the idioms and the lexical units are interchangeable semantics-wise, but technically the latter belong to another part of speech and have different grammatical functions. As is mentioned above, the same type of transformations can be found in Japanese, for example, a verbal PU turns into a compound adjective: *mimi ni sawaru* (v. ‘to be hard on the ears’, ‘to irritate ears’) → *mimizawari (-na)* (adj. ‘hard on the ears, cacophonous’), but this PU can be used as an attributive clause before a noun, which makes the PU function almost like an adjective: *mimi ni sawaru oto* ‘an irritating sound’ is totally identical to *mimizawari-na oto* ‘an irritating sound’, and one could switch back and forth between them in a sentence without any syntactic complications or losses in meaning.

It is obvious that some English phraseological units do give rise to new lexical units, and A. V. Kunin’s *English-Russian Phraseological Dictionary* (2005) mentions such examples, but the differences between PUs and their lexical «offsprings» are oftentimes too huge for them to be considered valid ‘lexical variants’ of PUs, while in Japanese we find almost no differences between original PUs and their phraseological compounds at all. Could we call English phraseological lexicalizations «variants»? This question is open to debate depending on how a scholar defines «variant». Such compound words like *eagle-eyed*, *keen-eyed* and *quick-eyed* are probably the closest to the notion of «lexicalized variants», if we apply the Japanese approach to the issue. But most English compound words that were created on the basis of idioms are not identical to the original PUs in all the ways Japanese phraseological lexicalizations are.

2.6. Phraseological lexicalizations: abbreviations

Phraseological abbreviation is found only in Japanese, and this is a truly unique phenomenon that has not been sufficiently investigated yet. Based on some of the most popular nominative and communicative PUs, abbreviated variants are few and appropriate in informal speech only. Structurally they always consist of four moras (拍 *haku* – mora, or rhythmic unit) just like many other non-idiomatic abbreviations. Moras are taken from the first two words of an idiom or proverb or from the key constituents of a PU meaning-wise. Just like phraseological compounds, they contain the metaphorical image and the phraseological meaning of original PUs, but never explicitly. An abbreviated lexical unit functions as a kind of «semantic code» that

vaguely points to the initial phraseological unit, but is extremely abstract in and of itself, hence people unfamiliar with the initial PU may experience trouble identifying, recognizing and understanding such an abbreviation. Beside the three levels of phraseological abstraction described by A. M. Melerovich (abstraction from the literal meaning of a PU's components, from the meaning of the initial free word combination and from its syntactic structure) [Мелерович, 2008], phraseological abbreviations also manifest abstraction from the PU's multicomponent structure per se and from its lexical constituents: only certain parts of them, determined by rhythm-related factors, merge into a single word. Phraseological abbreviations are nouns, but can function like adverbs with the particle *de* or be verbalized with the help of the verb *suru* 'to do', but the latter is too rare. In most cases they are either used independently or form compound combinations with other nouns.

– Proverb: *Chiri mo tsumoreba yama to naru* → *chiritsumo* / *chiriyama*. Lit. *Even dust, if piled, can become a mountain* → 'dustpile' or 'dustmount'. Small things together become a large thing. Many drops make a shower.

– Verbal PU: *dorobou o toraete nawa o nau* → *doronawa*. Lit. 'to weave the rope after catching the burglar' → 'burgrope'. To start something in the eleventh hour. To act too late.

– Substantive PU: *ato no matsuri* → *atomatsu*. Lit. 'later festival' → 'latefest'. A chance lost. Something is too late. In Japan, the second part of the Gion festival, called «Ato Matsuri», is not as showy as the first; missing the first part is equal to being too late for the celebration, which probably lead to the creation of this PU.

3. Conclusions

The carried-out analysis of phraseological variants in English and Japanese allows to draw the following conclusions:

1. Lexical, grammatical and quantitative variants are found in both English and Japanese. These types are universal. But the subgroups of these variants reveal a different proportion of units, which requires a more detailed study.

2. Graphical variants of PUs are expressed in written language only and are abundant in Japanese; in English we can find orthographical variants that depend on the regional variety of English.

3. Compound words based on PUs are considered a type of structural variants by Japanese linguists, and, following this approach, we can find similar compound lexical units in English and consider them lexicalized variants of PUs.

4. Thus, both English and Japanese PUs can have phraseological variants and lexicalized variants of PUs.

5. The phenomenon of phraseological abbreviation is found only in Japanese.

Complex variants, definitely present in both English and Japanese, have not been covered in detail in the present article and are an area for future investigation.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кунин А. В. Фразеология современного английского языка. Опыт систематизированного описания. Москва: ИМО, 1972. 288 с.
2. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. Москва, Дубна, 1996. 381 с.
3. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. 484 с.
4. Пашковский А. А. Слово в японском языке. Москва: КомКнига, 2006. 208 с.
5. Федуленикова Т. Н. Сопоставительная фразеология английского, немецкого и шведского языков: курс лекций. Москва: Издательский Дом Академии Естествознания, 2012. 220 с.
6. Федуленикова Т. Н. Сопоставительное исследование фразеологической вариантности в английском и русском языках (на материале фразеологических единиц с компонентом *give / давать*) // Научный результат. Вопросы теоретической прикладной лингвистики. 2019. Т. 5. № 4. С. 89-105.
7. Ishida P. Japanese Idiom variants in corpus data and phraseological dictionaries // Tsukuba Journal of Applied Linguistics. 2014. № 21. P. 16-30.
8. Ishida P. A semantic analysis of Japanese anger idioms: With a view toward contrastive analysis // Tsukuba Journal of Applied Linguistics. 2004. № 11. P. 1-16.
9. Ishida P. Japanese idioms in corpus data and phraseological dictionaries: The extraction and representation of variant forms // Intercontinental Dialogue on Phraseology 3: Linguo-Cultural Research on Phraseology. 2015. Т. 3. P. 79-104.
10. Naciscione A. Stylistic use of phraseological units in discourse. Amsterdam: John Benjamins, 2010. 292 p.
11. Fedulenkova T. N. Variability of verbal-substantive phraseological units with the component "have" as a feature of identity // Language and Culture. 2018. № 2. P. 55-73.
12. 石田 プリシア Ishida Priscilla, 慣用句の変異形について:形式的固定性をめぐって (Идиоматическая устойчивость и идиоматические варианты) // Tsukuba Journal of Applied Linguistics. 1998. № 5. P. 43-56.
13. 佐藤 理史 Satō Satoshi, 基本慣用句五種対照表の作成 (Сопоставительный ряд основных японских идиом из пяти источников) // Joho Shori Gakkai Kenkyu Hokoku. 2007, № 35. P. 1-6.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Быкова С. А. Японско-русский фразеологический словарь. 2-е изд., справ. Москва: АСТ Восток-Запад, 2007. 439 с.
2. Кунин А. В. Большой англо-русский фразеологический словарь. 5-е изд. Москва: Рус. яз. медиа, 2005. 381 с.

REFERENCES

1. Kunin, A. V. (1972). *Frazeologia sovremennogo angliyskogo yazika. Opyt sistematizirovannogo opisaniya* [Phraseology of modern English: applying systematic approach]. Moskva: IMO. (In Russ.).
2. Kunin, A. V. (1996). *Kurs frazeologii sovremennogo angliyskogo yazyka* [Modern English phraseology course]. Dubna: Fenix. (In Russ.).
3. Melerovich, A. M., Mokienko, V. M. (2008). *Semanticheskaya struktura*

frazeologicheskikh edinitsovremennogo russkogo yazika [Semantic structure of PUs of modern Russian]. Kostroma: KGU im. N. A. Nekrasova. (In Russ.).

4. Pashkovskiy, A. A. (2006). *Slovo v yaponskom yazike* [Word in the Japanese language]. Moskva: KomKniga. (In Russ.).

5. Fedulenkova, T. N. (2012). *Sopostavitelnaya frazeologia angliyskogo, nemetskogo i shvedskogo yazikov* [Comparative phraseology of English, German and Swedish]. Moskva: Izdatelskiy Dom Akademii Yestestvoznaniya. (In Russ.).

6. Fedulenkova, T. N. (2019). Sopostavitelnoe issledovanie frazeologicheskoy variativnosti v angliyskom i russkom yazykakh [Comparative study of phraseological variability in English and Russian]. In *Nauchnyy rezultat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki*. T. 5. No. 4. Pp. 89-105. (In Russ.).

7. Ishida, P. (2014). Japanese Idiom variants in corpus data and phraseological dictionaries In *Tsukuba Journal of Applied Linguistics*. No. 21. Pp. 16-30.

8. Ishida, P. (2004). A semantic analysis of Japanese anger idioms: With a view toward contrastive analysis. In *Tsukuba Journal of Applied Linguistics*. No. 11. Pp. 1-16.

9. Ishida, P. (2015). Japanese idioms in corpus data and phraseological dictionaries: The extraction and representation of variant forms. In *Intercontinental Dialogue on Phraseology 3: Linguo-Cultural Research on Phraseology*. T. 3. Pp. 79-104.

10. Naciscione, A. (2010). *Stylistic use of phraseological units in discourse*. Amsterdam: John Benjamins.

11. Fedulenkova, T. N. (2018). Variability of verbal-substantive phraseological units with the component «have» as a feature of identity. In *Language and Culture*. No. 2. Pp. 55-73.

12. Ishida Priscilla [石田 プリシア]. (1998). 慣用句の変異形について: 形式的固定性をめぐって (Phraseological frozenness and phraseological variants). In *Tsukuba Journal of Applied Linguistics*. No. 5. Pp. 43-56.

13. Satō Satoshi [佐藤 理史]. (2007). 基本慣用句五種対照表の作成 (The compilation of a comparative list of basic Japanese idioms from five sources). In *Joho Shori Gakkai Kenkyu Hokoku*. No. 35. Pp. 1-6.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Bykova, S. A. (2007). *Yaponsko-russkiy frazeologicheskii slovar* [Japanese-Russian dictionary of phraseology]. 2-e izd., sprav. Moskva: AST Vostok-Zapad. (In Russ.).

2. Kunin, A. V. (2005). *Bolshoy anglo-russkiy frazeologicheskii slovar* [English-Russian Phraseological Dictionary]. Moskva: Rus. yaz. media. (In Russ.).

Басова Татьяна Александровна – аспирант
кафедры иностранных языков
профессиональной коммуникации
(e-mail: tanyatako@gmail.com),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Владимирский государственный университет»
600000, Владимир, Горького, 87

Basova Tatiana A. – Post-Graduate Student of
Foreign Languages in Professional
Communication Department
(e-mail: tanyatako@gmail.com),
State Educational Institution of Higher
Professional Education «Vladimir State
University»
87 Gorkogo, Vladimir, 600000

Поступила в редакцию 02 ноября 2020 г.

УДК 811.221.18'271.2 +81'373.44+811.111++81'255.4+811.161+81'373.211.1

© 2021 И. Д. Бекоева

МЕТОНИМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ В ПЕРЕВОДЧЕСКОЙ ОНОМАСТИКЕ

Настоящее исследование затрагивает проблемы изучения метонимических связей в переводческой ономастике как эффективного способа образования новых ономастических единиц. Рассматриваются модели метонимических переносов на материале репрезентаций метонимического единства Джеры Дзуар, включающего в свое пространство несколько ономастических компонентов, являющихся важными элементами лингвокультурной картины мира южных осетин. В исследовании классифицируются переводческие принципы и методы, задействованные при передаче онимов средствами русского языка.

Ключевые слова: метонимические связи и единства, переводческая ономастика, лингвокультурная картина мира, теонимы, дзуары.

© 2021 I. D. Bekoeva

METONYMIC CONNECTIONS IN TRANSLATION ONOMASTICS

The present research deals with the study of metonymic relations as an effective means of forming new onomastic units, and their role in translation onomastics. The article considers and classifies the models of metonymically transferred meanings based on the representations of metonymic unity Dzheri Dzuar, the onomastic space of which contains significant elements reflecting the linguocultural picture of the world of the South Ossetians. The research presents the study and classification of translation principles and methods employed in the interpretation of onyms by means of the Russian language.

Key words: metonymic connections and unity, translation onomastics, linguocultural picture of the world, theonyms, dzuars.

1. Введение

Настоящее исследование посвящено одному из множества аспектов изучения ономастических единиц – выявлению типов метонимических связей внутри ономастического единства, включающего несколько компонентов, и их функционированию в общественно-политическом дискурсе. Являясь неотъемлемыми компонентами общественного дискурса, онимы служат связующим звеном между текстом, продуцентами и реципиентами текста и внетекстовой реальностью. Ономастические единицы позволяют соединить условную действительность, отраженную в текстах и объективно существующий пространственно-временной континуум.

Объектом настоящего исследования являются югоосетинские теонимы, образующие метонимические единства и их соответствия в английском и русском языках, формируемые с учетом: 1) узкого и широкого контекста; 2) этнолингвокультурного компонента; 3) коммуникативной ситуации, влияющей на выявление того или иного

смыслового пласта онима. В качестве **предмета** исследования рассматриваются этнолингвокультурные, структурно-семантические, функциональные, прагматические свойства ономастических единиц, образующих метонимические единства. В работе используются следующие основные методы исследования: описательный, сопоставительный, компонентного анализа. Иллюстративный материал охватывает три языка: осетинский, русский, опосредованно грузинский. **Цель исследования** заключается в выявлении и описании способов перевода ономастической лексики для повышения эффективности переводческого процесса и обоснованности интрепретационно-трансформационных решений, принимаемых переводчиками при переводе ономастических единиц. **Задачи** исследования предполагают изучение лингвосемиотических характеристик прецедентных онимов, актуальных для переводческого процесса и межкультурной коммуникации; моделирование базового алгоритма перевода ономастических единиц; выявление типов метонимических переносов; классификацию моделей направления метонимических переносов.

Актуальность данного исследования обусловлена: 1) недостаточной изученностью переводческого аспекта исследования югоосетинского ономастического пространства; 2) отсутствием четко выработанных критериев и унифицированного подхода к переводу ономастической лексики, что приводит к вариативности, не всегда соответствующей современным переводческим нормам. **Научная новизна** определяется тем, что данное исследование является первой попыткой научного осмысления проблем метонимических связей внутри ономастических единств (на материале югоосетинских прецедентных онимов) и перевода имен собственных, включенных в лингвокультурную картину мира народа Южной Осетии. В качестве практического материала использованы результаты сплошной выборки из интернет-ресурсов в виде 1792 текстовых фрагментов, отражающих реализации теонима *Dzhery Dzuar* в югоосетинской общественно-политической коммуникации.

2. Метонимия в ономастике

Традиционно метонимия в лингвистике рассматривается в связи с двумя функциями: 1) как средство выразительности в художественном тексте; 2) как средство номинации. Подобное разграничение восходит к античности. Цицерон полагал метонимические выражения украшениями речи, указывая на то, что способ использования слов в переносном значении порожден необходимостью и «возник под давлением бедности и скудности словаря» [Цицерон, 1936: 216].

В более поздних исследованиях разграничение двух функций метонимии сохраняется, но преимущественно акцент делается на метонимии как на стилистическом

средстве (В. И. Еремина, Е. А. Некрасова, А. Л. Новиков, А. А. Потебня, Le Guern). Интерес исследователей к метонимии как средству номинации начинает проявляться в связи с изучением проблемы изменения значений, которая интенсивно разрабатывается с конца XIX – начала XX вв. (М. Бреаль, А. Дарместетер, Г. Пауль, Г. Стерн и др.). Понимание метонимии как одного из историко-семантических процессов, наиболее ясно сформулированное в исследовании Г. Пауля «Принципы истории языка», прослеживается и в последующих научных разработках Л. Блумфильда и С. Ульмана.

Метонимия определяется как механизм речи, состоящий в регулярном или окказиональном переносе имени с одного объекта на другой, либо с одного класса предметов на другой по принципу сопредельности, смежности или вовлеченности в одну ситуацию [БЭСЯ, 2000: 300].

По словарю Ж. Марузо метонимия – это такой способ выражения, который можно охарактеризовать как перенос обозначения (гр. *metonymia*) или как подстановку одного слова вместо другого, связанного с ним либо по результату действия, либо по веществу предметов [Марузо, 1960: 155-156].

Метонимия тесно связана с метафорой на основании того, что метонимический перенос основывается на внутрисмысловых отношениях [Мамева, 2016].

Определение метонимии как одной из разновидностей связей между значениями многозначного слова, приводит к рассмотрению языковых условий (семантических или грамматических), способствующих развитию метонимических конструкций, а также необходимости изучать метонимические переносы в зависимости от принадлежности языковой единицы к определенной тематической группе, лексико-грамматическому разряду и части речи [Бирих, 1995: 8-9].

3. Типология метонимических переносов

Особый интерес представляет: 1) определение и описание основных типов метонимических переносов; 2) особенности формирования разных типов метонимического переноса; 3) принадлежность к определенному лексико-грамматическому разряду; 4) корреляции между типом метонимического переноса и категориальной соотнесённостью языковой единицы; 5) отражение метонимических значений в семантической структуре производных единиц [Бирих, 1995: 9].

Наиболее полную классификацию метонимических переносов дал А. А. Реформатский, определив метонимию как языковое явление, при котором меняется не только вещь, но и все понятие в целом. В результате метонимического переноса одно явление заменяется другим. Метонимические связи по А. А. Реформатскому: 1) одно в

другом; 2) одно на другом; 3) одно под другим; 4) одно через другое; 5) одно после другого или в результате другого, процесс-результат; 6) занятие, отрасль знания и объект знания или результат знания; 7) материал – изделие из этого материала; 8) орудие – продукт; 9) место – изделие; 10) место – историческое событие; 11) имя – общественное положение или характер; 12) имя – изделие [Реформатский, 1996: 47-48].

Одна из первых попыток классификации метонимических переносов принадлежит Г. Паулю. В соответствии с его определением, метонимия – это перенос имени, основанный на пространственных, временных и каузальных связях. Система метонимических переносов, предложенная Г. Паулем, включает: 1) целое, которое может быть замещено частью, составляющей характерную принадлежность целого; 2) названия цветов, которые заменяют все растение; 3) предмет или явление, обозначаемое по другому, связанному с ним предмету; 4) название локальности для обозначения тех, кто там живет; 5) эмоциональные и душевные переживания, обозначаемые по сопровождающим их рефлекторным движениям; 6) названия предметов, с помощью которых производится действие, выступающее как обозначение производимого [Paul, 1975: 97].

С. Ульман описывает изменения в области исторической семантики (метафорический перенос, расширение, сужение значений, табу) и определяет четырехкомпонентную систему, основанную на семантических изменениях языковых единиц обусловленных: 1) сходством между смыслами двух слов; 2) контактом между смыслами слов; 3) сходством между именами; 4) контактом между именами [Ульман, 1980: 250-299] и предлагает три типа метонимических переносов – локальный, темпоральный, атрибутивный. По А. К. Бириху метонимические переносы делятся на шесть основных типов: 1) партитативный (синекдоха); 2) каузальный (причинно-следственная связь); 3) темпоральный (временной); 4) локальный (пространственный); 5) атрибутивный; 6) квантитативный [Бирих, 1995: 31]. Современные авторы активно работают над проблемами выявления и классификации типов метонимических переносов (М. В. Басинская, М. В. Бондаренко, Е. В. Генералова, Л. А. Калимуллина, Л. М. Васильева, Е. Е. Кругляк, О. А. Никитина, Н. В. Пестерова, З. В. Тодосиенко, А. Г. Удинская). А. Г. Удинская предлагает систему, включающую пять основных и несколько комбинированных типов метонимического переноса (каузальный, атрибутивный, локальный, темпоральный, синекдохический) [Удинская, 2016; 2017; Udinskaya 2015].

4. Югоосетинские сакральные онимы

Для анализа типов метонимических переносов внутри ономастического единства в работе был выбран прецедентный теоним *Джеры Дзуар* – от груз. *ჯვრბო* *Джвари* ‘крест’

[Абаев, 1958: 401; МНМЭ, 1994: 376]. Теоним определяется как собственное имя божества [Подольская, 1978: 131]. Теоним *Дзуар* в осетинском языке и лингвокультуре имеет несколько значений, в первую очередь – это крест. *Дзуар* – божество, святой, дух (в осетинской мифологии); ангел [Абаев, 1970: 220]. В соответствии с представлениями осетин, может принимать различные облики антропоморфные и зооморфные (человека или барана); может принимать облик чурбана или существа с большими светящимися крыльями [Дзадзиев, Дзуцев, Караев, 1994: 53] или облик летающего существа с большими крыльями [МНМЭ, 1994: 376]. Третье значение – святилище в честь божеств, духов и святых, которые могут быть как общеосетинскими, так и фамильными, патронимическими, общинными, ущельными [Дзадзиев, Дзуцев, Караев, 1994: 53]. *Дзуар* – компонент, входящий в название многих святилищ Осетии *Сырх Дзуар* ‘красная церковь’, *Згъудеры Дзуар* ‘Згудерская церковь’, *Лæгты Дзуар* ‘святилище мужчин’, *Сывæллæтты Дзуар* ‘святилище детей’, *Рыны Дзуар* ‘святилище болящих / боли’.

В зависимости от языковой и переводческой традиции, *Дзуар* в подобных сочетаниях переводится при соблюдении принципов: 1) сохранения графической формы, графического и звукового подобия, отражения национально-языковой принадлежности (методы транслитерации и транскрипции, метод прямого графического переноса); 2) следования исторической традиции (методы морфограмматической модификации; использования традиционного наименования; транспозиции); 3) учета внутренней формы (метод калькирования) [Ермолович, 2005: 28].

Одно из главных святилищ Осетии – *Джеры Дзуар*, посвященное небесному Уастырджи, считается защитником от бед и несчастий. *Уастырджи* – это адаптированная форма Святого Георгия. Этимологически восходит к Was Gergi «святой Георгий». Как и у многих христианских народов, культ Святого Георгия воспринял черты некоторых дохристианских культов – солнечных, земледельческих, военных [Абаев, 1989: 55-56; Калоев, 1971: 245].

Метонимия как одно из средств выражения универсалий человеческого мышления непосредственно относится и к системе топонимии [Олейникова, 2016: 135]. *Джеры Дзуар* – в осетинской мифологии божество – дзуар, исцеляющее больных, в том числе душевнобольных. Живет на горе у высокогорного села *Джер*. Считается, что после принесения в жертву животного должно произойти исцеление [Дзадзиев, Дзуцев, Караев, 1994: 51; МНМЭ, 1994: 374].

<...> Джеры Дзуар обладает способностью исцелять душевнобольных людей. Сила Джеры Дзуар простираясь над всей Осетией, помогает всем возносящим молитвы. «Джеры Дзуар» – значимое для осетин святилище <...> [АЛАНИЯ].

Метонимия представляет собой особый способ выражения языковых явлений, поскольку основывается на реальных пространственных, временных и иных отношениях, таким образом, в результате метонимического сдвига одно явление может быть заменено другим [Тодосиенко, 2015]. В метонимический кластер: Джеры Дзуар включена также дорога, ведущая к святилищу и считающаяся сакральной Джеры фæндаг ‘дорога к святилищу Джеры Дзуар’ [Цховребова, Дзиццойти, 2015: 524]. Паломники, идущие к святилищу, преодолевают этот путь босиком. По дороге они минуют небольшую молельню, которая находится поблизости и называется Джеры Дзуары кувæндон ‘молельня / церковь Джеры Дзуар’ [Цховребова, Дзиццойти, 2015: 508]; затем паломники приходят к дереву желаний, на которое следует привязать ленточку, помолившись об исполнении желаний. В ономастическое пространство сакрального онима Джеры Дзуар включены Бекъойты сертæ беласы ‘три дерева Бекоевых’ (три священных дерева рода Бекоевых, рядом с которыми было воздвигнуто святилище Джеры Дзуары) [Цховребова, Дзиццойти, 2015: 505]; ручей, протекающий неподалеку от святилища – Джеры цъала ‘Джерский ручей’ [Цховребова, Дзиццойти, 2015: 373]; ущелье Джеры ком ‘Джерское ущелье’. Геортоним, именующий празднование Джеры Дзуар соотносится с хрононимом Джеры Дзуары Бонтæ ‘дни Джеры Дзуар’ и темпорально соотнесен с концом ноября.

Направление метонимического переноса можно представить следующим образом: название локальности → название святилища → имя духа, божества.

Таблица. Метонимическое единство Джеры Дзуар

Название метонимического единства	Ономастические единицы, входящие в единство	Компоненты метонимической связи
Джеры Дзуар	ойконим / комоним Джер	локальность
	теоним Джер (Гер<Георгий); Джерыдзуар/Джеры Дзуар	имя божества
	экклезионим/сакральный ойкодомоним Джеры Дзуар	имя святилища
	теоним Уастырджы	имя святого, покровителя святилища
	экклезионим Джеры Дзуары кувæндон ‘молельня / церковь Джеры Дзуар’	имя церкви при святилище

Окончание табл.

	дримоним <i>Бекъойты ртæ бэлас</i> 'три дерева Бекоевых'	священные деревья
	дромоним <i>Джеры Дзуары фæндаг</i> 'дорога к святилищу Джеры Дзуар'	дорога
	оронимы <i>Джеры хох</i> 'гора села Джер', <i>Джеры ком</i> 'Джерское ущелье'; <i>Джеры Дзуары бын</i> 'у подножия, внизу, не доходя до святилища Джеры Дзуар'	ущелье, гора, подножье горы
	потамоним <i>Джеры цъала</i> 'Джерский ручей'	ручей
	геортоним <i>Джеры Дзуары бонтæ</i> 'дни празднования Джеры Дзуар' и <i>Джеоргуыба</i> 'праздник в честь святого Георгия', празднество в честь Уастырджи, устраиваемое по завершении сбора урожая	праздник
	хрононим <i>Джеры Дзуары бонтæ</i> 'дни празднования Джеры Дзуар'	дни праздника, период празднования

5. Вывод

Результаты анализа показали, что при переводе сакральных онимов используются следующие способы перевода: транскрипция, транслитерация, калькирование, традиционные и канонические соответствия, сочетание транскрипции и транслитерации.

Проведенное исследование ономастических единиц, образующих метонимические единства, позволяет прийти к выводу о том, что в метонимический комплекс *Джеры Дзуар* – это сложный ономастический кластер, включающий несколько сегментов онимических единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирих А. Метонимия в современном русском языке (семантический и грамматический аспекты). Мюнхен, 1995. 191 с.
2. Ермолович Д. И. Основания переводческой ономастики: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. Москва, 2005. 50 с.
3. Калоев Б. А. Осетины (историко-этнографическое исследование). Москва: Наука, 1971. 358 с.
4. Мамаева Т. В. Модели метонимического переноса в языковом сознании профессионального коллектива // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В. П. Астафьева. Филологические науки. Языкознание. 2016. № 4 (38). С. 218-221.
5. Олейникова С. Д. Метонимические переносы в топонимии (на материале ойконимов Тамбовской области) // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 3-х ч. Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60). Ч. 2. С. 135-137.
6. Реформатский А. А. Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. Москва: Аспект Пресс, 1996. 536 с.

7. Тодосиенко З. В. Метонимические переносы как способ обогащения словаря // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2015. № 8. С. 163-167.

8. Удинская А. Г. Актуализация метонимического значения в тексте в английском и русском языках // Расширяя границы лингвистики: сборник в честь 70-летия доктора филологических наук, профессора Владимира Дмитриевича Калиущенко. Ростов-на-Дону: Издательство Южного федерального университета, 2016. С. 159-167.

9. Удинская А. Г. Синкретизм в сфере метонимов-наименований человека в английском и русском языках // Сопоставительные и диахронические исследования языковых единиц и категорий. Донецк: ДонНУ, 2017. С. 195-202.

10. Ульман С. Семантические универсалии // Новое в лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии. Москва: Прогресс, 1980. С. 250-299.

11. Цицерон. Об ораторе III. Античные теории языка и стиля. Москва, Ленинград: Гос. социально-эконом. изд-во, 1936. 344 с.

12. Paul H. Prinzipien der Sprachgeschichte. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1975. 428 S.

13. Udinskaya A. G. Metonymic transfers in the English, Russian and Turkish languages // Международный научно-исследовательский журнал. Екатеринбург, 2015. № 2 (33). Ч. 2. С. 57-58.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Москва-Ленинград: Издательство АН СССР, 1958. Т. 1. А-К. 656 с.

2. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Ленинград: Издательство АН СССР; Наука, 1989. Т. 4. U-Z. 325 с.

3. Абаев В. И. Осетинско-русский словарь. Орджоникидзе: Ир, 1970. 720 с.

4. Дзадзиев А. Б., Дзуцев Х. В., Караев С. М. Этнография и мифология осетин. Краткий словарь. Владикавказ, 1994. 284 с.

5. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. Москва: Изд-во иностранной литературы, 1960. 436 с.

6. Мифы народов мира. Энциклопедия / гл. ред. С. А. Токарева. Москва: Российская энциклопедия, 1994. Т. 1. А-К. 671 с. [МНМЭ].

7. Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / отв. ред. А. В. Суперанская. Москва: Наука, 1988. 189 с.

8. Цховребова З. Д., Дзиццойты Ю. А. Топонимия Южной Осетии: в 3-х т. Москва: Наука, 2015. Т. II: Знаурский район; Цхинвалский район. 740 с.

9. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. Москва: Большая научная энциклопедия, 2000. 688 с. [БЭСЯ].

ИЛЛЮСТРАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ

Джеры Дзуар – значимое для осетин святилище // Информационное агентство «АЛАНИЯ информ». Доступ: <http://www.osinform.org>. (дата обращения: 27.01.2021). [АЛАНИЯ].

REFERENCES

1. Birikh, A. (1995). *Metonimiya v sovremennom russkom yazyke (semanticheskiy i grammaticheskiy aspekty)* [Metonymy in modern Russian language (semantic and grammar aspects)]. Myunkhen. (In Russ.).

2. Ermolovich, D. I. (2005). *Osnovaniya perevodcheskoy onomastiki* [The basics of translational onomastics]: avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk: 10.02.20. Moskva. (In Russ.).

3. Kaloev, B. A. (1971). *Osetiny (istoriko-etnograficheskoe issledovanie)* [Ossets (historical-ethnographic study)]. Moskva: Nauka. (In Russ.).
4. Mamaeva, T. V. (2016). Modeli metonimicheskogo perenosa v yazykovom soznanii professionalnogo kollektiva [Models of metonymic transference in the language consciousness of the professional team]. In *Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astafeva. Filologicheskie nauki. Yazykoznanie*. No. 4 (38). Pp. 218-221. (In Russ.).
5. Oleynikova, S. D. (2016). Metonimicheskie perenosy v toponimii (na materiale oykonimov Tambovskoy oblasti) [Metonymic transfers in toponymy (on the material of oikonims of Tambov oblast)]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki: v 3-kh ch.* Tambov: Gramota. No. 6 (60). Ch. 2. Pp 135-137. (In Russ.).
6. Reformatskiy, A. A. (1996). *Vvedenie v yazykovedenie* [Introduction into the theory of language] / pod red. V. A. Vinogradova. Moskva: Aspekt Press. (In Russ.).
7. Todosienko, Z. V. (2015). Metonimicheskie perenosy kak sposob obogashcheniya slovarya [Metonymic transfer as a means of enrichment of the word-stock]. In *Vestnik Yuzhno-Uralskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta*. No. 8. Pp. 163-167. (In Russ.).
8. Udinskaya, A. G. (2016). Aktualizatsiya metonimicheskogo znacheniya v tekste v angliyskom i russkom yazykakh [Actualisation of metonymic meaning in the text in English and Russian]. In *Rasshiryaya granitsy lingvistiki: sbornik v chest 70-letiya doktora filologicheskikh nauk, professora Vladimira Dmitrievicha Kaliušenko*. Rostov-na-Donu: Izdatelstvo Yuzhnogo federalnogo universiteta. Pp. 159-167. (In Russ.).
9. Udinskaya, A. G. (2017). Sinkretizm v sfere metonimov-naimenovaniy cheloveka v angliyskom i russkom yazykakh [Syncretism in the field of naming metonyms in English and Russian]. In *Sopostavitelnye i diakhronicheskie issledovaniya yazykovykh edinit i kategoriy*. Donetsk: DonNU. Pp. 195-202. (In Russ.).
10. Ulman, S. (1980). Semanticheskie universalii [Semantic universals]. In *Novoe v lingvistike*. Vyp. 5. Yazykovye universalii. Moskva: Progress. Pp. 250-299. (In Russ.).
11. Cicero (1936). *Ob oratore III. Antichnye teorii yazyka i stilya* [About the speaker III. Antique theories of language and style]. Moskva, Lenigrad: Gos. socialno-yekonom. izd-vo. (In Russ.).
12. Paul, H. (1975). *Prinzipien der Sprachgeschichte*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag.
13. Udinskaya, A. G. (2015). Metonymic transfers in the English, Russian and Turkish languages. In *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*. Ekaterinburg. No. 2 (33). Ch. 2. Pp. 57-58.

LEXICOGRAPHIC SOURCES

1. Abaev, V. I. (1958). *Istoriko-etimologicheskii slovar osetinskogo yazyka* [Historical Etimological dictionary of the Ossetian language]. Moskva-Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR., T. 1. A-K. (In Russ.).
2. Abaev, V. I. (1989). *Istoriko-etimologicheskii slovar osetinskogo yazyka* [Historical Etimological dictionary of the Ossetian language]. Leningrad: Izdatelstvo AN SSSR, Nauka. T. 4. U-Z. (In Russ.).
3. Abaev, V. I. (1970). *Osetinsko-russkiy slovar* [Ossetian-Russian dictionary]. Ordzhonikidze: Ir. (In Russ.).
4. Dzdziev, A. B., Dzucev, H. V., Karaev, S. M. (1994). *Yetnografiya i mifologiya osetin. Kratkiy slovar* [Ethnography and mythology of the Ossetians. Concise dictionary]. Vladikavkaz. (In Russ.).
5. Maruzo, Zh. (1960). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moskva: Izd-vo inostrannoy literatury. (In Russ.).

6. *Mify narodov mira. Yenciklopediya* [Myths of the peoples of the world] / gl. red. S. A. Tokareva. Moskva: Rossiyskaya yenciklopediya, 1994. T. 1. A-K. (In Russ.).

7. Podolskaya, N. V. (1978). *Slovar russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of onomastic terminology]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

8. Tschovrebova, Z. D., Dzitstsoyty, Yu. A. (2015). *Toponimiya Yuzhnoy Osetii* [Toponymy of South Ossetia]: v 3-kh t. Moskva: Nauka. T. II: Znaurskiy rayon; Tschinvalskiy rayon. (In Russ.).

9. *Yazykoznanie. Bolshoy yenciklopedicheskiy slovar* [Theory of language. Large encyclopedic dictionary]. Moskva: Bolshaya nauchnaya yenciklopediya, 2000. (In Russ.).

ILLUSTRATIVE MATERIAL

Dzhery Dzuar – znachimoe dlya osetin svyatilishhe [Dzhery Dzuar – a significant sanctuary for South Ossetia]. In *Informatsionnoe agentsvo «ALANIYa inform»*. Available at: <http://www.osinform.org>. (accessed: 27.01.2021).

Бекоева Ирина Давидовна – и.о. доцента
кафедры английского языка
(irina.beckoeva@yandex.ru),
Юго-Осетинский государственный
университет им. А. А. Тибилова
100001 Республика Южная Осетия,
ул. Путина, 8

Beckoeva Irina D. – Acting for Associate Professor
of English Language Department
(irina.beckoeva@yandex.ru),
South Ossetia State University named after
A. A. Tibilov
8 Putin str., Tskhinval,
The Republic of South Ossetia, 100001

Поступила в редакцию 01 февраля 2021 г.

ТЕМАТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ КОМПОНЕНТОВ В СОСТАВЕ АНГЛИЙСКИХ И РУССКИХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИХ ПРИРОДНЫЙ КОД КУЛЬТУРЫ

В данной статье предложена тематическая классификация компонентов в составе английских и русских фразеологических единиц, репрезентирующих природный код культуры. Выделены и описаны тематические группы компонентов, обозначающих природные объекты и явления. Установлены и проанализированы наиболее продуктивные группы фразеологических единиц, репрезентирующих природный код культуры, в английском и русском языках.

Ключевые слова: фразеологическая единица, идиома, компонент, тематическая группа, сопоставительный анализ.

© 2021 Ye. Yu. Voitenko

THEMATIC CLASSIFICATION OF COMPONENTS IN PHRASEOLOGICAL UNITS REPRESENTING THE CULTURAL CODE «NATURE» IN ENGLISH AND RUSSIAN

The article addresses the thematic classification of components in phraseological units representing the cultural code «Nature» in English and Russian. The thematic groups of components denoting natural objects and phenomena have been identified and described. The most productive groups have been revealed and analysed.

Key words: phraseological unit, idiom, component, thematic group, comparative analysis.

1. Введение

Статья посвящена тематической классификации компонентов в составе фразеологических единиц (далее ФЕ), репрезентирующих природный код культуры, т. е. таких, как: англ. *a snake in the grass* ‘змея подколотная, тайный враг, скрытая опасность’, *to get to the top of the tree* ‘преуспеть, добиться успеха, стать во главе чего-л. (особ. в профессии)’; рус. *как небо от земли* ‘большая разница, о чем-то сильно различающемся, совершенно не сходном друг с другом’, *не на том поле трава выросла* ‘о несоответствии чему-л.’.

Современные лингвистические исследования характеризуются междисциплинарностью и ведутся в различных направлениях, в том числе в русле лингводидактики (см. [Vyessonova, 2016; Vyessonova, Trofimova, 2020]) и лингвокультурологии, для которой наиболее значимым представляется вопрос культурного кодирования в языковых знаках. В связи с повышенным интересом

лингвистов к изучению взаимосвязи культуры и языка фразеология становится одним из актуальных объектов исследования, при этом наиболее интенсивно развивающимся направлением является сопоставительное изучение ФЕ. Следует принять во внимание то, что развитие сравнительной фразеологии происходит в парадигме антропоцентричного подхода к языковым явлениям: в центре внимания исследователей фразеологии оказывается человек как носитель языка и представитель определенной национальной культуры. Базовой установкой является то, что язык и культура, являясь семиотическими системами, непрерывно взаимодействуют друг с другом, соответственно, во фразеологии наблюдается тенденция к увеличению количества работ, посвященных исследованию вербализации культурных кодов. Понятие кодов культуры рассматривается в работах В. В. Воробьева, Д. Б. Гудкова, В. И. Иванова, М. Л. Ковшовой, В. В. Красных, В. А. Масловой, М. В. Пименовой, В. Н. Телии, Н. И. Толстого, С. М. Толстой, В. Н. Топорова, В. М. Шаклеина и др. Исследование языковых единиц в контексте культуры также предпринимают зарубежные лингвисты: М. Беднарек, А. Вежбицкая, Ж.-П. Колсон, П. Ли, Э. Паули, Э. Пиирайнен, Б. Питерс, А. Саббан, П. Скандера, Д. Шёнефельд и др. (см. [Applied Cultural Linguistics: Implications for second language learning and intercultural communication, 2007; Phraseology and Culture in English, 2007; Phraseology. An interdisciplinary perspective, 2008]). Код культуры понимается как «система знаков (знаковых тел) материального мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они приобрели значимость, которая распознается, декодируется при их восприятии интерпретатором» [Ковшова, 2008: 60].

Коды культуры универсальны, они соотносятся с древними архетипическими представлениями человека, однако особенности их вербализации в той или иной культуре являются национально детерминированными. По мнению Д. Б. Гудкова, «единицы, являющиеся составляющими этих кодов, наделяются определенными культурными значениями, часть из которых присутствует в «светлой» сознания представителей той или иной культуры, другие же не осознаются, присутствуют имплицитно, представляя собой своеобразные «лакуны», их экспликация является результатом лингвокультурологического анализа» [Гудков, 2004: 39].

В данной работе рассматриваются английские и русские ФЕ с компонентами, обозначающими названия природных объектов и явлений, как единицы, которые одновременно выполняют роль языковых и культурных знаков. Природные объекты, которые всегда окружали человека – это универсальные ментально значимые понятия в картине мира каждой лингвокультуры. Например, транскультурными универсалиями

являются такие природные явления, как солнце, небо, ветер, луна, гора, река и т. д., однако восприятие окружающего мира может зависеть от культурно-национальных особенностей народов, которые проживают на той или иной территории, так как «в разных географических регионах и в разные эпохи люди и природные комплексы (ландшафты и геобиоценозы) взаимодействуют по-разному» [Гумилев, 2001: 7]. Различия в отношении к окружающему миру можно проследить в языковой картине мира и, в частности, во фразеологической картине мира носителей языка, так как целый ряд фразеологизмов хранит информацию о традициях, мифах, ритуалах, поверьях, связанных с небесными телами, ландшафтными объектами, животными, растениями и т. д.

Объектом исследования являются английские и русские ФЕ, репрезентирующие природный код культуры. **Предмет** исследования – их структурно-семантические и лингвокультурологические характеристики. **Материалом** исследования являются 4000 ФЕ (2200 ФЕ – в английском языке, 1800 ФЕ – в русском языке), полученных методом сплошной выборки из современных фразеологических, толковых и переводных словарей английского и русского языков.

Методика исследования включает в себя ряд этапов, в том числе: определение критериев отбора материала, установление фразеологической активности компонентов; анализ соотносительности компонентов ФЕ с кодами культуры, что позволяет «полнее раскрыть культурную значимость составляющих его слов-компонентов, определить роль фразеологизма как знака культуры, описать, как культура воплощается во фразеологическом знаке» [Ковшова, 2009: 25]; выделение и анализ продуктивных структурно-семантических моделей ФЕ в исследуемых языках, что дает возможность выявить взаимосвязь формы и семантики ФЕ, а также установить сходства и отличия механизма кодирования культурной информации в значении ФЕ; определение источников культурно значимой интерпретации ФЕ; описание особенностей фразеологической номинации, т. е. анализ переосмысления значения ФЕ; установление типов межъязыковых отношений, что позволяет выявить типы соответствий исследуемых ФЕ в сопоставляемых языках [Войтенко, 2020].

2. Результаты исследования

2.1. Так как в фокусе данного исследования находится фразеологическая репрезентация природного кода культуры, который понимается как «совокупность имён и/или их сочетаний, обозначающих природные объекты, в т. ч. – освоенные в их отдельном бытии» [БФСРЯ: 327],

одной из задач стало определение корпуса ФЕ с компонентами, обозначающими природные объекты и явления, в русском и английском языках.

Большой академический словарь русского языка фиксирует следующие значения понятия *природа*:

1) окружающий нас материальный мир (органический и неорганический), все существующее на Земле, не созданное деятельностью человека;

2) совокупность естественных условий и особенностей какой-л. местности (её рельеф, растительный и животный мир, климатические условия и т. п.);

3) совокупность естественных потребностей, склонностей человека;

4) сущность, основные качества, свойства чего-л.;

5) *устар.* происхождение, порода (о человеке) [БАС].

Согласно The New Shorter Oxford English Dictionary, *nature* это:

1) the inherent or essential quality or constitution of a thing; the innate disposition or character of a person or animal or a humankind generally (свойственное или существенное качество / устройство предмета; склонность или характер человека, животного или человечества в целом);

2) vital or physical power (of); a person's physical strength or constitution; sexual drive (жизненная или физическая способность; физическая сила или конституция; сексуальное влечение);

3) physical appetite or need (физическая склонность или потребность);

4) the inherent power or force by which physical and mental activities are sustained; the inherent dominating power or impulse (in people or animals) by which action or character is determinant of personality (присущие человеку возможности, с помощью которых осуществляются физические и психические действия; доминирующие, определяющие характер (личность) побуждения (у людей или животных));

5) the creative and regulative physical power conceived of as operating in the material world and as the immediate cause of all its phenomena; spec. plants, animals, and other features and products of the earth itself, as opp. of humans or human creations or civilization (творческая и регулятивная физическая сила, представляемая как действующая в материальном мире и как непосредственная причина всех его явлений; растения, животные и другие объекты земли, в противоположность человеку, тому, что было им создано, человеческой цивилизации) [SOED].

Анализ дефиниций показывает, что понятие природы обладает широким спектром значений. Природу можно рассматривать как все существующее в мире. Х. Барнард,

анализируя дефиниции понятия *природа*, приходит к выводу, что в мире нет ничего, что изначально не было бы частью природы. Горы, реки и деревья являются частью природы. Однако, такое всеобъемлющее определение может включать в себя и дома, дороги и атомные электростанции, так как последние были сделаны из материалов, которые изначально были частью природы. Данное определение включает в себя и человека, так как человек – это часть природы, т. е. биологическое существо, находящееся под влиянием физических законов [Barnard, 2006: 9]. В более узком значении природа понимается как «противостоящий человеку объективно существующий и независимый от него мир, противопоставляемый всему, что создается человеческой деятельностью, – истории, культуре, искусству, технике и т. д.» [БРЭ]. Так как целью работы является исследование репрезентации природного кода культуры, то есть того, как явления природы интерпретировались в национальных языках и, соответственно, культурах, представляется актуальным рассмотреть данное понятие как весь неорганический и органический мир (объекты и явления живой и неживой природы) в его противопоставлении человеку и всему созданному руками и умом человека (например, населенные места, обрабатываемые участки, дороги, вещественные продукты труда).

Таким образом, основным критерием отбора материала послужило наличие в составе ФЕ компонента или компонентов, именующих природные явления – проявления и объекты природы, не созданные деятельностью человека. Так как отбор компонентов проводился с опорой на толковые и семантические словари, в частности на данные Русского семантического словаря [РСС], в основу классификации компонентов были положены языковые принципы, т. е. классификация отражает языковое устройство того или иного класса. Следует отметить, что при данном подходе собственно научная классификация именуемых классов не может быть положена в основу построения, так как, например, в дефинициях толковых и семантических словарей не всегда присутствует указание на принадлежность растений или животных к тому или иному классу или отряду [РСС]. Как отмечает Ю. Д. Апресян, семантика языкового знака отражает наивное понятие о вещи, свойстве, действии, процессе, событии, таким образом наивная картина мира может разительным образом отличаться от чисто логической, научной картины мира того же участка мира, она является общей для людей, говорящих на различных языках [Апресян, 1995: 56-57]. С. Г. Воркачев также подчеркивает, что языковая картина мира «может быть приблизительна и неточна в деталях, но она интуитивно достоверна, наглядна и отвечает здравому смыслу: вода здесь – это жидкость, заполняющая реки и

моря, прямая – линия, не отклоняющаяся ни вверх, ни вниз, ни вправо, ни влево» [Воркачев, 2003: 269].

2.2. В результате исследования была разработана тематическая классификация компонентов в составе ФЕ, репрезентирующих природный код культуры, предполагающая группировку ФЕ следующим образом:

1. Живая природа: животный и растительный мир;

2. Неживая природа: земля, ее рельеф, ландшафт местности; воздушное пространство, оптические явления; водные пространства, прилегающие к ним участки суши; состояния природы, климат, погодные условия; огонь и продукты горения.

Стоит отметить, что анализ эмпирического материала показал, что в исследуемых языках зафиксированы ФЕ, в состав которых входит более одного компонента, обозначающих названия природных объектов и явлений (см. табл. 1.).

Таблица 1. *Классификация английских и русских ФЕ с компонентами, обозначающими названия природных объектов и явлений, по количеству компонентов*

Тип ФЕ	Английский язык		Русский язык	
	Кол-во ФЕ, ед. (%)	Примеры	Кол-во ФЕ, ед. (%)	Примеры
ФЕ с 1 компонентом	2006 (91)	<i>out of the wood</i> ‘вне опасности’	1622 (90)	<i>быть на краю пропасти</i> ‘подвергаться опасности’
ФЕ с 2 и более компонентами	194 (9)	<i>oaks may fall when reeds stand the storm</i> ‘буря только рощу валит, а кусты к земле гнет’	178 (10)	<i>ищи (ищи-свищи) ветра в поле</i> ‘что-л. или кто-л. бесследно исчезли’
Всего:	2200 (100)		1800 (100)	

Как следует из таблицы 1, в исследуемом материале преобладают ФЕ, в состав которых входит один компонент, обозначающий названия природных объектов и явлений, это 2006 ФЕ (91%) – в английском языке и 1622 ФЕ (90%) – в русском языке. В группу ФЕ с 2 и более компонентами, обозначающими названия природных объектов и явлений, входят 194 английских ФЕ (9%) и 178 русских ФЕ (10%).

2.3. Результаты тематической классификации компонентов в составе ФЕ, репрезентирующих природный код культуры, в английском и русском языках представлены в таблице 2.

Таблица 2. Тематическая классификация компонентов в составе ФЕ, репрезентирующих природный код культуры, в английском и русском языках

Тематическая сфера	Английский язык		Русский язык	
	Кол-во ФЕ, ед. (%)	Примеры	Кол-во ФЕ, ед. (%)	Примеры
Животный мир	634 (32)	<i>lounge lizard</i> 'бездельник, праздный гуляка'	578 (36)	<i>смотреть как баран на новые ворота</i> 'выглядеть растерянным, сконфуженным'
Земля, ее рельеф, ландшафт местности	387 (19)	<i>to build on a rock</i> 'заложить прочный фундамент, основываться на чём-л. прочном'	254 (17)	<i>к чёрту на кулички</i> 'очень далеко, где-то в дикой глуши'
Воздушное пространство, оптические явления	298 (15)	<i>chasing the rainbow</i> 'погоня за недосыгаемым'	214 (13)	<i>питаться (одним) воздухом</i> 'жить неизвестно на что'
Водные пространства, прилегающие к ним участки суши	238 (12)	<i>between the devil and the deep (blue) sea</i> 'в безвыходном положении'	211 (13)	<i>войти в свои берега</i> 'вернуться в привычное состояние, положение'
Растительный мир	206 (10)	<i>to grow like a weed (like weeds)</i> 'расти быстро, буйно (как сорняк)'	200 (12)	<i>разлюли малина</i> 'о хорошем, привольном житье, времяпрепровождении'
Состояния природы, климат, погодные условия	134 (7)	<i>calm (lull) before the storm</i> 'затишье перед бурей'	94 (5)	<i>после дождика (дождичка) в четверг</i> 'неизвестно когда'
Огонь и продукты горения	109 (5)	<i>like a house on fire (afire)</i> '«как лесной пожар», с невероятной быстротой'	71 (4)	<i>возродиться из пепла</i> 'представать в прежнем своём виде, качестве'
Всего:	2006 (100)		1622 (100)	

Как видно из табл. 2, наиболее продуктивной группой в исследуемых языках является группа ФЕ с компонентами, входящими в тематическую сферу «Животный мир». Данную группу представляют 634 ФЕ (32%) английского языка и 578 ФЕ (36%) русского языка, которые можно разделить на следующие подгруппы:

1) общие обозначения: *beast of prey* 'хищное животное, хищник'; *чистый зверь* 'сильный, ловкий в работе, в каком-л. деле человек';

2) млекопитающие: *love me, love my dog* 'принимай меня таким, какой я есть'; *хоть волком вой* 'о безвыходном положении, состоянии глубокой тоски';

3) птицы: *crow will not pick out crow's eyes* 'ворон ворону глаз не выклюет'; *старый (стрелянный) воробей* 'о много испытывавшем человеке, которого трудно обмануть';

4) пресмыкающиеся: *to see snake* 'напиться до чёртиков, до зелёного змия'; *отогревать змею на груди* 'о том, кто был обласкан, а позднее оказался врагом';

5) рыбы: *to draw a red herring across the trail* 'намеренно вводить в заблуждение'; *премудрый пещарь* 'о трусливом обывателе, приспособленце';

6) насекомые: *to go away (off) with a flea in one's ear* 'получить резкий отпор'; *подковать блоху* 'обнаружить удивительную изобретательность, выдумку в каком-л. деле';

7) низшие животные: *the worm of conscience* 'угрызения совести'; *заморить червяка (червячка)* 'утолить слегка голод, перекусить'.

2.4. Следующей в количественном отношении является группа ФЕ с компонентами, относящимися к тематической сфере «Земля, ее рельеф, ландшафт местности» – 387 ФЕ (19%) в английском языке и 254 ФЕ (17%) – в русском языке. Анализ материала позволил распределить ФЕ данной группы по следующим подгруппам:

1) общие обозначения: *on the face of the earth* 'на земле, на свете, в целом мире'; *видеть на три (на два) аршина под землей* 'обладать необыкновенной проницательностью';

2) возвышенности, высоты: *(as) old as the hills* 'очень старый, древний'; *жить (как) на вулкане* 'в постоянном беспокойстве, в ожидании неприятности, опасности и т.п.';

3) склоны, обрывы: *to be on a slippery slope* 'стать на опасный, скользкий путь'; *на склоне лет (дней, жизни)* 'в глубокой старости';

3) ровные участки, долины, болота: *the vale of years* 'преклонный возраст, старость', *уйти в болото* 'о потраченном впустую, понапрасну';

4) участки растительности: *the law of the jungle* 'закон джунглей, беззаконие'; *дремучий (темный) лес для кого-л.* 'что-л. непонятное или незнакомое для кого-л.';

5) почвы, ископаемые, камни, металлы: *a heart of flint* 'каменное сердце'; *песок сыплется* 'о том, кто очень стар, дряхл'.

2.5. К группе с компонентами, входящими в тематическую сферу «Воздушное пространство, оптические явления», относятся 298 ФЕ (15%) в английском языке и 214 ФЕ (13%) – в русском языке. Анализ материала позволил распределить компоненты данной группы по следующим подгруппам:

1) общие обозначения: *to go about with one's head in the air* 'важничать, задаваться'; *атмосфера сгущается* 'о приближении чего-либо неприятного, тяжёлого для кого-л.';

2) небесные тела: *to be born under a lucky star* 'родиться под счастливой звездой'; *место под солнцем* 'жизненное пространство';

3) небесное свечение: *a ray of hope* ‘луч надежды’; *от зари до зари* ‘весь день’;

4) отсутствие света: *to walk in darkness* ‘бродить (как) в потемках, действовать наугад’; *раскидывать темноту* ‘притворяться, симулировать что-л., врать, темнить’;

5) оптические явления: *the pot of gold at the end of the rainbow* ‘несбыточная мечта; наводить тень на плетень’ ‘усложнять речь, делать её непонятной’;

6) воздушные явления (облака, тучи): *every cloud has a (its) silver lining* ‘и в плохом можно найти хорошее, нет худа без добра’; *витать (парить) в облаках (в эмпириях)* ‘находиться в мечтательном настроении, состоянии, оторвавшись от повседневности’.

2.6. Группу ФЕ с компонентами, обозначающими водные пространства и прилегающие к ним участки суши, представляют 238 (12%) английского языка и 211 ФЕ (13%) русского языка, распределенные по следующим подгруппам:

1) общие обозначения: *to get into hot water* ‘попасть в беду, «влипнуть», запутаться’; *возить воду на ком-л.* ‘нагружать тяжелой работой’;

2) моря, океаны: *between the devil and the deep (blue) sea* ‘в безвыходном положении’; *море по колено* ‘все нипочем, ничто не страшно кому-л.’;

3) реки, источники, проливы: *to cross the river* ‘преодолеть препятствие; умереть’; *кануть в реку забвения* ‘быть забытым, бесследно исчезнувшим’;

4) водоемы: *across the pond* ‘по ту сторону Атлантики (в США)’; *(хоть) пруд пруди* ‘большое количество чего-л.’;

5) части вод, водных пространств: *to bridge a gulf* ‘наладить отношения’; *посадить (сажать) на мель* ‘поставить кого л. в затруднительное положение’;

6) прилегающие к водам или омываемые водами участки суши: *a clear coast* ‘свободный путь’; *выйти из берегов* ‘потерять самообладание, равновесие (о человеке)’;

7) струи, волны: *the crest of the wave* ‘вершина, зенит славы’; *на гребне волны* ‘в выгодных условиях’;

8) лед: *to put smth on ice* ‘обеспечить успех чего-л., выиграть’; *растопить (разбить) лёд* ‘устранить недоверие, отчуждённость между кем-л.’.

2.7. К группе «Растительный мир» относятся 206 ФЕ (10%) английского языка и 200 ФЕ (12%) русского языка:

1) общие обозначения, например, *as trees walking* ‘неясно, нечётко, туманно’; *глядеть (смотреть) в корень* ‘вникать в существо дела’;

2) растения, например, *to gather life's roses* ‘срывать цветы удовольствия’; *вручать пальму первенства кому-л.* ‘признавать чьё-л. превосходство в чём-л. над кем-л.’;

3) грибы, например, *to spring up like mushrooms* ‘расти как грибы’, *назвался груздем, полезай в кузов* ‘о ситуации, когда уже поздно отказаться от своего решения’.

2.8. Следующей в количественном отношении является группа ФЕ с компонентами, относящимися к тематической сфере «Состояния природы, климат, погодные условия»: 134 английских ФЕ (7%) и 94 русских ФЕ (5%), которые можно разделить по следующим группам:

1) общие обозначения: *under the weather* ‘нездоровый, больной; в подавленном настроении’; *погоды не делает* ‘не имеет определяющего значения в каком-л. деле’;

2) жаркая погода, связанные с ней природные явления: *the burden and heat of the day* ‘бремя ежедневных забот’; *цыганская жара* ‘холод; озноб’;

3) холодная, морозная погода: *to leave out in the cold* ‘оказывать холодный приём, оставлять без внимания, выставлять на холод’; *мороз по коже (по спине) идет (пробежал, дерёт, продирает)* ‘о чувстве сильного холода или внезапного ужаса’;

4) осадки, сырая погода: *as pure as the driven snow* ‘невинен, чист как младенец’; *всё Божья роса кому* ‘кого-л. абсолютно ничего не волнует’;

5) ветер: *gone with the wind* ‘исчезнувший бесследно; ушедший в прошлое’; *как (будто) ветром сдувало (сдуло, сдунуло)* ‘о внезапном исчезновении кого-л, чего-л.’;

6) другие природные явления: *a tempest in a tea-pot* ‘буря в стакане воды’; *гром грянул* ‘пришла беда, случилось несчастье; последовало суровое наказание’.

2.9. К группе «Огонь и продукты горения» относятся 109 ФЕ (5%) английского языка и 71 ФЕ (4%) русского языка. Это такие ФЕ, как, например, *a fire in the blood* ‘огонь в крови, страсть, пылкость’; *сидеть как на (в) огне (углях, иголках)* ‘нервничать’.

3. Выводы

В результате исследования был выявлен основной состав английских и русских ФЕ, репрезентирующих природный код культуры, который составляет 2200 и 1800 ФЕ соответственно. Анализ компонентов, именующих природные объекты и явления и входящих в состав изучаемых ФЕ, позволил выделить семь тематических групп, а именно: животный мир; земля, ее рельеф, ландшафт местности; воздушное пространство, оптические явления; водные пространства, прилегающие к ним участки суши; растительный мир; состояния природы, климат, погодные условия; огонь и продукты горения. Количественное соотношение ФЕ, входящих в вышперечисленные тематические группы, показало, что природные явления и объекты являются универсальными для английской и русской лингвокультур: языковые единицы исследуемых языков в большей степени хранят память о наблюдениях человека за

животным миром, что, вероятно, связано с тем, что человек с древних времен сравнивал свое поведение, внешность и чувства с животными, которые его окружали. В меньшей степени картина мира народов – носителей русского и английского языков – отражена в ФЕ с компонентами, входящими в тематическую сферу «Огонь и продукты горения». Перспективным видится вопрос сопоставительного изучения степени фразеологической активности компонентов ФЕ, репрезентирующих природный код культуры, в рамках предложенной тематической классификации, что позволит выделить универсальные и национально-специфические особенности исследуемых ФЕ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2-х т. Москва: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. Т. 1. 472 с.
2. Войтенко Е. Ю. Методика лингвистического анализа фразеологических единиц, репрезентирующих природный код культуры // Донецкие чтения 2020: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности. Донецк: ДонНУ, 2020. С. 26-28.
3. Воркачев С. Г. Культурный концепт и значение // Труды Кубанского государственного технологического университета. Сер. Гуманитарные науки. Краснодар, 2003. Т. 17. Вып. 2. С. 268-276.
4. Гудков Д. Б. Единицы кодов культуры: проблемы семантики // Язык, сознание, коммуникация. Москва: МАКС Пресс, 2004. Вып. 26. С. 39-50.
5. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Санкт-Петербург: Кристалл, 2001. 400 с.
6. Ковшова М. Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры // Известия РАН. Серия литературы и языка. Москва, 2008. Т. 67. № 2. С. 60-65.
7. Ковшова М. Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): автореф. дисс. ... д-ра. филол. наук: 10.02.19. Москва, 2009. 49 с.
8. Applied Cultural Linguistics: Implications for second language learning and intercultural communication. Ed. by Farzad Sharifian and Gary B. Palmer. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publ., 2007. Vol. 7. 170 p.
9. Barnard Helen. Nature, Human Nature and Value. A Study in Environmental Philosophy. University of Wales, Cardiff. 2006. 383 p. Доступ: <https://orca.cf.ac.uk/54314/1/U584128.pdf>. (дата обращения: 05.01.2021).
10. Byessonova O., Trofimova E. Professional Development of English Language Teachers: a Case Study of Donetsk National University // ICERI 2020 Proceedings. 2020. P. 8536-8545.
11. Byessonova O. L. Interdisciplinary Approach to Foreign Languages Training in Slovakia: a Case Study of University of Ss. Cyril and Methodius // Humanities Across the Borders: Further Interdisciplinary Issues / Eds. E. Hornáčková-Klapicová, E. Smetanová. Madrid: EDICIONES XORKI, 2016. P. 11-28.
12. Phraseology and Culture in English / Ed. by Paul Skandera. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2007. 512 p.
13. Phraseology. An interdisciplinary perspective / Ed. by Sylviane Granger, Fanny Meunier. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2008. 422 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Телия В. Н. Большой фразеологический словарь русского языка Значение. Употребление. Культурологический комментарий. Москва: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с. [БФСРЯ]
2. Большой академический словарь русского языка / под ред. К. С. Горбачевича. Москва: Наука. Т. 20. 2012. 730 с. [БАС]
3. Большая российская энциклопедия. Доступ: <https://bigenc.ru>. (дата обращения: 05.01.2021). [БРЭ].
4. Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общей ред. Н. Ю. Шведовой. Москва: РАН. Ин-т рус. яз. Т.1. 2002. 807 с. [РСС].
5. The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles. Oxford: Oxford University Press, 2002. Vol. 1-2. 3809 p. [SOED].

REFERENCES

1. Apresyan, Yu. D. (1995). *Izbrannye Trudy* [Selected works]: v 2-kh t. Moskva: Shkola «Yazyki russkoy kultury», Izdatelskaya firma «Vostochnaya literatura» RAN. T. 1. (In Russ.).
2. Voitenko, E. Yu. (2020). Metodika lingvisticheskogo analiza frazeologicheskikh edinit, reprezentuyushchikh prirodnyy kod kultury [Methods of linguistic analysis of phrasological units representing the cultural code «Nature»]. In *Donetskie chteniya 2020: obrazovanie, nauka, innovatsii, kultura i vyzovy sovremennosti*. Donetsk, DonNU. Pp. 26-28. (In Russ.).
3. Vorkachev, S. G. (2003). Kulturnyy kontsept i znachenie [Cultural concept and meaning]. In *Trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*. Krasnodar. T. 17. Vyp. 2. Pp. 268-276. (In Russ.).
4. Gudkov, D. B. (2004). Edinitsy kodov kultury: problemy semantiki [Units of cultural codes: problems of semantics]. In *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya*. Moskva: MAKS Press. Vyp. 26. Pp. 39-50. (In Russ.).
5. Gumilev, L. N. (2001). *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and Biosphere of the Earth]. Sankt-Peterburg: Kristall. (In Russ.).
6. Kovshova, M. L. (2008). Analiz frazeologizmov i kody kultury [The analysis of idioms and codes of culture]. In *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. T. 67. No. 2. Pp. 60-65. (In Russ.).
7. Kovshova, M. L. (2009). Semantika i pragmatika frazeologizmov (lingvokulturologicheskiy aspekt) [Semantics and pragmatics of idioms (linguocultural aspect)]: avtoref. diss. ... d-ra. filol. nauk: 10.02.19. Moskva. (In Russ.).
8. Farzad Sharifian and Gary B. Palmer (ed.) (2007). *Applied Cultural Linguistics: Implications for second language learning and intercultural communication*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publ. Vol. 7.
9. Barnard, Helen. (2006) *Nature, Human Nature and Value. A Study in Environmental Philosophy*. University of Wales, Cardiff. Available at: <https://orca.cf.ac.uk/54314/1/U584128.pdf>. (accessed: 05.01.2021).
10. Byessonova, O., Trofimova, E. (2020). Professional Development of English Language Teachers: a Case Study of Donetsk National University // *ICERI 2020 Proceedings*. Pp. 8536-8545.
11. Byessonova, O. L. (2016). Interdisciplinary Approach to Foreign Languages Training in Slovakia: a Case Study of University of Ss. Cyril and Methodius. In *Humanities Across the Borders: Further Interdisciplinary Issues* / Eds. E. Hornáčková-Klapičová, E. Smetanová Madrid: EDICIONES XORKI. Pp. 11-28.
12. Skandera, Paul (ed.) (2007). *Phraseology and Culture in English*. Berlin: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG.

13. Granger, Sylviane & Fanny Meunier (ed.) (2008). *Phraseology. An interdisciplinary perspective*. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. *Bolshoy frazeologicheskiy slovar russkogo yazyka. Znachenie. Upotreblenie. Kulturologicheskiy kommentariy* [The Great Phraseological Russian Dictionary. Meaning. Use. Cultural Background Information]. Moskva: AST-PRESS KNIGA, 2006. (In Russ.).

2. *Bolshoy akademicheskiy slovar russkogo yazyka* [The Great Academic Dictionary of the Russian Language]. Moskva: Nayka, 2012. (In Russ.).

3. *Bolshaya rossiyskaya entsiklopediya* [Great Russian Encyclopedia]. Available at: <https://bigenc.ru>. (accessed: 05.01.2021).

4. *Russkiy semanticheskiy slovar. Tolkovyy slovar, sistematizirovanny po klassam slov i znacheniy* [Russian Semantic Dictionary. An explanatory dictionary organised by word and meaning classes]. Moskva: RAN. In-t rus. yaz., 2002. T. 1. (In Russ.).

5. *The New Shorter Oxford English Dictionary on Historical Principles*. Oxford: Oxford University Press, 2002. Vol. 1-2.

Войтенко Елена Юрьевна – аспирант
кафедры английской филологии
(e-mail: elena-vtn@mail.ru),
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»,
283001, Донецк, Университетская, 24

Voitenko Yelena Yu. – Post-Graduate Student
of English Philology Department
(e-mail: elena-vtn@mail.ru),
State Educational Institution of Higher
Professional Education
«Donetsk National University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 13 января 2021 г.

УДК 81'27:81'374

© 2021 В. П. Джиоева

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА, ОБОЗНАЧАЮЩАЯ НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ И СОВОКУПНОСТЕЙ ЛИЦ В ОСЕТИНСКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Настоящая статья посвящена изучению общественно-политической лексики в политической коммуникации Республики Южная Осетия и Государства Гибралтар. В работе исследуются специфика лексики общественно-политической жизни осетинского и английского языков и этнолингвокультурные особенности наименований лиц и совокупностей лиц, относящихся к политике; названий политических и общественных движений в осетинском и английском языках. Исследование осуществляется на материале СМИ Республики Южная Осетия и Государства Гибралтар.

Ключевые слова: общественно-политическая лексика, номенклатурные наименования, этнолингвокультурные особенности, политические партии и движения, Республика Южная Осетия, Государство Гибралтар.

© 2021 V. P. Dzhioeva

SOCIO-POLITICAL VOCABULARY OF NAMES OF PERSONS AND AGGREGATES OF PERSONS IN ENGLISH AND OSSETIAN

The present article addresses the study of socio-political vocabulary in the political communication in the Republic of South Ossetia and in Gibraltar. The specific characteristics of the vocabulary of socio-political life of the English and Ossetian languages and ethnolinguocultural features of the names of state and political figures and political movements are under study in the paper. The investigation is based on media coverage of the Republic of South Ossetia and Gibraltar.

Key-words: socio-political vocabulary, nomenclature, ethnolinguocultural features, political parties and movements, the Republic of South Ossetia, Gibraltar.

Введение. В настоящей работе проводится анализ общественно-политической лексики в политической коммуникации в Республике Южная Осетия и Государстве Гибралтар на материале наименований лиц и совокупностей лиц, представляющих политическую элиту государства и названий государственных и политических институтов, а также наименований общественных и политических движений в двух государствах. В рамках данной статьи рассматриваются такие наименования, как номенклатура (представители власти), политические и общественные движения. Общественно-политический словарь Республики Южная Осетия представлен такими лексическими единицами, как: *Хицауады Сæрдар* 'Глава Правительства'; *Паддзахады Сæргълаууаг* 'Глава Государства'; *Парламенты Сæргълаууаг* 'Председатель парламента' и *Ныхас* 'Собрание'; *Адамон Ныхас* 'Народное Собрание, Надежда Народа'; *Адамон парти* 'Народная партия'; *Сæрибары Фæзуат* 'Площадь Свободы'; *Иугонд Ирыстон* 'Единая Осетия'; *Иудзинад* 'Единство'. Лексическими

единицами, ставшими объектом настоящего исследования в политическом дискурсе Государства Гибралтар, послужили следующие наименования: *Chief Minister* ‘Главный Министр’; *Governor* ‘Губернатор’; *president* ‘президент’; *Prime Minister* ‘Премьер-министр’; *Speaker* ‘Спикер’: *Together Gibraltar* ‘Прогрессивная демократическая партия’, *Gibraltar Social Democrats* ‘Социал-демократическая партия Гибралтара’, *Gibraltar Socialist Labour Party (GSLP)* ‘Социалистическая лейбористская партия Гибралтара’, *Liberal Party* ‘Либеральная партия’ и др.

Актуальность работы продиктована недостаточной исследованностью лексики, представленной в общественно-политическом дискурсе Республики Южная Осетия в сопоставлении с лексикой данной сферы в англоязычной (Государство Гибралтар) общественно-политической коммуникации.

Цель исследования – выявить специфические черты оформления общественно-политической лексики в рассматриваемых государствах с позиций этнолингвокультурологии.

Материалом для исследования послужили тексты печатных и электронных СМИ Республики Южная Осетия и Государства Гибралтар (пресс-релизы, информационные бюллетени, правительственные документы, новостные порталы).

Теоретическую базу исследования составили работы в области: терминоведения (К. Я. Авербух, О. С. Ахманова, Б. Н. Головин, С. В. Гринев-Гриневиц, Р. Ю. Кобрин, В. М. Лейчик, В. А. Татаринев и др.); сопоставительного анализа языков (В. Д. Аракин, Л. С. Бархударов, В. Г. Гак, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова, А. А. Леонтьев, В. З. Панфилов, А. А. Реформатский, Б. А. Серебренников, А. И. Смирницкий, Ю. С. Степанов, Л. В. Щерба и др.); политической лингвистики (Э. Бенвенист, Э. В. Будаев, Р. Водак, В. И. Герасимов, Г. А. Заварзина, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова, П. Серио, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.). Изучением истории формирования общественно-политической лексики занимались В. В. Акуленко, А. А. Алексеева, Т. С. Коготкова, Р. В. Сорокин и др.

Политическая система не может существовать без языка, т. к. основой функционирования политической системы является коммуникация. Язык политики используется как непосредственно в политической коммуникации (между агентами политики в рамках институционального дискурса), так и в СМИ [Инжечик, 2016].

Западные лингвисты исследуют политический язык обособленно от лексики и терминологии общественных и других наук. По утверждению немецкого языковеда Х. Гирнтха, для политики язык служит не только средством вербальной реализации целей

и стратегий, а также условием ее функционирования [Girnth, 2003: 1], ввиду того, что именно язык используется для информирования посредством СМИ не только представителей политической верхушки, но и широких масс о происходящих в обществе и в мире в целом событиях, и своевременного принятия важных политических и социально значимых решений.

Лексика является самой значительной частью языковой системы, и она преобразуется в соответствии с переменами в различных сферах человеческой жизни в той или иной стране в разные периоды истории страны [Гейко, 2013].

Изучением общественно-политической коммуникации занимается такая область лингвистики, как политическая лингвистика, исследующая язык политики на стыке политологии и лингвистики. Понятие «политическая лингвистика» было употреблено впервые А. Буркхардтом в 1996 г. [Burkhardt, 1996: 82].

Согласно определению И. Ф. Протченко, общественно-политическая лексика – это часть словарного состава языка, состоящая из наименований реалий, явлений и понятий общественно-политической жизни, а также других сфер жизнедеятельности человека, таких как: экономика, юриспруденция, религия, культура и др. [Протченко, 1984: 58].

По мнению И. В. Токаревой, общественно-политическая лексика – это особая составляющая языка, применяемая с целью изучения сферы политики, экономики и специфики политико-экономических явлений в обществе [Токарева, 2011: 135].

Большое влияние на лексический состав языка оказывают экстралингвистические составляющие коммуникации, поэтому язык несет в себе черты происходящих в стране событий и существующего общественно-политического строя [Кульчиева, 2005: 65].

В данной статье рассматривается общественно-политическая лексика как составляющая общественно-политического словаря на материалах осетино- и англоязычных СМИ. Общественно-политическая лексика носит социально-ориентированный и общеупотребительный характер, т. к. единицы общественно-политического словаря расцениваются как пласт конвенциональной лексики, о чем свидетельствует материал публицистических изданий и уровень вовлеченности широких слоев населения всех стран в общественно-политическую жизнь [Розенталь, 1980: 26].

И в Республике Южная Осетия, и в Государстве Гибралтар существует однопалатный парламент. Однако система выборов в парламент имеет дифференциальные черты – в Республике Южная Осетия функционирует смешанная избирательная система: часть избирается путем пропорционального представительства в одном общенациональном округе, а остальные избираются путем голосования в одномандатных

округах. В Государстве Гибралтар применяется система дополнительного членства (Additional Member System). Согласно этой системе, каждый из членов парламента избирается на четырехлетний срок в одном округе, и каждый избиратель может сделать свой выбор из десяти кандидатов. Образуется единый избирательный округ, при этом избиратели имеют только десять голосов. В новейшей истории Республики Южная Осетия функционирует 15 политических партий. Из всех партий, принимавших участие в парламентских выборах 2019 года, по результатам выборов в парламент прошли 5 политических партий.

1. Политические партии и движения в Республике Южная Осетия. Одним из наиболее значимых политических движений в истории Южной Осетии является «*Адамон Ныхас*» ‘Народное Собрание’. Согласно историко-этимологическому словарю осетинского языка В. И. Абаева, *ныхас* – это ‘собрание мужчин аула для беседы, обсуждения текущих дел, место (площадь), где обычно собираются для беседы мужчины’; в эпосе встречается упоминание об особом помещении для *ныхаса* «*nixasdon*». *Narty Nuxas* ‘Нартовский Нихас’ – площадь в селении Лац в Куртатинском ущелье, где, по преданию, восседали Нарты (герои-богатыри, персонажи эпоса народов Кавказа) [Абаев, 1973: 219-220]. В осетинско-русском словаре В. И. Абаева *ныхас* переводится как: 1) речь; слово; разговор, беседа; 2) *ист. ныхас* (место, где мужчины проводили свое свободное время). Слово близко по значению старым русским названиям «*сбор*» и «*вече*» [Блиев, Бзаров, 2000].

В Осетии в XV-XVI вв. политический строй был демократическим. Слово *демократия* переводится с древнегреческого как ‘народоправие’ или ‘власть народа’. Судебным органом для разрешения отдельных случаев становилось народное собрание. На *ныхасе* расследовались преступления против общины и нарушения общественной морали. Народное собрание *ныхас* являлось высшим органом управления. Слово происходит от общего корня с глаголом *ныхасын* ‘склеивать, соединять’. Народное собрание объединяло людей и было символом единства народа [Блиев, Бзаров, 2000].

В 1992 году был возрожден важнейший общественный институт самоуправления Осетии – «Хистæрты Ныхас» ‘Совет старейшин’. Лидерами этого прогрессивного процесса выступили представители старшего поколения осетинского народа на юге и севере Осетии [Алания информ, 4 декабря 2019].

В конце 1980-х гг. XX века при кафедре осетинского языка и литературы Юго-Осетинского педагогического института функционировал студенческий клуб «*Ныхас*», где занимались более углубленным изучением осетинского языка и литературы, истории,

народных обычаев и обрядов. 22 ноября 1988 года группой общественных деятелей и представителей интеллигенции эта студенческая организация была преобразована в рупор национально-освободительного движения южных осетин «*Адамон Ныхас*» ‘Народное Собрание’ в силу сложившейся на тот момент тенденции Грузии к выходу из состава СССР и объявлению националистической политики [Блиев, 2006: 56]. Движение в защиту национального языка переросло в полноценное национально-освободительное движение. Именно это общественное движение сыграло ключевую роль в провозглашении независимости Южной Осетии.

31 августа 2012 года в Южной Осетии была зарегистрирована новая политическая партия «Ирыстон – сæрибары фæзуат» («Осетия – площадь свободы») [Рес, 05.09.2012]. Слово *фæз*, *фæзбыдыр* согласно осетинско-русскому словарю В. И. Абаева обозначает: 1) разница; 2) плоскость; 3) площадь; 4) ровный, плоский, гладкий; *фæзуат* (мн. *фæзусттæ*) ‘площадь’. *Адамон парти* ‘Народная партия’, социально-либеральная политическая партия Республики Южная Осетия была образована в 2003 году.

Рассмотрим некоторые примеры вербализации наименований политических объединений.

«Адамон Ныхас»-ы лидертæн сæ фылдæр бацыдысты Хуссар Ирыстонæ закъондæттынадон æмбырды фыццаг æрседты скондмæ, уынджы трибунæйы парламентаон трибунæйæ баивгæйæ [Хурзæрин, 07.12.2018]. ‘Большинство лидеров «Народного Собрания» вошли в состав первого созыва парламента Южной Осетии, сменив уличную трибуну на трибуну парламента’.

Парти «Иудзинад» бацахста Парламенты Сæрдары æртæ хæдивæдджы бынæттæ æмæ ма ноджы 4 парламентаон комитеты [Хурзæрин, 07.12.2018]. ‘Депутаты от партии «Единство» заняли должности трех заместителей председателя парламента и возглавили 4 парламентских комитета’.

Нæ йæм бахаудысты парти «Иудзинад»-ы минæвæрттæ дæр, кæцытæ фылдæр бынæттæ ахстой раздæры Парламенты [Хурзæрин, 07.12.2018]. ‘В его состав не вошли и представители партии «Единство», занимавшие подавляющее число должностей при предыдущем созыве’.

Иннæ цыппар комитеты сæргъ слæууыдысты «Адамон парти»-йы минæвæрттæ [Хурзæрин, 07.12.2018]. ‘Остальные четыре комитета возглавили депутаты от «Народной партии»’.

Республикон политикон парти «Иугонд Ирыстон»-ы Централон комитет æвдисы йæ катайдзинад парламентаон фылдæр хайы партийы зынгæ минæвæртты, «сау»

пиары методтæй пайдæ кæнгæйæ, дарддæр дæр дискредитаци кæнынмæ кæй фæлварыны, уый фæдыл [Хурзæрин. 27.07.2018]. 'Центральный комитет республиканской политической партии «Единая Осетия» выражает озабоченность по поводу «черного» пиара, методами которого продолжают пользоваться для дискредитации членов партии парламентского большинства'.

2. Политические партии и движения в Государстве Гибралтар. Правоцентристская политическая партия (*Gibraltar Social Democrats* 'Социал-демократическая партия Гибралтара'), несмотря на название, исповедует консервативные принципы была основана в 1989 году. В 2005 году объединилась с Гибралтарской лейбористской партией. Партия возникла на обломках Ассоциации развития гражданских прав и на протяжении длительного времени побеждала на парламентских выборах в Гибралтаре. Лидер и основатель партии Петер Каруана с 1996 по 2011 год возглавлял правительство Гибралтара.

Социалистическая лейбористская партия Гибралтара (*Gibraltar Socialist Labour Party* (*GSLP*)) основана в 1978 году одним из профсоюзных деятелей Джо Боссано. Стоит на левоцентристских позициях. Боссано умело использовал недовольство докеров и портовых рабочих Гибралтара действиями британских властей, направленными на сокращение социальных программ и заработных плат. Одновременно он выступал и против попыток Испании пересмотреть статус Гибралтара.

Либеральная партия Гибралтара (*Liberal Party*) была основана в 1991 году и считает, что необходимо добиться самоопределения граждан Гибралтара относительно их дальнейшего статуса. Партия верит в свободу, ответственность, толерантность, социальную справедливость и равенство возможностей. Партия заявляет, что «открытому обществу нужны свободные рынки, либеральное общество требует рыночной экономики».

Вместе Гибралтар (*Together Gibraltar* 'Прогрессивная демократическая партия') является прогрессивной политической партией, основанной 28 ноября 2018 года. Вместе Гибралтар была основана как политическая организация независимым депутатом Марлен Хассан Нахон, бывшим членом партии «Социал-демократы Гибралтара».

Приведем примеры репрезентации наименований политических движений в Государстве Гибралтар.

As a result, Members of the House and members of the public have had full and transparent notice from the Government of the legislative detail of our intention for some weeks now [HM Government of Gibraltar, September 25, 2020]. 'В результате, членов парламента

и представителей общественности правительство уведомило о законодательной базе этого предприятия несколько недель назад’.

*<...> he found himself always wanting to serve the community, joining the **Liberal Party** at 25 years-old and recently being elected to his current position in 2019 <...>* [HM Government of Gibraltar, November 20, 2020]. ‘<...> он всегда хотел служить обществу, вступил в Либеральную Партию в возрасте 25 лет, а в 2019 году был избран на текущую должность <...>’.

HM Government of Gibraltar <...> will continue to pursue a policy of informing relevant actors as to the state of play of Brexit [HM Government of Gibraltar, December 02, 2020]. ‘Правительство Ее Величества в Гибралтаре <...> будет и дальше придерживаться политики информирования соответствующих политических акторов о процессе Брексита’.

3. Номенклатурные наименования в Республике Южная Осетия. Южная Осетия по форме правления является унитарной президентской республикой. Глава государства – президент, он избирается прямым всеобщим тайным голосованием каждые пять лет. Парламент республики избирается путем всеобщих тайных выборов также сроком на пять лет. Согласно конституции, политическая роль правительства ограничивается доминированием президента в системе исполнительной власти. В Республике Южная Осетия отмечается двойственность исполнительной власти, хотя глава государства одновременно является и главой исполнительной власти.

Номенклатурные наименования в Республике Южная Осетия можно продемонстрировать на примерах:

Республикæ Хуссар Ирыстонæ Хицауады Сæрдар <...> аугъта электроэнерги технологон æгъдауæй сафын фæкъаддæр кæнын æмæ электроэнерги хардз кæнын фиддонтæ æмбырд кæнын æмвæзад фæхуыздæр кæнын фæдыл æхсæнведомствойон кусæгон къамисы рабадт [Хурзæрин, 04.04.2021]. ‘Глава Правительства Республики Южная Осетия <...> провел заседание межведомственной комиссии по вопросам экономии электроэнергии и улучшения качества оплаты электроэнергии’.

Республикæ Хуссар Ирыстонæ Хицауады Сæрдар <...> базонгæ Цхинвалы уынгты хæрзарæзтады фæдыл куыстыты уавæримæ [Хурзæрин. 01.10.2018]. ‘Глава Правительства Республики Южная Осетия <...> ознакомился с процессом благоустройства улиц Цхинвала’.

Знон Республикæ Хуссар Ирыстонæ Президент <...> æмбырд ауагъта подрядон организацинты минæвæрттæ æмæ закъазгæнджытимæ [Хурзæрин. 18.05.2017]. ‘Вчера

Президент Республики Южная Осетия <...> провел совещание с подрядными организациями и заказчиками’.

Уыцы бон ма Хуссар Ирыстоны Президент <...> амбырд ауагъта горæты центры уазæгдон «Ирыстон»-ы реконструкцийы фарсты фæддыл дæр [Хурзæрин. 18.05.2017]. ‘В тот же день Президент Южной Осетии <...> также провел совещание по вопросам реконструкции гостиницы «Ирыстон»’.

4. Номенклатурные наименования в Государстве Гибралтар. Гибралтар – это британская заморская территория, расположенная на южной оконечности Пиренейского полуострова, стратегически расположенная в западной части Средиземноморья. Гибралтар граничит с Испанией на севере. На юге находится Марокко, на другой стороне Гибралтарского пролива, одной из самых важных судоходных трасс в мире.

Гибралтар имеет парламент в Вестминстерском стиле и отвечает за свои внутренние дела, в то время как иностранные дела и оборона остаются в ведении правительства Великобритании. Его представляет в Гибралтаре губернатор генерал-лейтенант Эдвард Дэвис. Главным министром (**Chief Minister**) является Фабиан Пикардо, лидер Социалистической лейбористской партии Гибралтара.

Главный министр – избираемый глава правительства местного уровня (штата, союзной территории, провинции, заморской территории и тому подобного). В истории есть также примеры переименования или упразднения такой должности: в 1950–1970-х годах главные министры существовали в ряде стран. Позднее во всех этих государствах должность была переименована в «премьер-министр». Премьер-министр или также Первый министр (от фр. *le premier* ‘первый’) – глава исполнительной власти в государствах, где эта должность отделена от должности главы государства, а также в субъектах федеративных государств. В парламентских республиках является фактическим главой государства [Карта слов и выражений русского языка].

<...> *the Foreign Secretary <...> and the Chief Minister of Gibraltar, Fabian Picardo agreed on their joint approach to the upcoming negotiations on a treaty between the EU and the UK in respect of Gibraltar* [YGTV, 30 March, 2021]. ‘<...> **Министр иностранных дел <...>** и главный министр Гибралтара Фабиан Пикардо выработали общий подход к предстоящим переговорам по соглашению между Евросоюзом и Великобританией касательно Гибралтара’.

The Chief Minister expressed “the sincere gratitude” of the people of Gibraltar for the UK’s support <...> [Gibraltar Chronicle, March 29, 2021]. ‘**Главный министр** выразил

«искреннюю признательность» народа Гибралтара за поддержку со стороны Великобритании <...>’.

<...> *Mr. Speaker, this Bill comes before this Parliament in the same week as the Parliament in Westminster has been advised by the Chancellor* <...> [HM Government of Gibraltar, September 25, 2020]. ‘<...> Господин **спикер**, этот законопроект будет представлен на рассмотрение в **Парламент** на той же неделе, что и в **Парламент** Вестминстера согласно рекомендации **министра финансов** <...>’.

So I will be discussing this matter with my colleagues in Cabinet this week [HM Government of Gibraltar, June 01, 2020]. ‘Я буду обсуждать этот вопрос с коллегами по **Кабинету министров** на этой неделе’.

5. Выводы

На основе проведенного исследования целесообразно сделать следующие выводы.

5.1. В Республике Южная Осетия и в Государстве Гибралтар наименования ключевых государственных и партийных должностей, политических и общественных движений носят идеологизированный характер. Семантический объем названий политических и общественных движений эквивалентен политике и уставу организации.

5.2. Наименования выбранного ряда в осетинском языке с точки зрения морфологии представлены следующими типами: корневые (*парти*); аффиксальные (*иугонд*); сложные (*Сæргъ-лауу-æг*).

5.3. В английском общественно-политическом словаре наименования выбранной тематики характеризуются преобладанием чисто терминологических единиц. Морфологические типы: корневые (*Cabinet*), аффиксальные (*Social-ist*).

5.4. В качестве универсальной особенности наименования политических движений в общественно-политической коммуникации в Республике Южная Осетия и Государстве Гибралтар целесообразно выделить наличие лексического компонента со значением общности, в Республике Южная Осетия две из пяти партий, представленных в парламенте, называются *Иудзинад* ‘Единство’ и *Иугонд Ирыстон* ‘Единая Осетия’. В Государстве Гибралтар одной из четырёх политических партий, является партия *Together Gibraltar* ‘Вместе Гибралтар’. Таким образом, можно сделать вывод о сходстве политических интересов, о близких принципах расстановки приоритетов в политике.

5.5. Особенностью номенклатурных наименований в Государстве Гибралтар является наименование главы государства *Chief Minister* ‘Главный Министр’ (термин, используемый для обозначения избранного или назначенного первого лица, в

большинстве случаев, в субнациональном субъекте, например административном подразделении или субъект федерации).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Ленинград: Наука, 1973. Т. 2. 448 с.
2. Блиев М. М, Бзаров Р. С. «ИСТОРИЯ ОСЕТИИ». Владикавказ: Ир, 2000. Доступ: <http://ossetians.com/rus/news.php?newsid=750>. (дата обращения: 29.01.2021).
3. Блиев М. М. Южная Осетия в коллизиях российско-грузинских отношений. Москва: Проект-Пресс, 2006. 150 с.
4. В Южной Осетии зарегистрирована новая политическая партия // Государственное информационное агентство «Рес». 05.09.2012. Доступ: <http://cominf.org/node/1166494560>. (дата обращения: 29.01.2021). [Рес].
5. Гейко Н. Р. Общественно-политическая лексика в публицистическом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 194-197.
6. Инжечик А. А. Особенности политического языка, общественно-политической лексики и терминологии в современном немецком языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 4-х ч. Тамбов: Грамота, 2016. № 12-4 (66). Ч. 4. С. 108-111.
7. Кульчиева М. Б. Вклад русского языка в становление и развитие общественнополитической терминологии осетинского языка: автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.02. Владикавказ, 2005. 156 с.
8. «Хистæрты Ныхас»: время – самый дорогой ресурс! // Информационное агентство «Алания информ». 4 декабря 2019. Доступ: <http://osinform.org>. (дата обращения: 29.01.2021). [Алания информ].
9. Протченко И. Ф. Русский язык: проблемы изучения и развития. Москва, 1984. 222 с.
10. Розенталь Д. Э. Язык и стиль средств массовой информации и пропаганды. Москва, 1980. 256 с.
11. Токарева И. В. Аспекты терминологизации немецких лексических заимствований (сущность дефиниции терминопонятия «общественно-политическая лексика») // Актуальные вопросы филологических наук. Чита, 2011. С. 134-137.
12. Burkhardt A. Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung // Sprachstrategien und Dialogblockaden: linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation. Berlin: de Gruyter, 1996. S. 75-100.
13. Girth H. Sprache und Sprachverwendung in der Politik. Eine Einführung in die linguistische Analyse öffentlich-politischer Kommunikation // Gesprächsforschung. Tübingen: de Gruyter, 2003. S. 1-8.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. Республикон политикон парти «Иугонд Ирыстон»-ы централон комитеты Хъусынгæнинаг // Хурзæрин. 27.07.2018. Доступ: <https://new.xurzarin.ru>. (дата обращения: 25.01.2021).
2. Хуссарирыстойнаг парламентаризмы кадджын фæндаг // Хурзæрин. 07.12.2018. Доступ: <https://new.xurzarin.ru>. (дата обращения: 25.01.2021)

3. Chief Minister's Address to Parliament – Appropriation Bill to further extend the current financial period to March 2021 – 656/2020 // HM Government of Gibraltar. September 25, 2020. Доступ: <https://www.gibraltar.gov.gi>. (дата обращения: 22.12.2020).
4. Virtual meeting of Gibraltar and Sister City Raleigh to discuss transport, tourism and innovation – 824/2020 // HM Government of Gibraltar. November 20, 2020. Доступ: <https://www.gibraltar.gov.gi>. (дата обращения: 29.11.2020).
5. Statement Regarding Union General de Trabajadores – 867/2020 // HM Government of Gibraltar. December 02, 2020. Доступ: <https://www.gibraltar.gov.gi>. (дата обращения: 09.01.2021).
6. Республика Хуссар Ирыстоны Президенты Барамындтæ // Хурзæрин. 04.04.2021. Доступ: <https://new.xurzarin.ru>. (дата обращения: 09.04.2021)
7. Пухаты Эрик бабæрæг кодта уынгты арæзтад // Хурзæрин. 01.10.2018. Доступ: <https://new.xurzarin.ru>. (дата обращения: 29.11.2020).
8. Бибылты Анатоли: «Арæзтадон куыстытæ хъуамæ фæуой æмгъуыдмæ æмæ гъæдджынай» // Хурзæрин. 18.05.2017. Доступ: <https://new.xurzarin.ru>. (дата обращения: 29.11.2020).
9. Главный министр // Карта слов и выражений русского языка. Доступ: <https://kartaslov.ru>. (дата обращения: 09.01.2021).
10. Joint Ministerial Statement on Treaty between UK and EU in respect of Gibraltar // YGTV. March 30, 2021. Доступ: <https://www.yourgibraltartv.com>. (дата обращения: 05.04.2021).
11. Raab highlights ‘goodwill on all sides’ ahead of treaty talks, but Spanish checks inside Gibraltar ‘not acceptable’ // Gibraltar Chronicle. March 29, 2021. Доступ: <https://www.chronicle.gi> (дата обращения: 05.04.2021).
12. Press Conference 1st June 2020 // HM Government of Gibraltar. June 01, 2020. Доступ: <https://www.gibraltar.gov.gi>. (дата обращения: 05.12.2020).

REFERENCES

1. Abaev, V. I. (1973). *Istoriko-etimologicheskii slovar osetinskogo yazyka* [Historical-etymological dictionary of ossetian language]. Leningrad: Nauka. T. 2. (In Russ.).
2. Bliiev, M. M, Bzarov, R. S. (2000). «*Istoriya Osetii*» [«History of Ossetia»]. Vladikavkaz: Ir. Available at: <http://ossetians.com/rus/news.php?newsid=750>. (accessed: 29.01.2021). (In Russ.).
3. Bliiev, M. M. (2006). *Yuzhnaya Osetiya v kolliziyakh rossiysko-gruzinskikh otnosheniy* [South Ossetia in the framework of Russia-Georgia relationship]. Moskva: Proekt-Press. (In Russ.).
4. V Yuzhnoy Osetii zaregistrovana novaya politicheskaya partiya [A new political party has been registered in South Ossetia]. In *Gosudarstvennoe informatsionnoe agentstvo «Res»*. Available at: <http://cominf.org/node/1166494560> (accessed: 29.01.2021). (In Russ.).
5. Geyko, N. R. (2013). Obshchestvenno-politicheskaya leksika v publicisticheskom diskurse [Socio-political vocabulary in publicistic discourse]. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2013. № 1 (292). Filologiya. Iskusstvovedenie. Vyp. 73. Pp. 194-197. (In Russ.).
6. Inzhechik, A. A. (2016). Osobennosti politicheskogo yazyka, obshchestvenno-politicheskoy leksiki i terminologii v sovremennom nemetskom yazyke [Peculiarities of political language, socio-political vocabulary and terminology in modern German language]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki: v 4-kh ch.* Tambov: Gramota. № 12-4 (66). Ch. 4. Pp. 108-111. (In Russ.).
7. Kulchieva, M. B. (2005). Vklad russkogo yazyka v stanovlenie i razvitie obshchestvenno-politicheskoy terminologii osetinskogo yazyka [The role of Russian language in

formation and development of socio-political vocabulary in Ossetian]: avtoref. diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.02. Vladikavkaz. (In Russ.).

8. «Histærtÿ Nyhas»: vremÿa – samÿy dorogoy resurs! [«Council of Elders»: time is the best resource!]. In *Informatsionnoe agentstvo «Alaniya inform»*. 4 dekabrya 2019. Available at: <http://osinform.org>. (accessed: 29.01.2021). (In Russ.).

9. Protchenko, I. F. (1984). *Russkiy yazyk: problemy izucheniya i razvitiya* [Russian language: problems of its study and development]. Moskva. (In Russ.).

10. Rozental, D. E. (1980). *Yazyk i stil sredstv massovoy informatsii i propagandy* [Language and style of mass media]. Moskva. (In Russ.).

11. Tokareva, I. V. (2011). *Aspekty terminologizatsii nemetskikh leksicheskikh zaimstvovaniy (sushchnost definitsii terminoponyatiya «obshchestvenno-politicheskaya leksika»)* [Aspects of term-forming of German lexical borrowings (the essence of definition of the term «socio-political vocabulary»)] In *Aktualnye voprosy filologicheskikh nauk*. Chita. Pp. 134-137.

12. Burkhardt, A. (1996). *Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung. In Sprachstrategien und Dialogblockaden: linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation*. Berlin: de Gruyter. Pp. 75-100.

13. Girnth, H. (2003). *Sprache und Sprachverwendung in der Politik. Eine Einführung in die linguistische Analyse öffentlich-politischer Kommunikation*. In *Gesprächsforschung*. Tübingen: de Gruyter. Pp. 1-8.

SOURCES OF ILLUSTRATIVE MATERIAL

1. Respublikon politikon parti «Iugond Iryston»-y centralon komitety Husyngæninag [An official announcement, made by the central committee of the political party «United Ossetia»]. In *Hurzærin*. 27.07.2018. Available at: <https://new.xurzarin.ru>. (accessed: 25.01.2021). (In Osset.).

2. Hussarirystojnag parlamentarizmy kaddzhyn fændag [Honourable way of South Ossetian parliamentary tradition]. In *Hurzærin*. 07.12.2018. Available at: <https://new.xurzarin.ru>. (accessed: 25.01.2021). (In Osset.).

3. Chief Minister's Address to Parliament – Appropriation Bill to further extend the current financial period to March 2021 – 656/2020. In *HM Government of Gibraltar*. September 25, 2020. Available at: <https://www.gibraltar.gov.gi>. (accessed: 22.12.20).

4. Virtual meeting of Gibraltar and Sister City Raleigh to discuss transport, tourism and innovation – 824/2020. In *HM Government of Gibraltar*. November 20, 2020. Available at: <https://www.gibraltar.gov.gi>. (accessed: 29.11.20).

5. Statement Regarding Union General de Trabajadores – 867/2020. In *HM Government of Gibraltar*. December 02, 2020. Available at: <https://www.gibraltar.gov.gi>. (accessed: 9.01.2021).

6. Respublikæ Hussar Irystony Prezidenty Baramyndtæ [Instructions, given by the President of the Republic of South Ossetia]. In *Hurzærin*. 04.04.2021. Available at: <https://new.xurzarin.ru>. (accessed: 9.04.2021). (In Osset.).

7. Puhaty Erik babæræg kodta uynгы aræztad [Erik Puhaty inspected the process of road construction]. In *Hurzærin*. 01.10.2018. Available at: <https://new.xurzarin.ru>. (accessed: 29.11.2020). (In Osset.).

8. Bibylty Anatoli: «Aræztadon kuystytæ h"uamæ fæuoj æmg"uydmæ æmæ g"æddzhynæj» [The process of construction must be completed on time and in high quality]. In *Hurzærin*. 18.05.2017. Available at: <https://new.xurzarin.ru>. (accessed: 29.11.2020). (In Osset.).

9. Glavnyy ministr [Chief Minister]. In *Karta slov i vyrazheniy russkogo yazyka*. Available at: <https://kartaslov.ru>. (accessed: 09.01.2021). (In Russ.).

10. Joint Ministerial Statement on Treaty between UK and EU in respect of Gibraltar. In *YGTV*. 30 March 2021. Available at: <https://www.yourgibraltartv.com>. (accessed: 05.04.2021).

11. Raab highlights ‘goodwill on all sides’ ahead of treaty talks, but Spanish checks inside Gibraltar ‘not acceptable’. In *Gibraltar Chronicle*. March 29, 2021. Available at: <https://www.chronicle.gi> (accessed: 05.04.2021).

12. Press Conference 1st June 2020. In *HM Government of Gibraltar*. June 01, 2020. Available at: <https://www.gibraltar.gov.gi> (accessed: 05.12.20).

Джисоева Варвила Павловна – старший преподаватель кафедры английского языка (e-mail: jio.varvilina@mail.ru), Юго-Осетинский государственный университет имени А. А. Тибилова. 100001 Республика Южная Осетия г. Цхинвал ул. Путина, 8

Dzhioeva Varvilina P. – Senior Teacher of English Language Department (e-mail: jio.varvilina@mail.ru), South Ossetia State University named after A. A. Tibilov 8 Putin str., Tskhinval, The Republic of South Ossetia, 100001

Поступила в редакцию 03 февраля 2021 г.

СТРУКТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СТРОИТЕЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ В АНГЛИЙСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются структурные особенности строительных терминов в английском и русском языках. Лексика специальных подязыков характеризуется большим количеством терминов и терминологических сочетаний, которые представляют большой интерес для лингвистов. В работе выявляются основные типы терминов, определяются структурные модели многокомпонентных терминов и проводится их сопоставительный анализ на материале русского и английского языков.

Ключевые слова: термин, строительная терминология, многокомпонентный термин, подязык строительства, структурные модели многокомпонентных терминов.

© 2021 Yu. A. Kvach

STRUCTURAL FEATURES OF THE CONSTRUCTION TERMINOLOGY IN ENGLISH AND RUSSIAN

The article deals with the structural analysis of construction terms in Russian and English. The vocabulary of special sublanguages is characterized by vast amount of terms and terminological word-combinations that are of great interest to linguists. The paper identifies the main types of terms and structural models of terminological word-combinations. The article also presents the results of the comparative analysis of the terms in Russian and English.

Key words: term, construction terminology, multicomponent terms, construction sublanguage, structural models of multicomponent terms.

1. Вводные замечания. В настоящее время в лингвистике наблюдается большой интерес к исследованию подязыков различных отраслей науки и техники, неотъемлемой частью которых является терминология.

Языковая номинация в подязыке строительства и архитектуры характеризуется наличием большого количества терминов, в том числе терминологических сочетаний. Интерес к изучению терминологии строительной отрасли обусловлен ее широким распространением за пределами ситуаций общения, связанных с профессиональной деятельностью, и проникновением отдельных терминов в разнообразные контексты повседневной жизни человека.

В настоящей статье **объектом** исследования выступают термины строительства из тематической группы «Строительные материалы и изделия» в английском и русском языках, а **предметом** – их структурные особенности. **Актуальность** исследования обусловлена необходимостью описания наименее изученной в современной лингвистике предметной

области «строительство», которая занимает важное место в жизни современного человека, объединяя номинации существенных для него понятий и категорий.

Материалом исследования в данной статье послужили 1058 терминов в английском и русском языках, отобранных из специализированных словарей путем сплошной выборки. На данном этапе исследования выборка в тематической группе «Строительные материалы и изделия» составила 602 термина в английском языке и 456 терминов в русском языке.

2. Понятие «строительный термин». Несмотря на большой интерес к терминам и активное их изучение, в лингвистике до сих пор не существует однозначного определения термина. Вопросам терминологии посвящены работы таких ученых, как М. Н. Володина [Володина, 1997], С. В. Гринев-Гриневиц [Гринев-Гриневиц, 2008], А. В. Лемов [Лемов, 2000], Лейчик [Лейчик, 2009], А. В. Суперанская [Суперанская и др., 2012], В. Besse [Besse et al., 1997], Н. Felber [Felber, 1984] и многих других, при этом каждый исследователь предлагает свое определение термина. В настоящей статье предлагается взять за основу определение, предложенное О. С. Ахмановой, которая понимает термин как «слово или словосочетание специального (научного и т. п.) языка, создаваемое (принимаемое, заимствуемое) для точного выражения специальных понятий и обозначения специальных предметов» [Ахманова, 2004].

Строительная терминология является одной из активно изучаемых терминосистем, так как развитие строительных технологий способствует возникновению новых конструкций, материалов, инструментов и механизмов, а значит и новых лексических единиц для их наименования, которые требуют рассмотрения с лингвистической точки зрения. Изучению особенностей строительной терминологии посвящены работы таких ученых, как С. Л. Васильева [Васильева 2016, 2017], З. Л. Хакиева [Хакиева, 2016], З. Р. Жаханова [Жаханова, 2015]. При этом следует отметить, что большинство работ посвящены изучению терминов только на материале одного языка, что подтверждает необходимость исследования данной проблемы в сопоставительном аспекте.

3. Структурные особенности строительных терминов. С точки зрения структуры в исследованном материале выделяются простые и многокомпонентные (двух-, трех-, четырех- и пятикомпонентные) термины. При этом абсолютное большинство в обоих языках составляют многокомпонентные термины (МКТ), под которыми понимаются «полилексемные терминологические сочетания устойчивого типа с числом раздельнооформленных полнозначных компонентов более двух» [Кудинова, 2011]. Так, МКТ в английском языке составляют 87,2% выборки (525 лексических единиц), а в русском – 81,6% (372 лексических единицы).

Простые термины в русском языке составляют 17,1% от общего количества рассмотренных терминов (78 ЛЕ), а в английском – 11% (66 ЛЕ), например:

англ. *beaverboard* ‘жесткий строительный картон’, *adhesive* ‘связующее вещество’, *ecoconcrete* ‘бетон на дешевых местных заполнителях’, *emulsifier* ‘эмульсификатор’, *terrazzo* ‘бетон типа «терраццо» (с заполнителем из цветной каменной крошки)’;

русс. *портландцемент*, *бетон*, *глинобетон*, *дранка*, *стекловата*.

В результате анализа также было выявлено незначительное количество аббревиатур – 11 примеров в английском языке и 6 примеров в русском языке, что составляет 1,8% и 1,3% от выборки соответственно:

англ. *HPC (High-Performance-Concrete)* ‘высокопрочный бетон’, *HPL (High Pressure Laminate)* ‘ламинат высокого давления’, *OSB (Oriented Strand Board)* ‘плита OSB (ориентированная стружечная плита)’;

русс. *ЦСП (цементно-стружечная плита)*, *ПММА (полиметилметакрилат)*, *ДСП (древесно-стружечная плита)*.

Из полученных результатов видно, что большинство терминов в данной тематической группе представляют собой многокомпонентные термины. МКТ состоят из главного компонента, который указывает на какой-либо родовой признак понятия и тематическую группу, и зависимого компонента, который передает отличительный видовой признак понятия. Количество компонентов может варьироваться (см. табл. 1).

Таблица 1. *Распределение многокомпонентных терминов в английском и русском языке по количеству компонентов*

Количество компонентов	Английский язык		Русский язык	
	Кол-во ед.	%	Кол-во ед.	%
2	387	73,6	225	60,5
3	109	20,8	106	28,5
4	26	5	32	8,6
5	3	0,6	9	2,4
Всего	525	100	372	100

Как видно из таблицы 1, в обоих языках выявлено почти равное количество трех-, четырех- и пятикомпонентных терминов, при этом количество двухкомпонентных терминов в английском языке значительно превышает их количество в русском. Анализ двухкомпонентных терминов в английском языке показал высокую продуктивность терминов с синонимичными главными компонентами, например, *cement plaster* и *cement render* ‘цементная штукатурка’, *colouring admixture* и *colouring agent* ‘краситель’.

4. Классификация терминов по признаку распределения их компонентов в речи. При анализе МКТ важно разграничивать понятия «многокомпонентный термин»

и «многословный термин», так как не все многословные термины являются многокомпонентными [Кудинова, 2011]. Например, пятисловный английский термин *extra rapid-hardening Portland cement* относится к четырехкомпонентным терминам, так как сложное причастие *rapid-hardening*, состоящее из двух слов, выступает как цельноформленная единица и является аналитической лексемой. Аналогичные термины встречаются и в русском языке, например, *древесно-волоконистая акустическая плита*. Таким образом, в классификации структурных моделей МКТ, которая будет приведена далее, сложные компоненты будут рассматриваться как цельноформленная единица.

Из таблицы 1, в которой приведены количественные данные двух-, трех-, четырех- и пятикомпонентных терминов в английском и русском языках, видно, что в обоих языках наиболее многочисленной группой являются двухкомпонентные термины, поэтому они будут рассмотрены в первую очередь.

4.1. Модели двухкомпонентных терминов. При анализе материала было выявлено 4 основные модели двухкомпонентных терминов в русском и английском языках, количественные данные о которых представлены в таблице 2.

Таблица 2. *Модели двухкомпонентных терминов в английском и русском языках*

Модель	Английский язык		Русский язык	
	Кол-во ед.	%	Кол-во ед.	%
N+N	144	37	4	1,3
Adj+N	120	31	215	96
P II+N	70	19	–	–
P I+N	53	13	6	2,7
Всего	387	100	225	100

Рассмотрим каждую из моделей более подробно:

- **Adj+N.** Данная модель в русском языке является наиболее продуктивной и составляет 215 лексических единиц (ЛЕ) (96% от общего количества двухкомпонентных терминов в русском языке). В английском языке было выявлено 120 терминов, образованных по этой модели (31% от общего количества двухкомпонентных терминов в английском языке). Например:

англ. *porous concrete* ‘ячеистый бетон’, *Roman brick* ‘римский кирпич’, *lightweight aggregate* ‘лёгкий заполнитель (для бетона)’, *zinc-rich paint* ‘краска с большим содержанием цинка’;

русск. *американский кирпич*, *армированный бетон*, *кладочный портландцемент*, *кровельный шифер*;

- **N+N.** В английском языке данная модель оказалась наиболее продуктивной и

представлена 144 примерами (37%), в то время как в русском языке было выявлено лишь 4 термина (1,3%), образованных путем соединения двух имен существительных. Например:

англ. *Ferrari cement* ‘цемент «Феррари»’, *concrete block* ‘бетонный блок’, *resin adhesive* ‘клей на основе синтетической смолы’, *pore filler* ‘шпатлёвка’;

русс. *арматура бетона, арматура железобетона, анкер «мертвяк», заполнитель бетона*;

• **Р II+N.** В английском языке выявлено 70 двухкомпонентных терминов, образованных по такой модели, что составляет 19%. В русском же языке такой модели двухкомпонентных терминов не обнаружено. Например:

англ. *coloured cement* ‘цветной цемент’, *vibrated concrete* ‘виброуплотнённый бетон’, *fibre-reinforced concrete* ‘фибробетон’, *armoured concrete* ‘армированный бетон’;

• **Р I+N.** В русском языке эта модель оказалась непродуктивной и представлена всего 6 примерами (2,7% от общего количества двухкомпонентных терминов в русском языке). В английском языке такие термины также оказались наименее продуктивными, однако в исследуемом материале обнаружено 53 примера таких ЛЕ (13% от общего количества двухкомпонентных терминов в английском языке). Например:

англ. *rapid-hardening cement* ‘быстротвердеющий цемент’, *colouring agent* ‘краситель’, *thickening admixture* ‘загуститель’, *plasticizing agent* ‘пластификатор’;

русс. *герметизирующая мастика, гидрофобизирующие добавки, армирующее волокно.*

Сопоставительный анализ структурных моделей двухкомпонентных терминов в английском и русском языках показал, что в русском языке наиболее продуктивной является модель «**Adj+N**» (96%), а то время как в английском чаще всего встречаются термины, образованные по модели «**N+N**» (37%). Такое явление объясняется характером грамматического строя этих языков. В русском языке словосочетание чаще всего состоит из существительного (главного компонента) и прилагательного (зависимого компонента), которое в данном случае может выражать какую-либо физическую характеристику, химическое или эстетическое свойство строительного материала либо сферу его применения. В английском же языке, который относится к языкам аналитического типа, словосочетания, состоящие из двух существительных, являются довольно распространёнными, так как в отличие от русского языка, здесь зависимый компонент, выраженный существительным, может выполнять функцию определения.

4.2. Модели трехкомпонентных терминов. В процессе рассмотрения структурных моделей было выявлено довольно большое количество моделей трехкомпонентных терминов, сводные данные по которым представлены в таблице 3.

Таблица 3. Модели трехкомпонентных терминов в английском и русском языках

Модель	Английский язык		Русский язык	
	Кол-во ед.	%	Кол-во ед.	%
Adj+N+N	26	23,8	17	16
N+N+N	24	22	2	1,9
N+PI+N	15	13,8	–	–
N+P II+N	9	8,3	–	–
Adj+Adj+N	3	2,8	54	51
N+Adj+N	–	–	22	20,7
N+prep+N	–	–	11	10,4
Остаточная группа	32	29,3	–	–
<i>Всего</i>	<i>109</i>	<i>100</i>	<i>106</i>	<i>100</i>

Наиболее продуктивными среди рассмотренных моделей оказались следующие:

- **Adj+N+N**. В исследованном материале было выявлено 26 таких примеров в английском языке (23,8%) и 17 (16%) – в русском:

англ. *low heat cement* ‘низкотермический цемент’, *special shape brick* ‘кирпич особой формы’, *hollow clay block* ‘пустотелый керамический стеновой блок’, *high alumina cement* ‘высокоглиноземистый цемент’;

русс. *известняковый заполнитель бетона, закаленный лист стекла, железобетонная плита покрытия*;

- **N+N+N**. В английском языке термины, образованные по такой модели, составили 24 примера (22%), в то время как в русском она оказалась непродуктивной – представлена всего 2 примерами (1,9%):

англ. *cement lime plaster* ‘цементно-известковая штукатурка’, *Portland pozzolana cement* ‘пуццолановый портландцемент’, *masonry cement mortar* ‘раствор цемента для каменной кладки’, *blast-furnace slag cement* ‘цемент из доменных шлаков’;

русс. *бетон типа «террацо», замедлитель схватывания цемента*;

- **Adj+Adj+N**. Данная модель, напротив, оказалась наиболее продуктивной в русском языке – 54 примера (50,9%), и непродуктивной в английском языке – 3 примера (2,8%):

англ. *acrylic baking enamel* ‘акриловая горячая эмаль’, *American white oak* ‘дуб белый’, *metric modular brick* ‘модульный кирпич’;

русс. *древесноволокнистая акустическая плита, стандартный цементный раствор, белое матовое стекло, гидроизоляционный строительный картон*;

Кроме того, были выявлены модели, которые используются только в английском или только в русском языке. Только в английском языке функционируют следующие модели трехкомпонентных терминов:

• **N+PI+N.** В эмпирическом материале было выявлено 15 примеров (13,8%) трехкомпонентных терминов такого типа:

англ. *foam forming admixture* ‘пенообразующая добавка’, *set accelerating admixture* ‘добавка-ускоритель схватывания’, *corrosion inhibiting admixture* ‘добавка ингибитор коррозии’, *moisture curing adhesive* ‘связующее, повышающее влагостойкость’;

• **N+P II+N.** В исследованном материале представлено 9 примеров (8,3%) терминов с такой структурой:

англ. *gun applied adhesive* ‘связующее, наносимое методом распыления из пистолета’, *polymer impregnated concrete* ‘полимербетон’, *polymer fibre-reinforced concrete* ‘бетон, армированный полимерной фиброй’.

Также в английском языке обнаружены модели, представленные небольшим количеством примеров. Всего выявлено 32 таких термина (29,4%). Например:

- **Num+N+N** – *three quarter brick* ‘кирпич размером в три четверти длины’;
- **P I+N+N** – *rapid-hardening Portland cement* ‘быстротвердеющий портландцемент’;
- **P II+N+N** – *wood-based panel product* ‘изделие из древесно-стружечной плиты’.

Среди русских трехкомпонентных терминов достаточно продуктивными оказались 2 модели, которые не встречались среди англоязычных терминов:

- **N+Adj+N.** В данную группу входит 22 примера (20,8%). Например:

русс. *бетон подводной укладки, герметики холодного применения, кирпич средней твердости, клинкер нормированного состава*;

- **N+prep+N.** Такая структурная модель представлена 11 примерами в русском языке (10,4%). Например:

русс. *бетон на щебне, маты из стекловолокна, кирпич с желобком, добавка-наполнитель к цементу*.

Анализ трехкомпонентных терминов в английском и русском языке показал, что английские термины отличаются разнообразием структурных моделей – всего было выделено 17 моделей, некоторые из которых представлены всего одним примером. В то время как в русском языке было выделено 5 моделей. Такое разнообразие структурных моделей трёхкомпонентных терминов в английском языке обусловлено особенностями его грамматического строя, в частности, способностью к последовательному наращиванию зависимых компонентов, конкретизирующих и дополняющих значение термина, что в русском языке потребует усложнения структуры, например добавления причастного оборота.

5. Образование сложных терминологических групп. В ходе анализа эмпирического материала в обоих языках была выявлена тенденция к увеличению

количества компонентов исходного терминологического сочетания, что может быть обусловлено стремлением к большей точности или к конкретизации понятия, которое происходит за счет добавления дополнительных элементов. Так, в результате проведенного анализа было выделено 4 основные модели четырехкомпонентных терминов в русском языке и 3 основные модели в английском языке. Стоит отметить, что в этой группе отсутствуют общие для обоих языков модели. Среди основных структурных моделей четырехкомпонентных терминов в русском языке можно выделить следующие:

- **N+prep+Adj+N**: русск. *бетоны на гипсовых вяжущих, гравий для бетонной смеси, кровля из рулонного материала*;
- **Adj+N+prep+N**: русск. *кровельное покрытие с теплоизоляцией, минеральная добавка к цементу, клинкерный цемент без добавки*;
- **Adj+Adj+Adj+N**: русск. *гладкая декорированная керамическая плитка, деревянная изоляционная кровельная плита, огнестойкий асбестоцементный плоский лист*;
- **Adj+N+Adj+N**: русск. *заданный раствор бетонной смеси, крупный заполнитель бетонной смеси*.

Среди структурных моделей четырехкомпонентных терминов наиболее частотной в русском языке представляется модель **N+prep+Adj+N** – 16 примеров. При увеличении количества компонентов в русском языке возникает необходимость установления связей между ними, что может осуществляться различными способами, в частности при помощи предлогов.

В английском языке четырёхкомпонентные термины имеют следующую структуру:

- **Adj+PII+N+N**: англ. *angular reinforced concrete aggregate* ‘заполнитель бетона угловатой формы’, *heavyweight reinforced concrete aggregate* ‘тяжелый заполнитель бетона’, *porous reinforced concrete aggregate* ‘пористый заполнитель бетона’;
- **N+N+N+N**: англ. *polymer Portland cement concrete* ‘полимербетон на портландцементе’, *cement rubber latex flooring* ‘покрытие пола из цемента и каучукового латекса’;
- **N+P PII+N+N**: англ. *mortar reinforced concrete aggregate* ‘заполнитель бетона для раствора’, *ballast reinforced concrete aggregate* ‘заполнитель раствора с фракциями больше 3 мм’, *Portland pulverized fuel-ash cement* ‘портландцемент с добавкой золы-уноса’.

Наиболее частотной структурной моделью четырехкомпонентных терминов в английском языке является модель «**Adj+P PII+N+N**» – 14 примеров. Стоит отметить, что термины, которые вошли в эту группу, имеют общий главный компонент – *concrete aggregate* ‘заполнитель бетона’, то есть по данной модели строится вся тематическая

группа заполнителей железобетона, таким образом, термины объединяются не только по структурному признаку, но и тематически.

Среди МКТ строительства также была выделена небольшая группа пятикомпонентных терминов – 4 термина в английском языке и 9 терминов в русском языке. Английские термины имеют следующую структуру:

- **N+Adj+P II+N+N:** англ. *alkali reactive reinforced concrete aggregate* ‘щелочной химически активный заполнитель бетонной смеси’;
- **Adj+Adj+P II+N+N:** англ. *angular coarse reinforced concrete aggregate* ‘заполнитель угловатой формы’;
- **Adb+PII+PII+N+N:** англ. *artificially graded reinforced concrete aggregate* ‘заполнитель с искусственно подобранным зерновым составом’;
- **Adj+N+N+N+N:** англ. *low heat Portland blast-furnace cement* ‘низкотермичный портландцемент из доменных шлаков’.

Русскоязычные термины имеют следующую структуру:

- **Adj+Adv+Adj+N+N:** русск. *щелочной химически активный заполнитель бетона*;
- **Adj+N+prep+Adj+N:** русск. *кровельное покрытие из стальных листов*;
- **Adj+N+prep+N+N:** русск. *клинчатый камень для кладки арки*;
- **Adj+Adj+N+prep+N:** русск. *известковый строительный раствор с волосом*;
- **N+N+N+Adj+N:** русск. *замедлитель реакции твердения бетонной смеси*;
- **Adj+N+Adj+N+N:** русск. *гашеная раствором едкого натра известь*;
- **N+conj+Adj+N+N:** русск. *бетон с большим содержанием цемента*;
- **N+prep+Adj+Adj+N:** русск. *бетон на дешевых местных заполнителях*;
- **Adj+Adj+N+prep+N:** русск. *активная минеральная добавка к цементу*.

Отсутствие систематичности в структурных моделях пятикомпонентных терминов в русском и английском языках свидетельствует о том, что они не являются типичными для терминов строительной отрасли. Увеличение числа компонентов в МКТ приводит к снижению частотности их употребления в профессиональных и непрофессиональных текстах. В русском языке пятикомпонентные термины встречаются чаще, чем в английском, что можно объяснить емкостью и лаконичностью английского языка в аспекте терминообразования в сравнении с русским языком, в котором для передачи того же объема информации требуется большее количество лексических единиц.

6. Выводы. Проведенный сопоставительный анализ строительной терминологии в английском и русском языках позволяет сделать следующие выводы:

6.1. Подавляющее большинство терминов, обозначающих строительные материалы и изделия, в обоих языках составляют объединенные в группы МКТ, которые дополняют или конкретизируют родовое понятие.

6.2. Важнейшей единицей подязыка строительства и архитектуры как в русском, так и в английском языке выступают двух- и трехкомпонентные термины, которые составляют более чем 90% МКТ, рассмотренных в данной статье. Наиболее частотными моделями МКТ в английском языке являются термины, образованные путем соединения нескольких существительных (N+N, N+N+N), а также существительных и причастий, в то время как в русском языке чаще всего встречаются МКТ, состоящие из одного или нескольких прилагательных и существительного (Adj+N, Adj+Adj+N). Развитие технологий приводит к формированию новых типов уже существующих базовых терминов, в результате чего продолжается образование новых терминологических единиц, состоящих из двух и трех компонентов. Такие термины остаются лаконичными и при этом максимально точно конкретизируют значение нового МКТ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильева С. Л., Аюшин Д. И. Структурные особенности англоязычных многокомпонентных терминов строительной сферы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-3 (61). С. 74-77.
2. Васильева С. Л., Савинцева М. Е. Способы перевода многокомпонентных терминов строительной сферы (на материале русского и английского языков) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5-3 (71). С. 68-71.
3. Володина М. Н. Теория терминологической номинации. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1997. 179 с.
4. Гринев-Гриневиц С. В. Введение в терминоведение. Москва: Академия, 2008. 304 с.
5. Жаханова З. Р. Структурно-семантические особенности многокомпонентных терминов в современном русском и английском языках на материале подязыка архитектуры и строительства // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 2 (48). С. 274-279.
6. Кудинова Т. А. К вопросу о природе многокомпонентного термина (на примере английского подязыка биотехнологий) // Вестник Пермского университета. 2011. № 2. С. 58-62.
7. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 4-е изд., испр. и доп. Москва: Либроком, 2009. 256 с.
8. Лемов А. В. Система, структура и функционирование научного термина (на материале русской лингвистической терминологии). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2000. 192 с.
9. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология. Вопросы теории. Москва: Либроком, 2012. 248 с.
10. Хакиева З. У. Основные когнитивные диахронические особенности строительной терминологии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 7-1 (61). С. 138-141.

11. Besse B. de, Nkwenti-Azeh B., Sager J. C. Glossary of terms used in terminology // *Terminology*. 1997. № 4 (1) P. 117-156.
12. Felber H. *Terminology manual*. Paris, 1984. 426 p.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд., стер. Москва: УРСС: Едиториал УРСС. 2004. 571 с.
2. Широкова Л. Н. Новый англо-русский и русско-английский словарь по архитектуре, строительству и недвижимости / под ред. проф. И. С. Ивянской-Гессен. Москва: Живой язык, 2009. 528 с.
3. Davies N., Jokiniemi E. *Dictionary of architecture and building construction*. Oxford, Elsevir, 2008. 737 p.

REFERENCES

1. Vasileva, S. L., Ayushin, D. I. (2016). Strukturnye osobennosti angloyazychnykh mnogokomponentnykh terminov stroitelnoy sfery [Structural peculiarities of English multicomponent terms in the field of construction]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No 7-3 (61). Pp. 74-77. (In Russ.).
2. Vasileva, S. L., Savintseva, M. E. (2017). Sposoby perevoda mnogokomponentnykh terminov stroitelnoy sfery (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Methods for translating multicomponent terms in the field of construction (based on Russian and English languages)]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No 5-3 (71). Pp. 68-71. (In Russ.).
3. Volodina, M. N. (1997). *Teoriya terminologicheskoy nominatsii* [Terminological nomination theory]. Moskva: Izd-vo Mosk. un-ta. (In Russ.).
4. Grinev-Grinevich, S. V. (2008). *Vvedenie v terminovedenie* [Introduction to terminology studies]. Moskva: Akademiya. (In Russ.).
5. Zhakhanova, Z. R. (2015). Strukturno-semanticheckie osobennosti mnogokomponentnykh terminov v sovremennom russkom i angliyskom yazykakh na materiale podyazyka arkhitektury i stroitelstva [Structural and semantic features of multicomponent terms in modern Russian and English languages based on the sublanguage of architecture and construction]. In *Problemy istorii, filologii, kultury*. No 2 (48). Pp. 274-279. (In Russ.).
6. Kudinova, T. A. (2011). K voprosu o prirode mnogokomponentnogo termina (na primere angliyskogo podyazyka biotekhnologii) [Revisiting the nature of a multicomponent term (based on the English sublanguage of biotechnology)]. In *Vestnik Permskogo universiteta*. No 2. Pp. 58-62. (In Russ.).
7. Leychik, V. M. (2009). *Terminovedenie: predmet, metody, struktura* [Terminology studies: subject, methods, structure]. 4-e izd., ispr. i dop. Moskva: Librokom. (In Russ.).
8. Lemov, A. V. (2000). *Sistema, struktura i funkcionirovanie nauchnogo termina (na materiale russkoy lingvisticheskoy terminologii)* [The system, structure and functioning of a scientific term (based on Russian linguistic terminology)]. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta. (In Russ.).
9. Superanskaya, A. V., Podolskaya, N. V., Vasileva, N. V. (2012). *Obshchaya terminologiya. Voprosy teorii* [General terminology. Issues of theory]. Moskva: Librokom. (In Russ.).
10. Khakieva, Z. U. (2016). Osnovnye kognitivnye diakhronicheskie osobennosti stroitelnoy terminologii [Basic cognitive diachronic features of construction terminology]. In *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. No 7-1 (61). Pp. 138-141. (In Russ.).
11. Besse, B. de, Nkwenti-Azeh, B., Sager, J. C. (1997). Glossary of terms used in terminology. In *Terminology*. No 4 (1). Pp. 117-156.
12. Felber, H. (1984). *Terminology manual*. Paris.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Akhmanova, O. S. (2004). *Slovar lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moskva: URSS: Editorial URSS. (In Russ.).
2. Shirokova, L. N. (2009). *Novyy anglo-russkiy i russko-angliyskiy slovar po arkhitekture, stroitelstvu i nedvizhimosti* [New English-Russian and Russian-English dictionary of architecture, construction and real estate] / pod red. prof. I. S. Ivyanskoy-Gessen. Moskva: Zhivoy yazyk. (In Russ.).
3. Davies, N., Jokiniemi, E. (2008). *Dictionary of architecture and building construction*. Oxford: Elsevir.

Квач Юлия Александровна – аспирант
кафедры теории и практики перевода
(e-mail: yu.kvach@donnu.ru).

Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Донецкий национальный университет»
283001, Донецк, Университетская, 24

Kvach Yuliia A. – Post-Graduate Student
of Translation Studies Department
(e-mail: yu.kvach@donnu.ru).

State Educational Institution of Higher
Professional Education «Donetsk National
University»
24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

Поступила в редакцию 14 января 2021 г.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

УДК 811.11:378.961:378.146/.147

© 2021 Г. В. Мерхелевич

ВИРТУАЛЬНЫЙ ОБРАЗ КАК ИНСТРУМЕНТ АДЕКВАТНОГО СОДЕРЖАТЕЛЬНО-СМЫСЛОВОГО ВОСПРИЯТИЯ ИНОЯЗЫЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ НА МОНОЛИНГВАЛЬНОЙ И БИЛИНГВАЛЬНОЙ ОСНОВАХ

В статье отражены факты неадекватного восприятия смыслового содержания иноязычной информации на языке изложения и обоснована необходимость повышения степени адекватности передачи ее содержания в результате перевода на другой язык. На конкретных примерах проиллюстрирована роль монолингвального подхода в восприятии смыслового содержания иноязычной информации и доказано его основополагающее значение для обеспечения максимальной степени адекватности ее понимания на языке оригинала и равнозначности воспроизведения средствами языка перевода. В ходе исследования сделан акцент на монолингвальную основу восприятия иноязычной информации в сочетании с виртуальным образом объекта исследования с помощью описательных дефиниций, заимствуемых из иноязычных толковых словарей. Проиллюстрировано преимущество такого подхода в сравнении с методом, основанном на определении смысловых эквивалентов на языке перевода на основе синонимического ряда, предлагаемого двуязычными словарно-справочными изданиями.

Ключевые слова: адекватность, виртуальный образ, дефиниция, иностранный язык, толковый словарь, перевод, словосочетание, эквивалент.

© 2021 G. V. Merkhelevich

USAGE OF MENTAL IMAGES FOR ADEQUATE UNDERSTANDING OF FOREIGN INFORMATION ON THE MONOLINGUAL AND BILINGUAL BASIS

This paper is concerned with the examples of incorrect translation-free understanding and perception of information available in a foreign language, with the necessity to improve the quality of the process outcome, as the result of its translation into a different language. The role of monolingual approach in studying a foreign language is illustrated by examples. The monolingual approach to understanding the contents of the foreign-language information has been proved to be the core resource to provide a proper level of the information perception quality. The advantage of the monolingual method when compared with the dual-language based translation approach has been explained and reasoned.

Key words: meaning equivalence, mental image, definition, foreign language, monolingual dictionary, translation, word combination, equivalent

Актуальность исследуемой проблемы является следствием наличия многочисленных фактов неадекватной передачи смыслового содержания различной информации иноязычного происхождения, поступающей, например, из средств массовой информации посредством ее

перевода на родной язык [Елисеева, 2003]. Такое положение дел следует рассматривать как существенное препятствие для создания в социуме условий, необходимых для полноценной интеграции индивида с иноязычной культурно-информационной средой путем полноценной адаптации к ней благодаря приобретению способности адекватно воспринимать «содержательно-смысловое наполнение иноязычной информации, лежащей в основе взаимоотношений между индивидами, которые осуществляют свою жизнедеятельность в пределах иноязычной среды как отдельного жизненного пространства на основе обмена информацией» [Мерхелевич, 2020, с. 74; Виноградов, 2001].

Причиной возникновения вышеупомянутых ошибок является *неадекватное* восприятие смыслового содержания исходного иноязычного материала, что следует рассматривать как *базис* для выполнения его перевода на другой язык, в данном случае родной [Гачечиладзе, 1980; Гудочник, 2009; Елисеева, 2003]. Поскольку процедура перевода является *вторичной* в технологической последовательности работы с иноязычной информацией, при *упреждающем* восприятии ее смыслового значения, имеющиеся факты ее неадекватного перевода косвенно указывают на факт неравнозначного восприятия ее смыслового значения на иностранном языке как исходном языке ее изложения. Это объясняется тем, что, как уже упоминалось выше, «этап перевода иноязычной информации играет роль *надстройки* над ее восприятием как *базисом* данного процесса, при полной зависимости качества второго от адекватности передачи смыслового значения первого» [Мерхелевич, 2020; с. 74].

Как упоминается в других источниках, вследствие вышесказанного обучение иностранному языку специалистов из любой области профессиональной деятельности следует связывать с решением задачи «повышения степени *адекватности* восприятия ими смыслового содержания всех повседневно-бытовых и профессиональных отношений между участниками иноязычного жизненного пространства как носителей того языка, который лежит в основе функционирования данного социума» [Мерхелевич, 2020; с. 76].

При этом одним из обязательных результатов процесса обучения иностранному языку является «приобретение обучающимся способности к *адекватному* восприятию смыслового содержания той или иной иноязычной информационной единицы средствами языка ее изложения, то есть на монолингвальной основе, которая не предполагает перевода, в том числе и мысленного, воспринимаемой информации на родной язык» [Мерхелевич, 2020; с. 75; Мерхелевич, 2019].

В связи с этим автор предполагает, что одним из важнейших образовательных ориентиров на текущей стадии развития социума является создание условий для

полноценной иноязычной подготовки индивида к интеграции с международным культурно-информационным пространством, что вызвано необходимостью расширения области и повышения степени развития отношений Донецкой Народной Республики с другими странами в различных областях народного хозяйства [Захарова, 2017; Захарова, Мерхелевич, 2020].

При этом *целесообразность* решения этой задачи в масштабе всего социума обусловлена потребностью в иноязычной подготовке его населения «в связи с необходимостью преодоления коммуникативных барьеров, вызванных *недостаточной* степенью владения иностранным языком», которые возникают по этой причине на пути «к интеграции социума с мировым сообществом как международным информационным пространством» [Мерхелевич, 2020; с. 75; Казакова, 2006; Комиссаров, 1998].

В качестве одной из причин возникновения вышеупомянутого недостатка в иноязычной подготовке специалистов языкового и неязыкового профилей можно рассматривать следствие «многолетней практики организации учебного процесса в условиях его изоляции от *естественной* языковой среды» и ошибочной – по мнению автора – постановки задачи в форме «*изучения* языка как учебной *дисциплины* вместо требуемого *овладения* языком как *инструментом* обмена информацией» [Мерхелевич, 2020; с. 75].

В этой связи *цель* проводимого исследования заключается в разработке, формулировании и экспериментальной проверке методологического подхода к пониманию смыслового содержания иноязычной информации с помощью виртуального образа на основе анализа примеров неадекватного перевода текста оригинала на язык перевода [Эльжуркаева, 2013; Leonardi, 2000; Tart, 1990].

Достижение вышеупомянутой *цели* предполагает решение ряда методологических *задач*, среди которых:

- выявление *причин* неадекватного содержательно-смыслового восприятия информации, публикуемой на иностранном языке;
- выявление способов *устранения* причин неадекватного смыслового восприятия иноязычной информации и их экспериментальное апробирование;
- формулирование методологических *принципов* повышения степени адекватности восприятия иноязычной информации на монолингвальной (*базис*) и билингвальной основах (*надстройка*);
- иллюстрирование на конкретных примерах роли монолингвального подхода в восприятии смыслового содержания иноязычной информации и доказательство

его основополагающего значения для обеспечения максимальной степени адекватности ее понимания на языке оригинала и равнозначности воспроизведения средствами языка перевода.

Научная новизна результатов исследования

1. *Впервые выявлены и научно обоснованы:*

а) методологический подход к естественной адаптации с иноязычным информационным пространством на *монолингвальной* основе с использованием *виртуального образа* объекта исследования;

б) методологический подход к содействию адаптации с иноязычным информационным пространством на *билингвальной* основе с использованием виртуального образа объекта исследования в качестве промежуточного инструмента передачи содержательно-смыслового значения объекта исследования посредством перевода на другой язык.

2. *Впервые определены и научно обоснованы:* условия и средства адекватного восприятия иноязычной информации средствами языка ее изложения взамен существующей практики ее перевода на другой язык.

Научная обоснованность результатов исследования

Достоверность результатов исследования подтверждена объективным анализом фактов неадекватного перевода иноязычной информации на родной язык, результаты которого свидетельствует о неточном или ошибочном восприятии смыслового значения исходной иноязычной информации средствами языка изложения как *базиса* для ее последующего перевода, представляющего собой *надстройку* на предшествующем, базисном этапе работы с информацией.

Научная (теоретическая) значимость исследования состоит в том, что его результаты позволяют сформировать основу для повышения степени адекватности восприятия индивидом содержательной основы международной информационной среды на этапе его интеграции с иноязычным культурно-профессиональным информационным пространством.

Обеспечение содержательно-смысловой адекватности восприятия на монолингвальной основе

Смысловая *адекватность* восприятия информации как понятие, отражающее максимально возможную степень *соответствия*, а также пути ее *приобретения* обучающимися, описаны автором в статье [Мерхелевич, 2020].

С целью повышения степени вероятности ее адекватного восприятия на языке оригинала на данном этапе предусматривается применение *виртуального образа* объекта

исследования. При этом виртуальный образ формируется на основе совокупности элементов воспринимаемой информации и позволяет отразить ее в сознании индивида на комплексной основе, предполагающей избирательную направленность восприятия *образа* объекта исследования как результата непосредственного или опосредованного отражения реальности в форме целостной невербальной структуры [Мерхелевич, 2020].

Период создания виртуального образа, выполняющего в исследовании функцию *опорного промежуточного* ресурса, представляет собой обязательный технологический этап процесса формирования в сознании индивида адекватного отражения информации на языке ее изложения, которое является результатом осознанного восприятия смыслового содержания информации на *монолингвальной* основе [СВТ, 2000].

При этом в ходе исследования осуществлялся анализ роли следующих категорий виртуального образа объекта исследования [Захарова, 2011]:

- образ физического состояния объекта (одушевленного и неодушевленного), создаваемый на основе его внешнего вида;
- образ психического состояния объекта (одушевленного);
- образ социального положения объекта (в социуме или другой среде);
- образ роли или функции объекта внимания в том или ином процессе;
- образ ощущения, косвенно производимого объектом внимания на основе восприятия его основных особенностей по отдельности или в совокупности.

Факт применения вышеописанного подхода можно проиллюстрировать в качестве примера на следующем текстовом материале: с этой целью выбираем в качестве объекта исследования слово «забытый» в словосочетании «забытое место» (см. курсив в колонке 1, табл. 1), используемом в русском тексте, который предстоит перевести на английский язык.

При этом, забегаая вперед, заглянем в предварительный английский перевод этого текста (см. колонку 2, табл. 1), в котором в качестве английского эквивалента слову «забытый» переводчиком применено слово *forgotten*. (Следующим этапом работы с переводом данного текста явилось его редактирование, выполняя которое, редактор усомнился в адекватности передачи смыслового значения словосочетания «забытое место» на английский язык.)

Таблица 1. *Пример контекстуальной смысловой окраски полисемантического прилагательного «забытый»*

Русский оригинал (исходный материал для перевода на английский язык)	Предварительный перевод (до окончательного редактирования)	Окончательный перевод (после редактирования)
1	2	3
<p>На протяжении восемнадцати столетий Масада оставалась <i>забытым местом</i>. В V–VI вв. здесь недолго селились православные монахи, искавшие подлинного «пустынного» уединения. От того времени сохранились развалины небольшой византийской церкви, сложенной из камней разрушенных стен.</p>	<p>Masada remained a <i>forgotten</i> place for eighteen centuries. In the V–VI centuries. Orthodox monks settled here for a short time, who sought genuine true “desert” solitude. From that time, the ruins of a small Byzantine church, built of stones of ruined walls, have been preserved.</p>	<p>For eighteen centuries since then, Masada remained <i>????</i>. Settled here for a short time during the 5th and 6th centuries, were some Orthodox monks who were seeking a place to provide true privacy for living in. What remains to this day are ruins of a small Byzantine church which was built of the stones once belonging to the earlier fortress’ walls.</p>

Для подбора искомого эквивалента предлагаем представить себе мысленно образ «забытого места» и найти другие русские слова, которые в большей степени передают всю информацию о данном объекте в виде определенной картины, которая при этом создается в сознании того, кто работает с этим текстом, подтверждая тот факт, что слово «забытый» означает не только то, о чем кто-то уже не помнит. В поиске синонимов обращаемся к словарю русского языка:

ЗАБЫТЫЙ, забытая, забытое; забыт, забыта, забыто. 1. Прич. страд. прош. вр. от забыть. Вражда была забыта. Забытые в вагоне вещи. 2. только полн. формы. Находящийся в забвении, брошенный, покинутый (книжн.). Забытый писатель [СРЯ, 1981, Т. 1].

ЗАБЫТЬ -буду, -будешь; -будь; -ытый; сов. 1. кого-что, о ком-чем, про кого-что. Перестать помнить, утратить воспоминание о ком-чем-н. 3. старого друга. Забудь и думать об этом (не смей думать; разг.). 2. что, о ком-чем, про кого-что и с неопр. Упустить из сознания, перестать держать в мыслях, запомнить. 3. о поручении. 3. позвонить. 3. номер телефона, адрес. 3. кого-что. Оставить где-н., не захватить с собой по рассеянности. 3. ключи дома. Что ты там забыл? (зачем тебе там быть; нечего тебе там делать; разг. неодобр.). * Не забыть что (чего) кому – припомнить, попомнить. Не забыть обиды. Не забыть себя (разг.) – не упустить своей выгоды. || несов. забывать, -аю, -аешь. [СРЯ, 1981, Т. 1].

На этой основе формируем ряд возможных русских эквивалентов слову «забытый»: *безлюдный, брошенный, брошенный, нежилой, покинутый* – из которых выбираем наиболее близкую по смыслу лексему, которая позволит в дальнейшем найти подходящее по смысловому значению английское слово. При этом окончательный выбор английского эквивалента делаем ниже на основе сравнения дефиниций (прилагаются ниже) и вносим выбранное слово в отредактированный текст (см. табл. 1, кол. 3).

Обеспечение содержательно-смысловой адекватности восприятия иноязычной информации на билингвальной основе

В случае необходимости передачи смыслового содержания иноязычной информации посредством ее перевода на родной язык, данный акт осуществляется в 2 этапа, на *первом* из которых происходит формирование *виртуального* (нематериального) *образа-эквивалента* переводимой иноязычной информации. Такой образ формируется в сознании переводчика на основе впечатления от каждого элемента прочитанного иноязычного материала, которое возникает в его сознании на содержательно-смысловой основе с помощью языка *изложения* [Мерхелевич, 2020]. На протяжении *второго этапа* происходит перевод, то есть раскодирование, смыслового содержания этого образа средствами родного языка в условиях полной мысленной изоляции от текста оригинала. Применение такого подхода позволяет исключить *влияние* стиля языка оригинала на *стиль* изложения его содержания на языке перевода, что «происходит благодаря создаваемому на первом этапе виртуальному образу и минимизирует вероятность существования зависимости языка оригинала от языка перевода» [Мерхелевич, 2020, с. 78; Емельянова, 2004; Арнольд, 1970].

Возвращаясь к приведенному выше примеру, получаем ряд английских дефиниций для слова «забытый» (см. табл. 2), а также ряд синонимов (см. табл. 3-7) этого слова и анализируем их дефиниции на предмет максимальной степени соответствия виртуальному образу *физического состояния* объекта исследования с целью выбора его английского эквивалента [Носов, 1994а, 1994б; Павлов, 1998].

Таблица 2. Английские синонимы, предлагаемые в качестве смысловых эквивалентов слова «забытый»

Забытый (см. тж. Безлюдный; Брошенный; Заброшенный ; Нежилой; Покинутый)	
forgotten	[ADJ] <u>Forgotten</u> is a once popular place or prominent man no longer in use, in the news or the public's awareness [CCD, 2006].
deserted (находящийся в забвении, брошенный, покинутый)	[ADJ] If people or animals <u>desert</u> a place, they leave it and it becomes empty [CCD, 2006]. ✓ <i>Farmers are <u>deserting</u> their fields and coming here looking for jobs ...</i> ✓ <i>Did you spot someone on the <u>deserted</u> streets?</i>
desolate (находящийся в забвении, брошенный, покинутый)	[ADJ] A <u>desolate</u> place is empty of people and lacking in comfort [CCD, 2006]. ✓ <i>a <u>desolate</u> landscape of flat green fields broken by marsh ...</i> SYN: bleak
vacated (находящийся в забвении, брошенный, покинутый)	[ADJ] <u>Vacated</u> is empty of incumbents or occupants.

Таблица 3. Английские синонимы, предлагаемые в качестве смысловых эквивалентов слова «безлюдный»

Безлюдный (см. тж. Брошенный; Заброшенный; Забытый; Нежилой; Покинутый)	
bleak	[ADJ] If you describe a place as <u>bleak</u> , you mean that it looks cold, empty, and unattractive [CCD, 2006]. ✓ <i>The island's pretty <u>bleak</u>.</i> ✓ <i>... <u>bleak</u> inner-city streets.</i> ✓ (UK written) <i>Although Scotland was <u>bleak</u> and the roads seemed to run for ever this was a crucial stage in the proceedings.</i> ✓ (UK written) <i>Set in the uncompromisingly <u>bleak</u> landscape of Paris this is a savagely invasive novel-a compelling look at the raw underbelly of life.</i> ✓ (US written) <i>But even in Public Assistance, which ranks dead last in the percentage of residents who garden, 6 percent of its citizenry cultivate plants in an effort to beautify otherwise <u>bleak</u> streets.</i>
deserted	[ADJ] If people or animals <u>desert</u> a place, they leave it and it becomes empty [CCD, 2006]. ✓ <i>Farmers are <u>deserting</u> their fields and coming here looking for jobs ...</i> ✓ <i>Did you spot someone on the <u>deserted</u> streets?</i>
desolate	[ADJ] A <u>desolate</u> place is empty of people and lacking in comfort. ✓ <i>a <u>desolate</u> landscape of flat green fields broken by marsh...</i> SYN: bleak
empty	[ADJ] Empty is unoccupied or uninhabited [CCD, 2006]. ✓ <i>There's an <u>empty</u> office next door.</i>
thinly populated	[ADJ] <u>Thinly populated</u> is with very few people [CCD, 2006].
uninhabited	[ADJ] An <u>uninhabited</u> place is one where nobody lives [CCD, 2006]. ✓ <i>... an <u>uninhabited</u> island in the North Pacific ...</i> ✓ <i>The area is largely <u>uninhabited</u>.</i> ✓ (UK written) <i>It could have been <u>uninhabited</u> except that the main door stood open and somebody was standing waiting in shadow at the top of the steps.</i> ✓ (UK written) <i>The police drove the men to a nearby <u>uninhabited</u> house.</i> ✓ (UK written) <i>In 1958 Colin bought a mosquito-infested, <u>uninhabited</u> island in the Caribbean called Mustique.</i> ✓ (US written) <i>Made famous by James Herriot, the pen name of a local vet – a neighbor of my husband's sister – the high country is treeless, virtually <u>uninhabited</u> – except by sheep – and breathtakingly beautiful.</i> SYN: deserted
unpopulated	[ADJ] (of a place) <u>Unpopulated</u> is having no inhabitants [CCD, 2006]. ✓ <i>three missiles landed in <u>unpopulated</u> areas</i> ✓ (UK written) <i>The team, aged two to 58, will fend for themselves for a year on <u>unpopulated</u> Taransay in the Hebrides using meagre resources.</i> ✓ (UK written) <i>The Custard Factory flats may also help to stimulate residential development in other parts of Digbeth – an <u>unpopulated</u> inner city area with empty land and buildings crying out for inhabitants.</i>

Таблица 4. Английские синонимы, предлагаемые в качестве смысловых эквивалентов слова «брошенный»

Брошенный (см. тж. Безлюдный; Заброшенный ; Забытый; Нежилой; Покинутый)	
abandoned	[ADJ] An <u>abandoned</u> place or building is no longer used or occupied [CCD, 2006]. ✓ <i>All that digging had left a network of <u>abandoned</u> mines and tunnels.</i>
cast	To <u>cast</u> is: 1. To throw <i>something</i> or <i>somebody</i> , especially <i>something</i> that or <i>somebody</i> who is light in weight [CCD, 2006]. 2. To throw <i>something</i> ashore or up on the seashore [CCD, 2006]. ✓ <i>pieces of driftwood that had been <u>cast</u> up by the incoming</i> 3. To direct the eyes or a look toward <i>somebody</i> or <i>something</i> , often in a surreptitious, disapproving, or anxious manner [MWCD, 2004]. ✓ <i>casting a discreet glance at his watch</i>
dropped	To <u>drop</u> is: 1. To stop doing or planning something: to abandon a plan or course of action. I other words, if you <u>drop</u> an idea, course of action, or habit, you do not continue with it [CCD, 2006]. ✓ <i>The prosecution was forced to <u>drop</u> the case...</i> ✓ <i>We've <u>dropped</u> our plans to remodel the kitchen.</i> 2. (INFORMAL) To end a close or intimate relationship with <i>somebody</i> [MWCD, 2004]. 3. To say <i>something</i> casually, or with an air of pretended casualness. ✓ <i>She's <u>dropping</u> hints about what she wants for her birthday.</i>
deserted	If people or animals <u>desert</u> a place, they leave it and it becomes empty [CCD, 2006]. [ADJ] <u>Deserted</u> is abandoned: empty after being abandoned by people [CCD, 2006]. ✓ <i>Farmers are deserting their fields and coming here looking for jobs ...</i>
thrown	To <u>throw</u> is: 1. To tip or roll dice onto a flat surface to obtain a score, or score a particular number in this way [CCD, 2006]. 2. To throw <i>something</i> away [OALD, 1975]. ✓ <i>Once you get your new card you can <u>throw</u> the old one.</i>
unattended	[ADJ] When people or things are left <u>unattended</u> , they are not being watched or looked after [CCD, 2006]. ✓ <i>Never leave young children <u>unattended</u> near any pool or water tank ...</i> ✓ <i>An <u>unattended</u> bag was spotted near the platform at Gatwick ...</i>

Таблица 5. Английские синонимы, предлагаемые в качестве смысловых эквивалентов «заброшенный»

Заброшенный (см. тж. Безлюдный; Брошенный; Забытый; Нежилой; Покинутый)	
abandoned	[ADJ] An <u>abandoned</u> place or building is no longer used or occupied [CCD, 2006]. ✓ <i>All that digging had left a network of <u>abandoned</u> mines and tunnels.</i>
deserted	[ADJ] If people or animals <u>desert</u> a place, they leave it and it becomes empty [MWCD, 2004]. ✓ <i>Farmers are <u>deserting</u> their fields and coming here looking for jobs...</i> ✓ <i>Did you spot someone on the <u>deserted</u> streets?</i>
unattended	[ADJ] When people or things are left <u>unattended</u> , they are not being watched or looked after [CCD, 2006]. ✓ <i>Never leave young children <u>unattended</u> near any pool or water tank ...</i> ✓ <i>An <u>unattended</u> bag was spotted near the platform at Gatwick ...</i>

Таблица 6. Английские синонимы, предлагаемые в качестве смысловых эквивалентов слова «нежилой»

Нежилой (см. тж. Безлюдный; Брошенный; Заброшенный; Забытый; Покинутый)	
nonresidential non-residential	[ADJ] <u>Nonresidential</u> (also non-residential) is not requiring or providing facilities for people to live on the premises [OALD, 1975].
uninhabited	[ADJ] <u>Uninhabited</u> is with no one living there, or without human habitation [CCD, 2006].

Таблица 7. Английские синонимы, предлагаемые в качестве смысловых эквивалентов слова «покинутый»

Покинутый (см. тж. Безлюдный; Брошенный; Заброшенный; Забытый; Нежилой)	
deserted (находящийся в забвении, брошенный, покинутый)	[ADJ] If people or animals <u>desert</u> a place, they leave it and it becomes empty [CCD, 2006]. ✓ <i>Farmers are <u>deserting</u> their fields and coming here looking for jobs ...</i> ✓ <i>Did you spot someone on the <u>deserted</u> streets?</i>
desolate (находящийся в забвении, брошенный, покинутый)	[ADJ] A <u>desolate</u> place is empty of people and lacking in comfort [CCD, 2006]. ✓ <i>a <u>desolate</u> landscape of flat green fields broken by marsh ...</i> SYN: bleak
vacated	[ADJ] <u>Vacated</u> is empty of incumbents or occupants [CCD, 2006].

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что в наиболее полной мере условиям данного контекста соответствуют английские слова *abandoned* и *deserted*, смысловое содержание которых принципиально отличается от значения слова *forgotten*, примененного переводчиком на этапе предварительного перевода.

Таким образом, окончательная редакция перевода предложения, приведенного в таблице 1, будет иметь следующий вид:

For eighteen centuries since then, Masada remained abandoned/deserted.

В подтверждение эффективности подхода, основанного на создании виртуального образа, можно привести и такие примеры:

ПРИМЕР 1. (Май 2020 г. Основано на материалах телевизионных новостей от 28.05.2020): **I CAN'T BREATHE** vs. **Я НЕ МОГУ ДЫШАТЬ.**

В Миннеаполисе (США) произошел случай, в результате которого белый полицейский задушил задержанного им темнокожего афроамериканца, который, пока еще был жив, кричал: «I can't breathe! I can't breathe! I can't breathe!».

При этом в сводках российских новостей эта фраза была подана переводчиками как «я не могу дышать».

Рассмотрение вопроса об *адекватности* такого перевода предсмертных слов жертвы инцидента на первый взгляд не вызывает кого-либо сомнения. Однако такое мнение

существует ровно до тех пор, пока не начинаешь вникать в детали, работа над которыми начинается с выяснения смыслового значения английского слова *breathe*:

▸ To breathe is to **take in air**: to repeatedly and alternately take in and blow out air in order to stay alive [EWED, 1999], что в данном смысловом значении является эквивалентом русского слова «дышать».

В результате, если пойти на недопустимый для высокопрофессионального переводчика шаг и сделать *машинный* перевод фразы «I can't breathe!», то получится: «Я не могу дышать!» – то есть именно то, в каком виде это прозвучало в эфире.

И если русское слово «дышать» в данном контексте, безусловно, подходит по смыслу, то является ли таким же «русским» стиль построения фразы «Я не могу дышать!»? Ведь в таком переводе она означает, что человек не дышит вообще, то есть является «бездыханным» (иными словами, мертвым) и поэтому сам сказать об этом был бы уже не в состоянии, хотя на самом деле все еще продолжает дышать, но просто испытывает при этом серьезное затруднение.

Это – в случае, если рассматривать *смысл* сказанного жертвой. А рассматривая *стиль* ее передачи языком перевода, можно представить на его месте того, для которого русский язык является родным. В таком случае мы услышим от него: «Я задыхаюсь!». Такое отличие относится к расхождению между *стилем* прямой речи в языке *оригинала* и языке *перевода*.

Вот это и следовало бы считать эквивалентным переводом слов афроамериканца, и восклицательный знак в этом случае будет к месту. В отличие от фразы «я не могу дышать», которая – если и применима в прямой речи – носит характер относительно спокойного или эмоционально нейтрального высказывания, принадлежащего тому, кто делится с окружающими своим внезапно возникшим состоянием, что не имеет формы восклицания и поэтому не предполагает применения восклицательного знака.

Вышеизложенное в очередной раз напоминает нам о том, что понятие «адекватность перевода» распространяется не только на его *содержательно-смысловой* компонент, но и на *стилистическую* характеристику текста, получаемого в результате перевода [Рецкер, 2007]. При этом в качестве одной из причин несоблюдения адекватности при переводе является ошибочное стремление переводчика держаться «ближе к тексту», вместо того, чтобы держаться «ближе к мысли», выраженной в оригинале. Соблюдение этого правила позволяет освободиться от вредного влияния *стиля* и словарного *состава* текста оригинала на результат его изложения на другом языке средствами перевода, а полученные при этом выводы удалось

сделать благодаря созданию *виртуального образа* физического и психического состояния жертвы описанного инцидента [Гачечиладзе, 1980].

ПРИМЕР 2. (*Заимствован из публикаций СМИ, вышедших в свет в июле 2020 г.*):
BLACK LIVES MATTER vs. ЧЕРНЫЕ¹ ЖИЗНИ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ или ЖИЗНЬ ЧЕРНЫХ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ.

Вариант перевода, прозвучавший в теленовостях:

Перевод плаката участников митинга протеста темнокожих в США BLACK LIVES MATTER был предложен в форме ЧЕРНЫЕ ЖИЗНИ ИМЕЮТ ЗНАЧЕНИЕ или ЖИЗНЬ ЧЕРНЫХ ИМЕЕТ ЗНАЧЕНИЕ.

При этом рассмотрение предложенного варианта перевода следует осуществлять с учетом того, что слово «черный» в литературном русском языке в значении «негр» не используется (см. Толковый словарь русского языка). В этом значении используется существительное «чернокожий» или «темнокожий», которым переводчики не воспользовались.

Для выяснения области смысловых значений, охватываемых словом *matter*, следует обратиться к толковому словарю [EWED, 1999], из которого следует:

To matter is:

1. Have importance: to be important.
2. Make difference: to make a difference.

В результате можно сделать вывод о том, что данному контексту соответствует значение 1.

С целью выяснения смыслового значения слова *life*, которое – на первый взгляд – не вызывает никаких вопросов, следует обратиться также к толковому словарю английского языка, содержащему 13 толкований данного слова, для того, чтобы выбрать из них то, которое соответствует данному контексту.

¹ 1. Для того, чтобы обезопасить себя от пессимистической реакции на такое отличие между словарным составом текста оригинала и перевода со стороны неспециалистов, можно в скобках привести английский вариант, с примечанием «что дословно на английском звучит BLACK LIVES MATTER»). Этот прием поможет избежать нарушения стандартов родного языка в угоду иностранному, избежав засорения русского языка очередным «шедевром» в форме фразеологического псевдонеологизма. (Помните «никогда не говори «никогда», вместо «не зарекайтесь»? Так вот это – из той же серии!).

2. Можно выбрать и другой путь передачи на русском языке содержания плаката, которое изложено на английском – путем его передачи не в форме прямой речи, а описательно, но при обязательном использовании оборотов речи и слов, свойственных языку перевода, отказавшись при этом от словарного состава оригинального выражения, которые несвойственны языку перевода, типа «иметь значение» по отношению к «жизни» как к слову или понятию. (Например, участники митинга вышли с плакатами BLACK LIVES MATTER, что означает их требование воспринимать их как негров наравне с белыми).

Life is:

1. Existence in the physical world: the quality that makes living animals and plants different from dead organisms and inorganic matter. Its functions include the ability to take in food, adapt to the environment, grow, and reproduce [CCD, 2006].

2. Living individual: a living being, especially a person, often used when referring to the number of people killed in an accident or a war (*usually used in the plural*). ✓ *Two hundred lives were lost in the crash* [EWED, 1999].

3. Living things considered together: a group of living things, usually of a particular kind. ✓ *She was an expert on plant life in the Amazon* [EWED, 1999].

4. Whole time somebody is alive: the entire period during which somebody is, has been, or will yet be alive. ✓ *All my life I've wanted to learn to fly* [EWED, 1999].

5. Time when something functions: the period during which something continues to function. ✓ *Cheap batteries usually have short lives* [EWED, 1999].

6. Some part of somebody's life: a particular aspect of somebody's life. ✓ *social life* [EWED, 1999].

7. Human activity: human existence or activity in general. ✓ *real life* [EWED, 1999].

8. Life imprisonment: life imprisonment (*informal*) [EWED, 1999].

9. Way in which somebody lives: the character or conditions of an individual's existence. ✓ *Most people in this city lead hard lives* [EWED, 1999].

10. Characteristic way of living: a way of living that is characteristic of a particular place or group. ✓ *country life* [EWED, 1999].

11. Biography: an account of a somebody's life, usually in writing, but sometimes in other media such as film, video, or radio. ✓ *He was the author of «The Life of Galileo»* [EWED, 1999].

12. Vitality: animation and vitality, or something that produces animation or vitality. ✓ *We liked him because he was so full of life* [EWED, 1999].

13. Artist's subject: something real used as a subject by an artist, especially human models, who are often nude. ✓ *She always insisted on painting from life* [EWED, 1999].

В результате можно сделать вывод о том, что данному контексту соответствует значение 2, которое напрямую соотносится с понятием «личность» и «человек», в отличие от понятия «жизнь» как физиологического процесса.

При переходе к переводу лексической единицы *BLACK LIVES MATTER* на русский язык следует учитывать, что прежде чем сформулировать на родном языке мысль, высказанную иностранцем, переводчику следует мысленно поставить себя на его место,

для того, чтобы ощутить его психическое состояние и то, что он хочет выразить, то есть, иными словами, «пропустить через себя» то, что иностранец при этом переживает. Затем следует создать в своем сознании *виртуальный образ* психического состояния иностранца на основе того ощущения, которое он при этом испытывает, и только после осознанного восприятия его *сути* – но НИКАК не *словарного состава* – можно передать это ощущение средствами родного языка в той форме, которая является для этого языка естественной.

При этом можно предложить следующие варианты перевода:

1. Мы, негры, – тоже люди!
2. Мы, негры, – такие же, как все!
3. Равноправие – нам, неграм!
4. Жизнь негра – тоже жизнь!
5. Жизнь темнокожего – тоже жизнь!

При этом местоимение «мы», присутствующее в вариантах перевода 1-3, указывает на тот факт, что содержание плаката представляет собой *обращение* от лица того или тех, кто его написал или держит в руках. В случае же, если плакат держит не жертва насилия, а кто-либо из сочувствующих, местоимение «мы» можно опустить, поскольку такой демонстрант обращается не от своего имени. При этом вариант, предлагаемый в теленовостях, является констатацией факта, что не соответствует ни обстановке, ни цели его демонстрации.

Что касается слова «негр», которое присутствует в вариантах 1-4 перевода, то его применение можно считать допустимым, поскольку это не противоречит нормам русского языка, в котором – в отличие от слова Negro в английском – слово «негр» не является оскорбительным, каким, кстати, является слово «черный» по отношению к человеку в русском языке. (Negro is a highly offensive term for a black person (*offensive*)).

На основании вышеизложенного можно сделать следующие **выводы**:

1. Перевод любой информации на другой язык должен осуществляться при условии адекватности предварительного восприятия смыслового содержания текстовой информации (независимо от того, на каком языке она изложена) на *монолингвистической* основе средствами языка ее изложения, то есть без перевода на родной язык, что предполагает мысленную трансформацию ее лексического состава в некий *виртуальный образ*, формируемый в сознании на основе исходной текстовой информации.

2. Создаваемый *виртуальный образ* объекта перевода выполняет функцию промежуточного информационного ресурса, который служит содержательно-смысловой основой для восприятия данной информации на *монолингвальной* основе, что позволяет

перейти к последующей передаче его смыслового значения на *билингвальной* основе при помощи перевода исходной иноязычной информации на другой язык.

3. В ходе исследования проиллюстрирована на конкретных примерах роль *монолингвального* подхода в восприятии смыслового содержания иноязычной информации и доказано его основополагающее значение для обеспечения максимальной степени адекватности ее понимания на языке оригинала и равнозначности воспроизведения средствами языка перевода.

Целесообразность формирования *виртуального образа* оправдана наличием возможности избегать влияния неточностей, содержащихся в исходном текстовом выражении характеристик объекта перевода, и передачи о нем средствами другого языка более полной информации при высоком уровне ее объективности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арнольд И. В. О стилистической функции // Вопросы теории английского и русского языков. Вологда, 1970. С. 3-12.
2. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). Москва: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. 224 с.
3. Гачечиладзе Г. Р. Художественный перевод и литературные взаимосвязи. Москва: Советский писатель, 1980. 253 с.
4. Гудочник Л. Ю. Особенности лексико-семантических и лексико-стилистических трансформаций при переводе художественной литературы (на материале сказок О. Уайлда): дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Москва, 2009. 196 с.
5. Елисеева В. В. Лексикология английского языка. Санкт-Петербург: СПбГУ, 2003. 44 с.
6. Емельянова О. Н. Стилистическая составляющая лексикографического описания (на материале толковых словарей русского языка) // Русский язык сегодня. Москва, 2004. Вып. 3. Проблемы русской лексикографии. С. 84-90.
7. Захарова О. А. Виртуальная образовательная среда в профессиональной подготовке и повышении квалификации. Ростов-на-Дону: ДГТУ, 2011. 146 с.
8. Захарова О. А., Мерхелевич Г. В. Модель сетевого корпоративного центра непрерывной иноязычной подготовки на основе объединенных ресурсов // Фундаментальные основы физики, химии и механики наукоёмких технологических систем формообразования и сборки изделий. Ростов-на-Дону, 2020. С. 707-713.
9. Захарова О. А. Система научно-методического обеспечения дополнительного профессионального образования в информационно-образовательной корпоративной среде: автореф. дисс. ... д-ра пед. наук: 13.00.08. Донецк, 2017. 48 с.
10. Казакова Т. А. Художественный перевод. Теория и практика. Санкт-Петербург, 2006. 544 с.
11. Комиссаров В. Н., Черняховская Л. А., Латышев Л. К. и др. Текст и перевод. Москва: Наука, 1998. 165 с.
12. Мерхелевич Г. В. Методологическая основа системы научно-методического обеспечения процесса обучения иностранному языку студентов и специалистов // Вестник Луганского национального университета им. Т. Шевченко. Серия 1. Педагогические науки. Образование. 2019. № 2 (28). С. 31-37.

13. Мерхелевич Г. В. Методологические подходы к обеспечению точности восприятия иноязычной информации в сетевом взаимодействии на основе виртуального образа // Вестник Академии гражданской защиты. Донецк: ГОУ ВПО «Академия гражданской защиты» МЧС ДНР, 2020. Вып. 4 (24). С. 74-79.

14. Носов Н. А. Виртуальные смыслы неосмысленных вещей // Художественный журнал. 1994а. № 5. С. 24-26.

15. Носов Н. А. Психологические виртуальные реальности. Москва: Ин-т человека, 1994б. 195 с.

16. Павлов С. А. Виртуализация реальности и ее логика // Виртуальные реальности. Труды лаборатории виртуалистики. Москва, 1998. Вып. 4. С. 53-56.

17. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика: Очерки лингвистической теории перевода. 3-е изд., стереотип. Москва: Р. Валент, 2007. 244 с.

18. Эльжуркаева М. Я. Проблемы перевода фразеологических единиц // Филологические науки в России и за рубежом. Санкт-Петербург: Реноме, 2013. С. 106-109.

19. Leonardi V. Equivalence in Translation: Between Myth and Reality // Translation Journal. 2000. Vol. 4. No 4. Доступ: <http://translationjournal.net/journal/14equiv.htm>. (дата обращения: 15.11.20).

20. Tart C. T. Multiple personality, altered states and virtual reality: The world simulation process approach // Dissociation. 1990. Vol. 3. No 4. P. 222-233.

СПИСОК ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

1. Носов Н. А. Словарь виртуальных терминов // Труды лаборатории виртуалистики. Труды Центра профориентации. Москва: Путь, 2000. Вып. 7. 69 с. [СВТ].

2. Словарь русского языка: в 4-х т. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Русский язык, 1981. Т. 1. 696 с.; 1981. Т. 4. 794 с. [СРЯ].

3. Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary. 5th Edition. Glasgow, Great Britain, HarperCollins Publishers, 2006. 1712 p. [CCD].

4. Encarta World English Dictionary. 1999. 2078 p. [EWED].

5. Hornby A. S., Cowie A. P., Windsor Lewis J. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. London: Oxford U.P., 1975. 1055 p. [OALD].

6. Merriam-Webster's Collegiate Dictionary (Laminated Cover). 11th Edition. Chicago: University of Chicago Press Staff, 2004. 1280 p. [MWCD].

REFERENCES

1. Arnold, I. V. (1970). O stilisticheskoy funktsii [On the Function of Style]. In *Voprosy teorii angliyskogo i russkogo yazykov*. Vologda. Pp. 3-12. (In Russ.).

2. Vinogradov, V. S. (2001). *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy)* [Introduction to the theory of translation: basic problems and lexical difficulties]. Moskva: Izdatelstvo instituta obshchego srednego obrazovaniya RAO. (In Russ.).

3. Gachechiladze, G. R. (1980). *Khudozhestvennyi perevod i literaturnye vzaimosvyazi* [Fiction Literature Translation and Interconnections.]. Moskva: Sovetskiy pisatel. (In Russ.).

4. Gudochnik, L. Yu. (2009). *Osobennosti leksiko-semanticheskikh i leksiko-stilisticheskikh transformatsiy pri perevode khudozhestvennoy literatury (na materiale skazok O. Uaylda)* [Distinctive features of lexical semantics and style transformations in the fiction literature translation (based on O. Wilde fairy tales)]: diss. ... kand. filol. nauk: 10.02.20. Moskva. (In Russ.).

5. Eliseeva, V. V. (2003). *Leksikologiya angliyskogo yazyka* [Lexicology of the English Language]. Sankt-Peterburg: SPbGU. (In Russ.).

6. Emelyanova, O. N. (2004). *Stilisticheskaya sostavlyayushchaya leksikograficheskogo opisaniya (na materiale tolkovykh slovarei russkogo yazyka)* [Stylistic aspects of the contemporary Russian-language lexicographic descriptions (based on thesaurus of the Russian

language)]. In *Russkiy yazyk segodnya*. Moskva. Vyp. 3. Problemy russkoy lesikografii. Pp. 84-90. (In Russ.).

7. Zakharova, O. A. (2011). *Virtualnaya obrazovatel'naya sreda v professional'noy podgotovke i povyshenii kvalifikatsii* [Virtual educational environment in specialist training]. Rostov-na-Donu: DGTU. (In Russ.).

8. Zakharova, O. A., Merkhel'evich, G. V. (2020). Model setevogo korporativnogo tsentra nepreryvnoy inoyazychnoy podgotovki na osnove obedinennykh resursov [The Model of the network-based corporate center of sustained foreign-language teaching/learning based on united resources]. In *Fundamentalnye osnovy fiziki, khimii i mekhaniki naukoemkikh tekhnologicheskikh sistem formoobrazovaniya i sborki izdelii*. Rostov-na-Donu. Pp. 707-713. (In Russ.).

9. Zakharova, O. A. (2017). *Sistema nauchno-metodicheskogo obespecheniya dopolnitel'nogo professional'nogo obrazovaniya v informatsionno-obrazovatel'noy korporativnoy srede* [The research-and- methodological system of additional specialist training within the group-based educational environment]: avtoref. diss. ... d-ra ped. nauk: 13.00.08. Donetsk. (In Russ.).

10. Kazakova, T. A. (2006). *Khudozhestvennyy perevod. Teoriya i praktika* [Theory and Practice of Fiction Literature Ranslation]. Sankt-Peterburg. (In Russ.).

11. Komissarov, V. N., Chernyakhovskaya, L. A., Latyshev, L. K. i dr. (1998). *Tekst i perevod* [Text and its translation]. Moskva: Nauka. (In Russ.).

12. Merkhel'evich, G. V. (2019). Metodologicheskaya osnova sistemy nauchno-metodicheskogo obespecheniya protsessa obucheniya inostrannomu yazyku studentov i spetsialistov [Methodological fundamentals of the foreign language teaching/learning process intended for university students and professionals]. In *Vestnik Luganskogo natsional'nogo universiteta im. T. Shevchenko. Seriya 1. Pedagogicheskie nauki. Obrazovanie*. No. 2 (28). Pp. 31-37. (In Russ.).

13. Merkhel'evich, G. V. (2020). Metodologicheskie podkhody k obespecheniyu tochnosti vospriyatiya inoyazychnoy informatsii v setevom vzaimodeistvii na osnove virtual'nogo obraza [Mental-image based methodological approaches to foreign-language information perception under educational system conditions]. In *Vestnik Akademii grazhdanskoy zashchity*. Donetsk: GOU VPO «Akademiya grazhdanskoy zashchity» MChS DNR. Vyp. 4 (24). Pp. 74-79. (In Russ.).

14. Nosov, N. A. (1994a). Virtualnye smysly neosmyslennykh veshchey [Virtual meanings of hard-to-understand words and word combinations]. In *Khudozhestvennyy zhurnal*. No. 5. Pp. 24-26. (In Russ.).

15. Nosov, N. A. (1994b). *Psikhologicheskie virtualnye realnosti* [Virtual Realities of Psychological Nature]. Moskva: In-t cheloveka. (In Russ.).

16. Pavlov, S. A. (1998). Virtualizatsiya realnosti i eye logika [Various realities and their logic.]. In *Virtualnye realnosti. Trudy laboratorii virtualistiki*. Moskva. Vyp. 4. Pp. 53-56. (In Russ.).

17. Retsker, Ya. I. (2007). *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika: Ocherki lingvisticheskoy teorii perevoda* [Theory and practice of translation: linguistics-based issues]. 3-e izd., stereotip. Moskva: R. Valent. (In Russ.).

18. Elzhurkaeva, M. Ya. (2013). Problemy perevoda frazeologicheskikh edinit [Translation difficulties of phraseological units]. In *Filologicheskie nauki v Rossii i za rubezhom*. Sankt-Peterburg: Renome. Pp. 106-109. (In Russ.).

19. Leonardi, V. Equivalence in Translation: Between Myth and Reality. In *Translation Journal*. 2000. Vol. 4. No 4. Available at: <http://translationjournal.net/journal/14equiv.htm>. (accessed: 15.11.20).

20. Tart, S. T. (1990). Multiple personality, altered states and virtual reality: The world simulation process approach. In *Dissociation*. Vol. 3. No. 4. Pp. 222-233.

LEXICOGRAPHICAL SOURCES

1. Nosov, N. A. (2000). Slovar virtualnykh terminov [Dictionary of Virtual Terms]. In *Trudy laboratorii virtualistiki. Trudy Tsentra proforientatsii*. Moskva: Put. Vyp. 7. (In Russ.).
2. *Slovar russkogo yazyka* [Dictionary of Russian Language]: v 4-kh t. 2-e izd., ispr. i dop. Moskva: Russkiy yazyk, 1981. T. 1.; 1981. T. 4. (In Russ.).
3. *Collins COBUILD Advanced Learner's Dictionary*. 5th Edition. Glasgow, Great Britain, HarperCollins Publishers, 2006.
4. *Encarta World English Dictionary*. 1999.
5. Hornby, A. S., Cowie, A. P., Windsor, Lewis J. (1975). *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English*. London: Oxford U.P.
6. *Merriam-Webster's Collegiate Dictionary (Laminated Cover)*. 11th Edition. Chicago: University of Chicago Press Staff, 2004.

Мерхелевич Геннадий Викторович – кандидат педагогических наук, генеральный директор учебно-методического комплекса иностранных языков «АРПИ» (e-mail: infof@arpi.com.ua), 283001, Донецк, Артема 145А, ком. 734

Merkhelevich, Gennady V. – Candidate of Pedagogic Sciences, General Manager The ARPI ELT & Translation Agency (e-mail: info@arpi.com.ua), Of. 734, 145A, Artema str., Donetsk, 283015

Поступила в редакцию 25 января 2021 г.

**ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЕЙ,
НАПРАВЛЯЕМЫХ В РЕДАКЦИЮ НАУЧНОГО ЖУРНАЛА
«STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA»**

1. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К СОДЕРЖАНИЮ СТАТЕЙ

1.1. В журнале публикуются научные и обзорные статьи, рецензии и отзывы на книги и диссертационные исследования, объявления и информационные материалы по всем аспектам мировых языков и литератур, языкознанию, литературоведению, методике преподавания иностранных языков и перевода, прикладной лингвистике.

1.2. Журнал печатает только оригинальные, ранее не опубликованные научные работы.

1.3. Языки издания – русский, украинский, английский, немецкий, французский, испанский. В предложенной к публикации научной статье автор должен обосновать актуальность темы, четко сформулировать цель и задачи исследования, привести научную аргументацию, обобщения и выводы, которые представляют интерес своей новизной, научностью и практическим значением. В статье должен быть представлен обзор новейшей научной литературы по рассматриваемой проблеме.

1.4. Рукописи, которые подготовлены без учета требований к их оформлению (см. ниже), не принимаются.

2. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

2.1. Рукописи следует оформлять в формате .doc (Word 1997-2003) или .docx (Word 2007-2012).

2.2. Рекомендуемый объем представляемой к публикации статьи – 15000-25000 знаков с пробелами (8–12 страниц).

2.3. Параметры страницы: 210 x 297 мм (формат А4), ориентация книжная. Поля страницы: левое – 30 мм, верхнее – 20 мм, правое – 15 мм, нижнее – 25 мм. Шрифт обычный, Times New Roman. Размер шрифта: 12 пунктов в основном тексте, 10 пунктов в сносках. Междустрочный интервал: полуторный в основном тексте, в сносках – одинарный. Отступ абзаца составляет 10 мм. Следует четко дифференцировать тире (–) и дефис (-).

2.4. Текст рукописи следует подавать в виде единого файла.

3. СТРУКТУРА И ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ (см. пример ниже)

3.1. В левом верхнем углу печатают УДК нежирным прямым шрифтом (размер 12).

3.2. Инициалы и фамилия автора (авторов) печатают перед названием статьи жирным прямым шрифтом (размер 12).

3.3. Название статьи печатают прописными буквами, без абзаца, жирным прямым шрифтом (размер 14), межстрочный интервал одинарный, без автоматической расстановки переносов.

3.4. После названия статьи печатают аннотации (объем до 50 слов) и ключевые слова (не более 10 ключевых слов) на двух языках – русском и английском. Размер шрифта: 12 пунктов, курсив, через 1 интервал.

3.5. Текст статьи.

3.6. Список литературы (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 6).

3.7. References (список литературы) (размер 12, через 1 интервал) (см. ниже пункт 7).

3.8. Сведения об авторе (размер 11, курсив, через 1 интервал).

Пример:

УДК

© 2016 Ш. Р. Басыров

**ФУТБОЛЬНАЯ РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА
(НА МАТЕРИАЛЕ ГЛАГОЛОВ
НЕМЕЦКОГО РАЗГОВОРНОГО ЯЗЫКА)**

Статья посвящена изучению футбольной терминологии в современном немецком языке. Устанавливаются способы образования глаголов, выявляются словообразовательные средства, участвующие в их образовании, их активность, а также описывается семантика глагольных лексем в немецком разговорном языке. ...

Ключевые слова: разговорная лексика, способ образования, дериват, семантическая группа, семантика, субъект, коннотация, образность, метафоризация.

© 2016 Sh. R. Basyrov

**COLLOQUIAL FOOTBALL LEXIS
(BASED ON VERBS OF SPOKEN GERMAN)**

The paper deals with football terminology in the contemporary German language. The paper studies the structure and semantics of verbs in football lexis, reveals the ways of their formation, presents the semantic classification of these lexemes and describes their productivity.

...

Key words:

Текст статьи

.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1.
2.
3.

REFERENCES

1.
2.
3.

Басыров Шамиль Рафаилович – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германской филологии (e-mail: schamraf@rambler.ru), Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Донецкий национальный университет» 283001, Донецк, Университетская, 24

Basyrov Shamil R. – Doctor of Philology, Professor of Germanic Philology Department (e-mail: schamraf@rambler.ru), State Educational Institution of Higher Professional Education «Donetsk National University» 24 Universitetskaya, Donetsk, 283001

4. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ

4.1. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. должны быть обязательно пронумерованы, иметь источники и помещаться в печатном поле страницы (размер шрифта 12 пунктов, межстрочный интервал одинарный).

4.2. Рисунки, таблицы, схемы, графики и пр. в тексте помещают после абзаца, в котором на них ссылаются, или на следующей странице после ссылки.

Пример:

Таблица 1. *Количественная характеристика лексико-семантических групп оценочных абстрактных существительных в английском языке*

Лексико-семантическая группа	Количество единиц	Процентное соотношение	Пример
1. Состояние	355	44	<i>absence</i> ‘отсутствие’ – <i>the state of being away</i> ‘состояние нахождения не здесь’ <i>acrimony</i> ‘язвительность’ – <i>angry and bitter feelings or words</i> ‘злые и горькие чувства или слова’
2. Действие	123	15,2	<i>death</i> ‘смерть’ – <i>an act of dying or being killed</i> ‘акт смерти или убийства’ <i>destruction</i> ‘разрушение’ – <i>the action of destroying sth or of being destroyed</i> ‘действие уничтожения чего-либо или быть уничтоженным’

4.2. Примеры в текстах статей печатают курсивом (без выделения жирным), их перевод – в т. н. марровских кавычках: *coeur* ‘сердце’, *âme* ‘душа’.

4.3. В связи со сложностью издания графических материалов редакционная коллегия оставляет за собой право изъять их из текста.

5. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ ВНУТРИТЕКСТОВЫХ ССЫЛОК И ПОДСТРОЧНЫХ СНОСОК

5.1. При оформлении внутритекстовых ссылок в квадратных скобках указывается фамилия автора/авторов (если ссылка идет на сборник статей, то указывается его полное название), год издания и, после двоеточия, номера страниц, если необходимо.

Пример:

«Чем популярнее вид спорта, тем ближе его лексика к общезыковой (Allgemeinsprache), а между лексикой какого-либо спорта и общезыковой происходит оживленный взаимообмен (regulärer Austausch)» [Vollmert-Spiesk, 1996: 2].

6. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СПИСКА ЛИТЕРАТУРЫ

6.1. Список нумеруют и группируют по алфавиту, в начале книги на кириллице, потом – на иностранных языках.

6.2. В список литературы включают только научные статьи, монографии и книги (не менее 12 наименований, из них половина – источники последних лет. Наличие иностранных источников обязательно).

6.3. Правила оформления ссылок на источники в списке литературы:

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
<i>Монография, книга, раздел монографии</i>	<p>Басыров Ш. Р. Словообразование глаголов с рефлексивным комплексом в типологическом освещении. Донецк: Ноулидж, 2014. 562 с.</p> <p>Kaliuščenko V. D. Typologie denominaler Verben. Tübingen: Niemeyer, 2000. 253 S. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov V. P. (ed.), Geniušienė E. Š., Guentchéva Z. Reciprocal Constructions // Typological Studies in Language. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2007. Vol. 1-5. 2216 p.</p> <p>Бессонова О. Л. Процедуры анализа концептов при проведении сравнительно-типологических исследований // Лингвоконцептология: перспективные направления / под ред. А. Э. Левицкого, С. И. Потапенко. Луганск: Изд-во ГУ «ЛНУ имени Тараса Шевченко», 2013. С. 87-117.</p>
<i>Отдельный том многотомного издания</i>	<p>Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. М.: Русский язык, 2002. Т. 1. 622 с.</p> <p>Величковский Б. М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. М.: Смысл: Издат. центр «Академия», 2006. Т. 2. 432 с.</p>
<i>Статья из сборника</i>	<p>Кремзикова С. Е. Коммуникативные ситуации в старофранцузском дискурсе // Древняя и Новая Романия. Лингвистическое наследие Ш. Балли в XXI веке: сб. науч. ст. / под ред. М. А. Марусенко. СПб., 2010. С. 40-46.</p> <p>Пименова Н. Б. К истории и типологии грамматикализации германского артикля: прагматические модели употребления протоартикля в готском языке // ACTA LINGUISTICA RETROPOLITANA. Труды Института лингвистических исследований. СПб.: Наука, 2014. Т. X. Ч. 1. С. 403-428.</p> <p>Iagupova L. Idiomatisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang, 2013. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
<i>Журнальная статья</i>	<p>Ленец А. В., Алексеев А. В. История исследования лексических сокращений в германских языках // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н. А. Добролюбова. Нижний Новгород. 2014. № 28. С. 11-22.</p> <p>Петренко А. Д. Социофонетические аспекты языковой вариативности // Известия Южного федерального университета. 2014. № 4. С. 150-161.</p> <p>Atkinson D. Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition // The Modern Language Journal. 2007. Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Молчанова Г. Г. Коммуникативно-функциональная теория перевода как вид вариативной интерпретации действительности // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. № 3. С. 9-21. Доступ: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (дата обращения: 22.02.2014).</p> <p>Canagarajah A. S. Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions // The Reading Matrix. January 2011. Vol. 11. N 1. 15 p. Available at: ww.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry O. Cabbages and Kings // English and American Literature / CD-ROM. P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin, 2003. P. 75.</p>

7. ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РАЗДЕЛА REFERENCES

7.1. Внутренняя структура списка публикаций полностью идентична списку литературы на русском, сначала издания на кириллице, потом – на иностранных языках.

7.2. За основу оформления ссылок взят стандарт Harvard (<http://www.citethisforme.com/harvard-referencing>).

7.3. Правила оформления ссылок на источники в References (для автоматической транслитерации рекомендуется пользоваться сайтом <http://translit.net>, стандарт BSI; настройка стандарта осуществляется в центральном меню, раздел «Варианты...»). Фамилии и имена иностранных авторов и русскоязычных авторов, печатавшихся в зарубежных изданиях, подавать в оригинальном написании (например: Гринберг Дж. – Greenberg J., Чейф У. – Chafe W.).

Тип библиографической ссылки	Пример оформления библиографической ссылки
Монография, книга, раздел монографии	<p>Basyrov, Sh. R. (2014). <i>Slovoobrazovanie glagolov s reflektivnym kompleksom v tipologicheskom osveshchenii</i> [Formation of verbs with a reflexive complex in typological view]. Donetsk: Noulidzh. (In Russ.).</p> <p>Kaliuščenko, V. D. (2000). <i>Typologie denominaler Verben</i>. Tübingen: Niemeyer. (Linguistische Arbeiten. Bd. 419).</p> <p>Nedjalkov, V. P. (ed.), Geniušienė, E. Š., and Guentchéva, Z. (2007). Reciprocal Constructions. In M. Noonan (ed.) <i>Typological Studies in Language</i>. Vol. 71. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company. Vol. 1-5.</p> <p>Bessonova, O. L. (2013). Protsedury analiza kotseptov pri provedenii sravnitel'no-tipologicheskikh issledovaniy [Conceptual analysis procedures in comparative and typological studies]. In A. E. Levitsky, S. I. Potapenko (eds.) <i>Lingvokontseptologiya: perspektivnye napravleniya</i>. Lugansk: Izd-vo GU «LNU imeni Tarasa Shevchenko». Pp. 87-117. (In Russ.).</p>
Отдельный том многотомного издания	<p>Chernykh, P. Ja. (2002). <i>Istoriko-etimologicheskij slovar sovremennogo russkogo yazyka</i> [Historical Etymological Dictionary of the Modern Russian Language]. Moskva: Russkiy yazyk. Vol. 1. (In Russ.).</p> <p>Velichkovskiy, B. M. (2006). <i>Kognitivnaya nauka: Osnovy psihologii poznaniya</i> [Cognitive Science: Basics of psychology of cognition]. Moskva: Smysl: Izdatelskiy centr Akademiya. Vol. 2. (In Russ.).</p>
Статья из сборника	<p>Kremzikova, S. E. (2010). Kommunikativnye situatsii v starofrantsuzskom diskurse [Communicative situations in old French discourse]. In M. A. Marusenko (ed.) <i>Drevnyaya i Novaya Romaniya. Lingvisticheskoe nasledie Sh. Balli v XXI veke: sb. nauchn. st.</i> Sankt-Peterburg. Pp. 40-46. (In Russ.).</p> <p>Pimenova, N. B. (2014). K istorii i tipologii grammatikalizatsii germanskogo artiklya: pragmaticheskie modeli upotrebleniya protoartiklya v gostkom yazke [Towards the history and typology of the article grammaticalization in Old Germanic languages: pragmatic models of the use of proto-articles in the Gothic language]. In N. N. Kazanskiy (ed.) <i>ACTA LINGUISTICA PETROPOLITANA. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy</i>. St. Peterburg: Nauka. Vol. X. P. 1. Pp. 403-428. (In Russ.).</p> <p>Iagupova, L. (2013). Idiomaticisierte Präfixsubstantive mit <i>ge-</i> im Mittelhochdeutschen // <i>Semantik und Pragmatik im Spannungsfeld der germanistischen und kontrastiven Linguistik</i>. Frankfurt/M. u.a.: Peter Lang. S. 183-193. (Donezk Studien zur Germanistik, kontrastiven und diachronen Linguistik. Bd. 1).</p>
Журнальная статья	<p>Lenets, A. V., Alekseev, A. V. (2014). Istoriya issledovaniya leksicheskikh sokrashcheniy v germanskikh yazykakh [History of the lexical abbreviations research in the Germanic languages]. In <i>Vestnik Nizhegorodskogo</i></p>

	<p><i>gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta imeni N. A. Dobrolyubova.</i> No 28. Pp. 11-22. (In Russ.).</p> <p>Petrenko, A. D. (2014). <i>Sotsiofoneticheskie aspekty yazykovoy variativnosti</i> [Socio-phonetic aspects of language variation]. In N. V. Izotova (ed.) <i>Izvestiya Yuzhnogo federalnogo universiteta.</i> No 4. Pp. 150-161. (In Russ.).</p> <p>Atkinson, D. (2007). Alignment and interaction in a sociocognitive approach in second language acquisition. In H. Byrnes (ed.) <i>The Modern Language Journal.</i> Vol. 91. Pp. 169-188.</p>
<i>Интернет-ресурсы</i>	<p>Molchanova, G. G. (2015). <i>Kommunikativno-funktionalnaya teoriya perevoda kak vid variativnoy interpretatsii deistvitelnosti</i> [Communicative functional theory of translation as a form of interpretation of reality]. In <i>Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya.</i> No 3. Pp. 9-21. Available at: http://www.ffl.msu.ru/research/vestnik/. (accessed: 22.02.2014). (In Russ.).</p> <p>Canagarajah, A. S. (2011). Multilingual Communication and Language Acquisition: New Research Directions. In <i>The Reading Matrix.</i> January 2011. Vol. 11. No 1. 15 p. Available at: www.readingmatrix.com/.../january_2011/canagarajah_wurr.pdf. (accessed: 26.02.2014).</p>
<i>Материал на CD или DVD</i>	<p>Henry, O. (2003) <i>Cabbages and Kings.</i> In <i>English and American Literature / CD-ROM.</i> P. 3. Digitale Bibliothek Band 59. Berlin. P. 75.</p>

8. СОПРОВОДИТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ

Для публикации статьи в научном журнале «STUDIA GERMANICA, ROMANICA ET COMPARATISTICA» автору необходимо предоставить следующую информацию (e-mail: zhurnal.sgrc@donnu.ru):

1. Статью (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_statya.doc или ivanov_statya.docx).
2. Анкету (в электронном виде – название файла латинскими буквами фамилия автора, напр.: ivanov_anketa.doc или ivanov_anketa.docx).

АНКЕТА

	На русском языке	На английском языке
Фамилия, имя, отчество (полностью)		
Ученая степень, учёное звание (если имеются)		
Почетные звания (если имеются)		
Должность и структурное подразделение (полное название должности и структурного подразделения организации в именительном падеже)		
Организация, где работает или учится автор (полное название в именительном падеже, почтовый индекс, адрес – с официального сайта)		
	На русском языке	
Номера контактных телефонов автора и адрес электронной почты (личные или служебные)		
Специальность, которой соответствует содержание статьи и тема диссертации (для соискателей, аспирантов и докторантов)		

3. Отзыв научного руководителя для авторов без учёной степени (отзыв заверяется кадровой службой или ученым секретарем по основному месту работы и основной печатью организации).

9. О РЕЦЕНЗИРОВАНИИ

Все научные статьи подлежат обязательному независимому (внутреннему) рецензированию и научному редактированию. Организует независимое (внутреннее) рецензирование главный редактор, привлекая специалиста (доктора или кандидата наук), имеющего наиболее близкую к теме научную специализацию. Рецензент одновременно является научным редактором статьи.

Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент. Рецензирование проводится конфиденциально.

Представленные статьи проходят **проверку в программе «Антиплагиат»**. Уникальность статьи не должна быть ниже 85%. В случае выявления в тексте плагиата статья отклоняется без права ее дальнейшей переработки или доработки.

Рецензент несет ответственность за содержание и качество рецензии. Рецензент может дать одну из трех итоговых рекомендаций:

1) **статья может быть рекомендована к печати** без исправлений или с незначительными исправлениями;

2) **статья требует повторного рецензирования**, поскольку содержит существенные недочеты, которые должны быть устранены автором;

3) **статья не рекомендуется к публикации**, поскольку не отвечает критериям, предъявляемым к научным статьям.

Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации и отклоненная редколлегией, к повторному рассмотрению в прежнем виде не принимается. Она может быть вновь рассмотрена лишь в случае ее существенной переработки автором.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

***STUDIA GERMANICA, ROMANICA
ET COMPARATISTICA***

Том 17 Выпуск 1 (51) 2021

Язык издания: русский, английский, немецкий, украинский и др.

Компьютерная верстка: О. А. Гринева.

С электронным вариантом научного журнала можно ознакомиться на сайте ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет» (<http://donnu.ru/sgrc>).

Подписано в печать 01.04.2021 г.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 17,44.
Тираж 100 экз. Заказ № 21 апр 66.

Донецкий национальный университет
83001, г. Донецк, ул. Университетская, 24.
Свидетельство о внесении субъекта
издательской деятельности в Государственный реестр
серия ДК № 1854 от 24.06.2004 г.